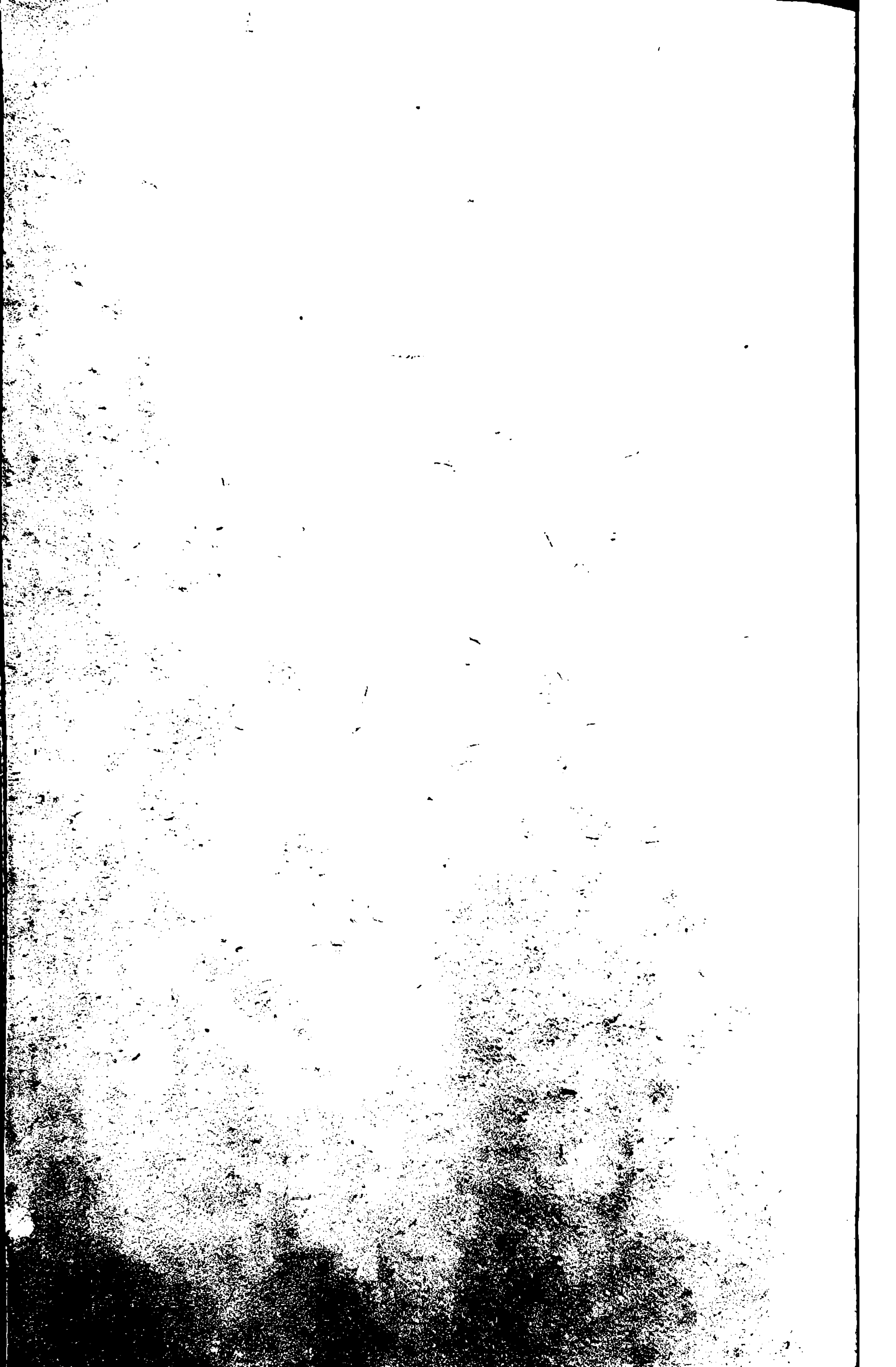

**Вячеслав
Тычинин**

ЖЕЛТАЯ ОПЕРАЦИЯ

Вячеслав Тычинин

ЖЕЛТАЯ ОПЕРАЦИЯ

РАССКАЗЫ

**ЦЕНТРАЛЬНО-
ЧЕРНОЗЕМНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Воронеж**

1967

7-3-2
54-4467

P2

ЖЕЛТАЯ ОПЕРАЦИЯ

1.

Молоденький милиционер, с широко раскрытыми наивными, добрыми глазами, был вконец озадачен. Дважды из толпы, которая нескончаемым потоком лилась мимо него к толкучке центрального городского рынка, донесся быстрый настойчивый шепот:

— Отведи меня в милицию!

В первый раз, от неожиданности, он никого не приметил. Но второй раз... Милиционер готов был поклясть-

ся, что шепнула эти слова вон та женщина в черном полушубке с меховой оторочкой на обшлагах, продававшая старые полосатые брюки. Теперь он не сводил с нее глаз. Женщина возвращалась. Брюки висели у нее на согнутой правой руке, у самой кисти.

Поравнявшись с милиционером, женщина покачнулась, словно от толчка, и на секунду прижалась к нему плечом. Сейчас же милиционер почувствовал, что его руку схватили и цепко держат. Со стороны могло показаться, что женщина остановлена милиционером.

— Что ты меня хватаешь? Чтоб тебя черти так хватали! — визгливо закричала женщина, дергая милиционера. — Не имеешь полного права!

— Гражданка...

Милиционер хотел освободиться от странной женщины, хотел объяснить, что он и не думал ее задерживать, что она свободна и сама, неизвестно почему, пристает к нему. Но ему не дали выговорить ни слова.

— Нешто я спекулянтка какая? Я мужнины брюки продаю. Вишь, старье какое. Или повылазило тебе? — еще громче прокричала женщина. Вокруг начали собираться люди.

— Гражданка... — уже сердясь, повторил милиционер.

— Что, «гражданка»? Никуда я не пойду, отцепись от меня. Прилип хуже банного листа. Делать нечего? Ишь, разъелся, аж щеки трясутся. В колхоз бы тебя, дармоеда, мешки ворочать! — пронзительно кричала женщина, оборачиваясь к толпе за сочувствием.

Это было уже слишком.

— Гражданка, следуйте со мной в отделение милиции, — строго провозгласил молоденький милиционер. — Вы нарушаете общественный порядок.

Женщина сейчас же смолкла и послушно зашагала впереди милиционера к выходным воротам центрального рынка. Оказавшись на малолюдной улице, она обернулась, насмешливо сверкнула глазами:

— Насилушку надумался. Давай, шагай быстрее!

— Успеешь, — оскорбленно откликнулся милиционер. — Не на свадьбу идешь.

2.

В тесной комнате ближайшего отделения милиции, с замасленным деревянным барьером и таким же столом за ним, женщина отказалась назвать себя и потребовала доставить ее к начальнику областного управления милиции. Дежурный, с пышными, как у запорожца, висячими усами, приготовившийся писать протокол, отодвинул чернильницу, удивленно взглянул на женщину:

— А зачем вам до начальника?

— Это уж я ему сама скажу.

— Вот видите, товарищ старший лейтенант, — обиженно вмешался молоденький милиционер, — как она разговаривает!

— Нет, не можно до комиссара, — решил запорожец и снова придвинул к себе чернильницу. — Як фамилия?

— «Не можно», — передразнила женщина дежурного, наваливаясь на высокий барьер. — Звони начальнику... Тарас Бульба! Ты обязан доложить.

— Тихо, женчина!

Неизвестно, чем закончилась бы перепалка, но в эту минуту распахнулась внутренняя дверь и в дежурку вошел быстрым шагом смуглый человек. Запорожец вскочил с табуретки. Молоденький милиционер вытянулся в струнку.

— Товарищ майор милиции, докладывает дежурный по отделению старший лейтенант Опанасенко. За время дежурства вызовов не було. Задержана гражданка за нарушение общественного порядка. Ось она. Отказывается назвать фамилию. Требует доставить ее до самого комиссара.

— Кто вы такая? — обратился майор к женщине. — Какое у вас дело к начальнику управления?

Серые глаза майора скользнули по обветренному, красному лицу женщины, полушубку, подшитым валенкам, на миг задержались на полосатых брюках, которые она продолжала держать на руке.

— У меня важное заявление. Могу сказать только лично начальнику, — ответила женщина. Теперь она говорила вежливо, без всякого вызова.

Майор колебался, потом решительно подошел к телефону, набрал нужный номер.

— Говорит майор Чернышев. Товарищ комиссар пер-

вого ранга, разрешите прибыть к вам с одним делом. Есть, выезжаю.

Женщина, перед тем как выйти из дежурки, тщательно закутала лицо шерстяным платком. В машине она откинулась на спинку заднего сиденья и облегченно вздохнула.

3.

— Я слушаю вас, — сказал комиссар, когда все вышли.

Неяркий зимний свет лился в сводчатые окна большого кабинета. Совсем по-домашнему тикали круглые часы на стене, отделанной линкрустом.

Женщина размотала платок, устало опустила руки на колени. Средних лет, темноволосая, еще почти без седины, она тем не менее производила впечатление преждевременно состарившегося человека: мешки под глазами, крупные морщины на лбу, сухие губы...

— Фамилия моя Логинова. Прозываюсь Евдокией Ивановной. Живу на прииске «Веселом»...

Женщина явно волновалась. Она замолчала, поправила пряди волос, провела языком по губам. Комиссар придвинул к ней стакан воды.

— Не волнуйтесь, — мягко сказал он. — Рассказывайте спокойно.

— Спасибо. Проживаю на «Веселом» вот уже лет пять. Судимая. В пятьдесят первом вышла из лагеря. Срок получила за спекуляцию... Дура была, на легкую жизнь польстилась... Ну, только с тем со всем покончено! — с силой вырвалось у Логиновой. — Теперь семья есть. Муж слесарем работает, ребятки растут, погодки... — Женщина опять помолчала, перевела дыхание. Комиссар терпеливо ждал. — А недавно, с месяц, приходят ко мне трое, наши же шахтеры, предлагают купить золото, в самородках и россыпью... Много... Кил, однако, восемь...

Комиссар вышел из-за стола, сел рядом с Логиновой в мягкое кресло, большой, в строгом темно-синем мундире. Евдокия Ивановна стеснительно подобрала ноги в подшитых валенках, потупилась.

— Почему они обратились к вам с этим предложением? — спросил комиссар, нажимая на слово «к вам».

— Как же, понятное дело. Считают за свою: судимая, спекулянтка...

— Так. А деньги? Разве у вас так много денег, что вы можете золото пудами скупать?

— Нет, они знают, что у меня денег с гулькин нос. Живем на зарплату мужа. Им другое нужно — чтоб я скупщика нашла, вроде бы свахой послужила. Ну и квартира для таких дел требуется, на улице не расторгнешься. А я не хочу! Опять в тюрьму затянет! Хочу честно жить, никого не бояться, не прятаться.

— С этим вы и пришли к нам, Евдокия Ивановна? — раздумчиво произнес комиссар после долгой паузы.

— С этим. Только боюсь я их, так боюсь!.. Ведь узнай они, что я тут, сама к вам явилась, и дня мне не жить. Как куренка прирежут! Я уж и то добилась, чтоб меня милиционер задержал, сюда привел. Если и приметили, подумают — опять за старое взяли, за спекуляцию.

— Это вы неплохо придумали, Евдокия Ивановна. А как фамилия тех, кто вам золото предлагал?

— Иван Волошин, по прозвищу Полтора Ивана — уж очень необъятный человек, Николай Прошунин да Пашка Малякин.

— А кроме них есть еще расхитители золота?

— Думается, есть. Их там, по намекам, цельная шайка подобралась. Но точно не знаю. Не говорят, остерегаются все же.

Комиссар задумался. Часы с мелодичным звоном пробили три раза.

— Еще один вопрос. Вы понимаете, конечно, Евдокия Ивановна, что мы не можем на основании одних ваших слов арестовать сейчас этих троих. Да к тому ж таким арестом мы ничего не добьемся. Они попросту откажутся от всего. Улик нет. Ясно, что золото они хранят не дома, а где-то в потайных местах. Значит, надо захватить преступников на деле, с поличным. Понимаете?

— Понимаю. Только... — Лицо женщины побледнело, уголки губ опустились. — Вот этого-то я и боялась, как надумала сюда идти. Мне надо в стороне остаться. Вроде ничего-то я и не знала. Рисковое это дело...

— Вы и будете в стороне, вне всяких подозрений. Это я вам обещаю твердо.

— Боюсь я, товарищ начальник! — Логинова с мольбой сжала руки, хрустнула пальцами. — Увольте меня от этого. Вы уж сами как-нибудь...

— Но поймите же, Евдокия Ивановна, без вашей помощи нам не обойтись, — проникновенно сказал комиссар. — Только через вас мы сможем ухватить эту ниточку.

— Ну, хорошо... — трудно выговорила Логинова. — Будь по-вашему. Назвался груздем... Что от меня требуется?

— Пока — ничего. Посовещуемся, разработаем план операции. У вас есть где переночевать в городе? Завтра утром сможете еще раз ко мне прийти?

— Оно, конечно, можно бы, да только лучше б...

Начальник управления понял затруднение Логиновой, нажал кнопку. У двери вырос дежурный.

— Проводите товарища на ночлег в двенадцатую комнату. А завтра, ровно в десять утра, пропустите прямо ко мне. До свидания, Евдокия Ивановна.

4.

Полная луна ярко освещала обледенелые копры шахт; конусы золотоносных песков, темные приземистые домишки «Веселого».

В этот полуночный час все уже спали. Угомонились даже приисковые девчата, допоздна хохотавшие возле клуба. Тишина накрыла тайгу, опустилась на прииск. Не спали только обитатели одного из домов, что приютился на отшибе, у самой тайги. Сквозь щель в ставне пробивался слабый свет.

Видимо, этот свет и привлек двух человек, внезапно вышедших из тайги. Они пересекли огород, отделявший дом от тайги, вошли в калиточку и приблизились к крыльцу. Передний стукнул в ставню. Сейчас же свет в щели исчез, потом в сенях загремел засов, забренчала железная цепь.

— Ты, кума? — спросил женский голос из-за двери.

— Я, Маша. Ты что, либо спать уклалась?

— Да уж и то хотела. Ждала, ждала тебя... Привела?

— Тут он...

Лязгнула еще одна цепь, и дверь наконец распахнулась. Оба ночных посетителя поднялись на крыльцо, исчезли в темных сенях.

В жарко натопленной избе хозяйка повесила керосиновую лампу на крюк, с любопытством оглядела гостей. Женщина, которую называли кумой, присела на краешек стула, сняла платок. Это была Логинова. Вошедший вместе с ней мужчина молча поставил на пол чемоданчик, снял шапку, полушубок, аккуратно пригладил волосы и лишь затем поздоровался за руку с хозяйкой.

— Знакомьтесь, — сказала Логинова. — Это, Вася, подружка моя, Мария Михайловна Решетова. Вдовушка. Человек надежный. Никто к ней не шляется. И место хорошее, на краю поселка, не то, что у меня, в центре. Да и изба просторная. Ребятишек нет, никто досаждать не будет. Вот так... Тебе, Маша, я про Василия Ефимыча все рассказала. Восемь лет не видались, а сегодня иду, глазам своим не верю... Он! Приехал из Новосибирска.

Логинова поговорила еще немного и поднялась.

— Пойду. А то как бы дети не перепугались. Отца-то дома нет, на участок уехал.

Хозяйка заперла дверь на все засовы, вернулась в комнату. Гость разглядывал фотографии на стене. Чемоданчик стоял у его ног.

— Это чо, мороз какой, леший его задави! А тут еще свету нет, станция поломалась... Вы ужинать будете, али как?

— Спасибо, хозяйюшка. Если можно, лучше б сразу на боковую.

— Тогда в эту горницу идите. Я уж вам и койку застлала.

Оставшись один, гость тщательно обследовал запоры ставень; не довольствуясь массивным крючком, придвинул к двери тяжелый диван и только тогда лег в постель. За стенкой ворочалась, вздыхая, хозяйка. Потом затихла. Послышался ее тонкий носовой свист.

5.

Назавтра пышнотелая Мария Михайловна рассмотрела своего постояльца во всех подробностях. Гладко выбритое смуглое лицо. Острые скулы. Зоркие серые глаза. Рот маленький, не улыбочивый. Не понять, сколько лет. Может, двадцать пять, а может, и за тридцать перевалило. «Сурьезный человек», — с уважением подумала Решетова.

Но одно не понравилось хозяйке: Василий Ефимович ни на минуту не оставлял без присмотра чемоданчик, всюду таскал его за собой по комнатам.

— Чтой-то вы, Василь Ефимыч? В моем дому ничё ему не подеется. Пошто за собой таскаете?

— Привычка, Мария Михайловна. Мое дело такое, сторожкое. Вы уж не обижайтесь.

— Да это как хочешь, — смягчилась Решетова, переходя с церемонного «вы» на дружеское «ты». — Мне-то что.

Однако, как видно, Марию Михайловну сильно интересовало содержимое чемоданчика постояльца. Настолько сильно, что, когда однажды Василий Ефимович отошел к окну, оставив крышку чемоданчика открытой, Решетова поспешно заглянула внутрь и увидела аккуратно перевязанные шпагатом пачки денег. Сверху лежали зеленые купюры в пятьдесят рублей. Заметив движение хозяйки, постоялец тотчас же опустил крышку чемоданчика.

— Водятся деньжонки-то? — понимающе подмигнула Мария Михайловна.

— Отпираться не буду, — согласился Василий Ефимович. — Факт, как говорится, налицо.

— Слушай, Василь Ефимыч, — понижая голос, хотя в избе, кроме них, никого не было, спросила хозяйка, — а куда ты его после деваешь, золотишко-то? Чай, с ним просто так, куда зря, не сунешься. И барыш еще надо взять, верно? Иначе на кой ляд своей башкой рисковать!

— Обязательно, Мария Михайловна. Без барыша какой может быть интерес. Есть у меня один закадычный кореш, под Одессой. В ювелирном магазине служит. Вот я с ним связь и держу. Он и за границу помаленьку сплавляет, через иностранных морячков, и частным врачам продает, на зубные протезы.

— Так, так... И много барыша берешь?

— Да ведь это как придется, — уклонился от прямого ответа Василий Ефимович. — Раз на раз не приходится. К тому ж, трудно стало работать. Строгости очень большие. А тут еще и самих купцов бояся. Иной раз шалят ребята. Так меж двух огней и ходишь... Как бы бросать не пришлось.

Зимний день прошел без всяких происшествий. Ма-

рия Михайловна стряпала на кухне пельмени, ее постоялец безвыходно сидел в своей комнатушке. Казалось, он кого-то поджидает.

Ожидание не было обмануто. Едва смерклось, на крыльце под чьими-то ногами заскрипел снег, послышался осторожный стук.

Снова загремели засовы, цепи, и в комнате появился юркий низкорослый человечек в желтом лисьем треухе. При виде Василия Ефимовича он втянул в себя воздух, словно обнюхивая незнакомого человека, блудливо obeжал комнату светлыми водянистыми глазами. Решетова деликатно вышла, но недалеко — затаилась за кухонной дверью.

— Вы будете Василий Ефимыч?

— Допустим.

— Я к вам от Евдокии Ивановны. Желательно бы одно дельце обговорить...

— А вы кто? Павел...

— Точно. Пашка Малякин.

Через полчаса оба — и Василий Ефимович, и Малякин — с ожесточением, но вполголоса спорили, сидя вместе, голова к голове.

— Мне это дело не с руки, — говорил Василий Ефимович, — я с мелочью возиться не буду. Кило два-три на бочку, тогда разговор другой.

— Да милый, ты ж пойми, — доказывал свое Малякин, прижимая к груди лисий треух, — я в вахтерах хожу. Каб я в забое работал или бы на промприборе, тогда конечно. А ты и крохами не брезгуй. Глядишь, по крохам капитал наскребешь.

— Мое слово твердо. Сказал — кончено.

— Просто даже обидно слышать... Куда же трудящему подаваться? С одними богатынькими компанию ладишь?

Спорили еще долго. Наконец Василий Ефимович сдался.

— Шут с тобой. Если приведешь стоящих ребят, забери и твои семечки.

— Это я обтяпаю, будь здоров, — повеселел Малякин.

Выходя, он незаметно скользнул на кухню, приник к самому уху Марии Михайловны, жарко дохнул водочным перегаром:

— А не звонарь скупщик твой? Есть у него деньга?

— Ого! Еще сколько. Чемодан из рук не выпускает. Один раз зазевался, крышку открыл, а там... У меня аж в глазах зарябило!

Малякин жадно облизнулся.

— Тогда мы ему подкинем золотишка. Закрывай за мной, я пошел.

6.

Следующий посетитель повел себя довольно странно. Он сразу прошел к Решетовой и долго шептался с ней. Василий Ефимович припал ухом к перегородке, но, как ни напрягал слух, ничего разобрать не смог. Лицо его сделалось озабоченным.

Через полчаса, стоя спиной к двери, Василий Ефимович почувствовал на себе пристальный взгляд. Кто-то изучал его в замочную скважину. Василий Ефимович повернулся. Язычок замочной скважины был отодвинут в сторону, но за ней никого уже не было.

Василий Ефимович заглянул к Решетовой на кухню.

— С кем любезничали, Мария Михайловна, если не секрет?

— С Колькой Прошуниним говорила. Умнеющий мужик! Сомневаются ребята, — откровенно сказала Решетова, — не вкапаться бы. За тобой хвост случаем не вязался? А то и тебя и ребят в момент схрястают.

— Насчет этого я спокоен. Пять лет езжу, и все бог миловал. Я и сюда ехал, напетлял вдоволь.

— Так и я объявила Кольке: будь, мол, спокоен. А Дуськин адрес кто тебе сказал? — словно мимоходом спросила Мария Михайловна.

— Да ведь она давно тут живет, — простодушно ответил Василий Ефимович. — Это я все время разъезжаю, вот она и потеряла меня из виду. А я от людей всегда знал, что она тут.

Ответ вполне удовлетворил Решетову.

— И взаправду так. Пойдем повечеряем. Я уши наварила, пельменей наделала.

Во время ужина, когда Василий Ефимович и хозяйка по-братски таскали уху ложками из одной миски, явился Павел Малякин.

- Хлеб-соль. Ну, хозяин, завтра жди гостей.
— Когда придут?
— В семь часов, как смеркнется получше.
— Буду ждать, — заверил Василий Ефимович, с аппетитом обсасывая хвост хариуса.

7.

Председательствовал Полтора Ивана. Почесываяшироченную мохнатую грудь, сидя на корточках, он выпускал из щербатого рта целые клубы зловонного махорочного дыма. Курили и другие. Дым пластами поднимался кверху и, не найдя выхода, застывал под низким потолком землянки.

— Я так полагаю, — пританцовывая на месте от возбуждения, горошком сыпал Павел Малякин, — фарт будет. Надо только...

— Замолчь, гнида, — лениво уронил Полтора Ивана. — Говори, Николай.

— Был я у Машки, — доложил Прошунин. — Привела его Дунька Логинова. Давнишний ее хахаль. Обсмотрел скупщика. Маленько фасонист, но осторожность соблюдает. Машка говорит, сама деньги в чемодане видала. Никуда его из рук не выпускает. До ветру и то с ним ходит.

— Истинно так, — не утерпел Малякин, с опаской взглядывая на председателя, — и я видал: одни полусотки, пачками.

На этот раз Полтора Ивана не оборвал Малякина, спросил недоверчиво, но миролюбиво:

— Бреешь?

— Подохнуть мне на месте!

Все помолчали. Толстые пачки денег, окруженные радужным сиянием, мелькнули в махорочном дыму и исчезли. Кто-то в дальнем углу вздохнул от избытка чувств.

— Ну как, торганем? — спросил Полтора Ивана.

— Всем идти не надо, — предложил Прошунин. К голосу его заметно прислушивались. — Пустим для начала троих. Поперед мальчишек к дому пошлем, проверить. Не худо бы на случай одного на стремя поставить. Борони бог, если милиция учуяла да засаду устроит! Как, ребята?

— Так ладно будет.

— Хорошо надумал.

— А я иначе думаю, — сладко, до хруста в костях, потянулся Полтора Ивана.

— Как? — разом спросило несколько голосов.

Полтора Ивана нехорошо ухмыльнулся, выдержал долгую паузу.

— Пришить его надо, вот как! И золотишко при нас останется, и вся выручка наша. Приехал он скрытно, никто его не видал. Оттащим в шурф — и концы. Ищи ветра в поле.

— А если он вооруженный? — боязливо спросил Малякин.

— Обязательно, — подтвердил Полтора Ивана. — Ну и что? Шуму не надо. Культурно брать, среди разговора.

На этот раз молчали прочно. Предложение казалось заманчивым, но слишком опасным. Однако жажда наживы пересилила. Приговор скупщику золота был вынесен.

— Иди к Машке, скажи скупщику, завтра в семь придем, — объявил Полтора Ивана Малякину.

8.

Тотчас после завтрака Василий Ефимович заторопился. Обычная медлительность в движениях и голосе оставила его.

— Надо сходить в сберкасса, взять подкрепление, — пояснил он Марии Михайловне. — Может, и вправду ребята натащат товару.

Подняв воротник полушубка, с неизменным чемоданчиком в руке, Василий Ефимович вышел со двора, повернул к центру поселка, где в одном здании помещались сберкасса и почта. Возле самой почты ему пришлось свернуть с дороги. Прямо на него, во всю ширину улицы, шагали молодые горняки, румяные от мороза, веселые.

— Эй, дядя, сторонись! Рабочий класс идет, — шутливо крикнул горняк в меховой курточке.

Василий Ефимович улыбнулся, скромно остановился на обочине. Горняки прошли, опавнув его свежим морозным ветерком, запахом крепкого табака и дубле-

ной кожи. На крылечке почты Василий Ефимович задержался, стряхивая снег с валенок, незаметно, но зорко огляделся.

У окошечка стояли две женщины. Выждав, когда они отойдут, он подал контролеру сложенный вчетверо аккредитив. Беленькая девушка развернула его. На стол скользнули служебное удостоверение и записка: «Не смотрите на меня! Не обнаруживайте удивления. За нами могут следить. Никаких вопросов. Немедленно передайте молнией этот текст в областной центр, Кирова, 17, Цареградскому: «Свадьба сегодня семь вечера сбор у подружки свахи Василий».

Не поднимая головы, лишь слегка вспыхнув, девушка дважды перечитала странную записку и поспешно вышла в низкую, обитую клеенкой дверь. Через несколько минут она возвратилась с аккредитивом в руках.

— Вы сколько хотите взять? — И одними губами, так что даже Василий Ефимович едва расслышал: — Молния пошла!

Глаза девушки блеснули. С плохо скрытым восторгом она смотрела на Василия Ефимовича.

— На весь аккредитив, пожалуйста.

Кассирша отсчитала тысячу рублей, просунула их в окошечко. Василий Ефимович поспешил пальцы, не торопясь пересчитал деньги. Боковым зрением он заметил на скамейке, в углу, мальчишку лет четырнадцати. Минуту тому назад его здесь не было. Все так же не торопясь, обстоятельно, Василий Ефимович подравнял пачку красных кредиток и засунул за пазуху.

На повороте к дому Решетовой осторожно посмотрел вбок. Тот же самый мальчишка шел следом, по другой стороне улицы, глаза на вывески. Понимающая усмешка тронула губы приезжего. Возвратясь домой, Василий Ефимович тотчас же попросил у хозяйки ножовку, молоток и гвоздей.

— Ловко у них в сберкассе устроено. Око видит, а зуб нейдет, — посмеиваясь, сказал он Марии Михайловне. — Надо и себе так. Береженого бог бережет. Что испорчу — за мой счет.

Умело работая ножовкой, Василий Ефимович проделал в двери своей комнаты квадратное окошечко, наподобие того, из которого он только что получал день-

ги, потом устроил деревянную задвижку к двери. Хозяйка заворчала было, но получила две красненькие бумажки и тотчас успокоилась.

9.

День уползал медленно, неохотно. Сначала потемнела кромка тайги, потом длинные сизые тени побежали по глянцевому насту, наконец померкла желто-красная полоса заката на западе. Отчетливей стал слышен тоскливый свист ветра в телеграфных проводах.

Стоя у окна, оклеенного грубой желтой бумагой, Василий Ефимович смотрел на редкую изгородь, черневшую на снегу. Сразу за изгородью начинался глубокий овраг. Тянулся он до самой тайги. Тревога медленно сжала сердце. Что, если в последний раз он видит эту тайгу, небо, закат солнца?

Упрямо тряхнув головой, Василий Ефимович отогнал мрачные мысли и принялся обследовать окно. Осмотр удовлетворил его: тонкая рама держалась в косяке на нескольких гвоздях, второй рамы не было вовсе.

Удостоверившись, что хозяйка на кухне и не может его видеть, Василий Ефимович слегка отогнул гвозди. Теперь достаточно было одного сильного удара, чтобы рама вылетела из косяка.

Покончив с этими приготовлениями, он подтащил тяжелый стол и забаррикадировал им дверь, затем достал из чемодана маленькие аптекарские весы, несколько пузырьков с кислотами и поставил их на стол. Чемодан остался открытым. Каждому, кто заглянул бы в выпиленное в двери окошко, прежде всего бросились бы в глаза крупные купюры, лежавшие в чемодане сверху.

Пока Василий Ефимович готовился к встрече гостей, на дворе совсем стемнело. Дунув в стекло, он погасил лампу, приник к окну. Вскоре, когда глаза освоились с темнотой, он начал различать изгородь, ближние дома, улицы. Прошло пять минут, десять... Улица оставалась пустынной. Василий Ефимович взглянул на черный циферблат ручных часов. Ровно семь.

В томительном ожидании прошло еще полчаса. Во всем доме стояла мертвая тишина. Мария Михайловна,

по-видимому, легла спать. Наконец вдалеке показались две фигуры. Василий Ефимович напряг зрение и различил, что идут подростки. Вихляясь, насвистывая, они медленно прошли мимо, потом вскоре появились снова, уже с другой стороны. «Разведку пустили...»

Только в десятом часу у крыльца послышались невнятные голоса. В ту же минуту забренчали запоры. Нет, как видно, Мария Михайловна не спала! Василий Ефимович быстро набросил на окно свой полушубок, зажег лампу, выпрямился во весь рост, прислушиваясь к голосам за дверью комнаты.

— Здорово, Машка!

— Здравствуй, Иван. О, и Николай здесь! А ты опять прибежал?

Перед закрытой дверью Полтора Ивана, Николай Прошунин и Павел Малякин остановились в неприятном изумлении. В небольшом окошечке виднелась только голова скупщика.

— Э, брат, это не по-нашенски! — вместо приветствия пробасил Полтора Иван, тяжело приваливаясь плечом к двери, чтоб определить ее прочность. — Что за новая мода? Отгородился, как в Госбанке.

— Деньги те же, что и в банке, значит, и загородка такая же нужна, — отшутился Василий Ефимович. Его глаза быстро перебегали с одного гостя на другого. Решетова поместилась сзади мужчин, сложила руки под высокой грудью.

Полтора Иван собрал кожу складками на лбу, пожевал массивными челюстями. Неожиданное препятствие поставило его втупик. Прошунин отодвинул дружка, сунул голову в окошко.

— Ладно, будь по-твоему. Нам-то какая разница... Только без мошенства! Вот, бери, вешай.

Прошунин опорожнил карманы телогрейки, ватных брюк, выложил на стол кусочки самородного золота. Драгоценный металл слабо замерцал. Скупщик обмакнул в одну из баночек с реактивами кисточку, мазнул ею по самородкам, потом начал накладывать гири на чашечку весов.

— Ты что ж это, сволочь, делаешь? — неожиданно крикнул Прошунин. — Куда золото сметаешь? Отполовинить хочешь? Для этого и перегородку соорстил? Слышь, Иван!

Полтора Ивана и Малякин поняли игру, немедленно включились в нее.

— Воруешь, гад! — взревел Полтора Иван.

— Ограбить нас вздумал? — завизжал Малякин.

— Открой дверь! — бесновался Прошунин. — Открой, ничего не будет. А иначе вынесем с петлями!

Полтора Иван с силой толкнул в дверь ногой.

— Ой, что вы, ребяташки! — запричитала Решетова.

— Круши! — скомандовал Прошунин.

Тяжелые удары посыпались на дверь.

Василий Ефимович не проронил ни слова, только неотрывно следил за своими врагами, придерживая стол.

Через несколько минут нападавшие убедились, что выломать толстую дверь из вековой лиственницы не удастся. Новая мысль осенила Прошунина.

— Я — в окно! У него, видно, оружия нет, — шепнул он своим сообщникам и кинулся в сени.

Ничего не подозревая, Василий Ефимович продолжал удерживать стол, не обращая внимания на окно за спиной.

Но прошло полминуты, минута, а в окне никто не показывался.

— Что за черт? — прорычал Полтора Иван. — Беги ты, Пашка!

Малякин трусливо пискнул что-то, но Полтора Иван так взглянул на него, что тот опрометью выскочил в сени.

Прошла еще минута.

— Да что они, проклятые, копаются так? — в полном неистовстве заорал Полтора Иван и обернулся к хозяйке, страшный, всклокоченный, с налитыми кровью глазами:

— Машка, тащи топор! Жив-ва!

Решетова метнулась в кухню, беспрекословно принесла топор, подала его. Полтора Иван обрушил свирепый удар на дверь. Во все стороны полетели щепы.

Василий Ефимович побледнел, но по-прежнему молчал.

Под сокрушительными ударами богатыря дверь раскалывалась быстро. Вылетела одна доска, другая... Со злорадным нечленораздельным хрипом Полтора Иван ударил еще раз обухом, налег плечом, и дверь слете-

ла наконец с петель. Стол опрокинулся. С топором в руках громила ворвался в комнату, занес его над скупщиком. ловким ударом табуретки Василий Ефимович успел выбить топор. Завязалась борьба, страшная, молчаливая, не на жизнь, а на смерть.

10.

«Молнию» с прииска «Веселый» посыльный доставил в областное управление милиции в десять часов утра. Через две минуты она уже лежала на столе у Царегородского, а еще через три по гулким коридорам длинного здания управления оперативники бежали к выходу.

Часть людей оперативной группы заполнила крытый кузов вездехода. Другие уселись в аэросани. Сквозь плексигласовые оконца виднелись только серые барашковые шапки. Взревели моторы. Выхлоп газов слился в один оглушающий треск. Машины вырвались со двора милиции, по «зеленой улице» быстро пересекли город, вынеслись на широкое шоссе и с предельной скоростью помчались на север.

К исходу дня машины оказались у самого прииска. Последовала команда: съехать в сторону, замаскировать машины ветками. Одетые в маскировочные халаты, люди цепочкой, след в след, поспешили к прииску целиной, обходя его с запада.

К шести часам оперативная группа сосредоточилась в овраге, неподалеку от дома Решетовой. Как только совсем стемнело, люди незаметно подползли ближе и обложили дом со всех сторон. Неразличимые в темноте в своих белых масках, они залегли в овраге, в огородах, в придорожных канавах, полусасыпанных снегом.

Нелегко лежать на морозе без движения, не смея ни закурить, ни кашлянуть. Минуты в таких случаях кажутся часами. Тем, кто залег в огородах, можно было по крайней мере растирать немеющие нос и щеки. Те же участники облавы, которые находились совсем близко от дома и на улице, не могли разрешить себе даже этого. Они лишь изредка согревали лицо в ладонях, стаскивая с рук меховые перчатки.

Минуло семь часов — время, назначенное телеграммой.

Минуло восемь.

Давно исчезли подростки, высланные вперед для разведки, а улица оставалась безлюдной. К одинокому дому Решетовой никто не подходил. Темные окна немо и загадочно смотрели в суровую сибирскую ночь.

Не произошла ли какая-нибудь ошибка? Не напрасно ли лежат люди на жгучем морозе?

Девять часов...

Неслышный вздох облегчения вырвался у всех. В конце улицы появились наконец четыре человека, крадучись скользнули вдоль забора и остановились у дома Решетовой, совещаясь. Один остался на страже, трое поднялись на крыльцо.

Едва эти трое исчезли внутри дома, за спиной «стража» бесшумно возникла белая фигура. В одно и то же мгновение человек в белом туго захлестнул горло «стража» приемом самбо и ударил его под коленки. Не издав ни звука, тот рухнул на снег как подкошенный.

— Молчать! Иначе — смерть! — услышал он внятный шепот.

Повторять приказ не было нужды. Пораженный внезапностью нападения, «страж» и не помышлял о том, чтобы предупредить сообщников об опасности. Он покорно дал скрутить себе руки за спиной.

Уже не таясь, вся группа собралась у крыльца дома. Изнутри доносились возбужденные голоса, глухие удары. Один из людей в маскхалатах заглянул в узкую щель в окно, не прикрытую полушубком, определил обстановку:

— Ломятся в дверь, товарищ полковник! Майор закрылся от них в этой комнате. Брать остальных?

— Брать. Вперед! — скомандовал полковник.

Но люди не успели подняться на крыльцо. Прямо на них, ничего не видя со света, выскочил Николай Прошунин. Выскочил, и сейчас же на его руках сухо защелкнулись металлические наручники. Еще через минуту к Прошунину присоединился Павел Малякин.

Охранять задержанных остались трое. Остальные вскочили в дом.

И вовремя! Как ни ловко, как ни гибко было натренированное тело майора Чернышева, оно не могло противостоять железным тискам Ивана Волошина. У майора хрустели кости, он задыхался.

В этот миг разом схваченный десятерыми, опрокинутый навзничь, Полтора Ивана очутился на полу.

С Волошиным еще возились, когда два оперативника кинулись к «скупщику». Но то ли ловкость на этот раз изменила им, то ли второпях они помешали друг другу, оба растянулись на полу. Когда же они вскочили на ноги, комната уже опустела. Сильным ударом ноги «скупщик» выбил раму и выскочил в ночь, оставив в комнате чемодан с деньгами, весы, золото, рассыпанное по полу, и даже свой полушубок.

Оперативники бросились к окну, вытаскивая наганы. В морозном воздухе громко затрещали выстрелы. Поздно! «Скупщика» и след простыл.

— Ушел! — гневно вскрикнул полковник.

— Что, не нравится? Не достался вам? Выкуси вот! — злорадно прохрипел Полтора Ивана.

11.

Заложив руки за спину, пружинисто приподымаясь на носках, Цареградский расхаживал по кабинету и развивал свою мысль. Майор Чернышев внимательно слушал. Верхний свет был выключен. Настольная лампа как-то по-домашнему, уютно освещала лишь угол стола. В открытые форточки клубами врывался морозный воздух, колебля тяжелые шторы.

— Малякин ничего нам больше не даст. Он на первом же допросе рассказал все, что знал. Это несомненно. Кстати, какой мерзавец служил в охране прииска! Воры, как видно, знали ему цену — Малякин не осведомлен о самом важном: где, в каком количестве они хранят на приiske золото, какими путями выносили его из шахт. Еще меньше знает Решетова. Она связана с уголовным миром, ворье использовало ее квартиру, но в свои тайны не посвящало. Малякин и Решетова все вместе назвали нам четыре фамилии. Но этого мало. Там, несомненно, целый гнойник. А главное, задержание, обыск ничего не дадут. Надо опять брать с поличным, либо заполучить веские улики.

— А Прошунин, Волошин, товарищ комиссар?

— Эти наверняка знают все. Но это люди другого склада. Оба — воры-рецидивисты, с несколькими судимостями. Впрочем, сделаем еще одну попытку, при вас.

Вызовем на допрос сначала Прошунина, затем Волошина. Сядьте за портьеру и слушайте.

Прошунин вошел в кабинет комиссара развинченной походкой, непринужденно, как в свою квартиру. Не ожидая приглашения, сел, закинул ногу за ногу, хладнокровно закурил папиросу. Конвойный остался у двери.

— Здесь не курят! — резко сказал Цареградский.

— Виноват! — с наглой улыбочкой отозвался Прошунин и потушил папиросу о зеленое сукно стола.

— Как, Прошунин, надумали говорить? Малякин благоразумнее вас. Сразу выложил все, что знал, на первом же допросе. Кто вам помогал проносить золото из шахты?

— Помогала темная ночь, гражданин начальник. Есть такая песня. Ха-ар-рошая песня! Слыхали небось? — окончательно прищурил свои и без того узкие глаза Прошунин. Его костлявое лицо растянулось в ухмылке. Вор явно издевался.

— Не паясничать, Прошунин! Отвечайте на вопрос.

— Эх, гражданин начальник, плохо вы, видно, знаете нашего брата. Кому тюрьма страшна, а мне она дом родной. Я из нее, почитай, не вылажу. Чего мне робеть? Я порядок знаю. Подберу бригаду из мужиков, и будут они по двести процентов давать. А мне, как бригадиру, зачеты пойдут. Даже если дадут срок на всю катушку, и то через пяток лет выскочу, не задержусь. И все будет законно.

Цареградский вышел из-за стола, положил руку на плечо Прошунину.

— Послушай, Прошунин, у тебя есть воля, характер. Ты не глупый человек. Неужели ты никогда не задумывался над тем, что ждет тебя в будущем, в конце жизни? Ну, хорошо, сейчас ты еще в расцвете сил, полон энергии. А дальше? Кому ты нужен будешь, такой отщепенец? — Голос комиссара звучал тепло, с неподдельной душевностью. — Забудь на минуту, что ты в стенах милиции, на допросе. Перед тобой человек, который годится тебе по возрасту в отцы. И этот человек хочет тебе добра. Я многое видел в жизни, многое испытал, и я говорю тебе: остановись! Еще не поздно. Пока. Потом будет поздно.

Прошунин резко поднялся, стряхнул со своего плеча руку Цареградского. Лицо его исказилось, черные гла-

за вспыхнули. Видно, слова комиссара задели самое больное.

— Уже поздно! И вы меня не тревожьте, — почти с угрозой сказал Прошунин. — По какой дорожке пошел, по такой и дойду... до омута. Не маленький, сам дойду!

Волнение схлынуло так же быстро, как возникло. Лицо Прошунина приняло обычный насмешливо-скупающий вид.

— Вот так. Давайте кончать, гражданин начальник. Пустой это разговор. Ничего я не скажу. Зря держите. Меня ребята в камере ждут, в очко перекинуться.

— Ну что ж, идите, Прошунин, — устало сказал Цареградский, — раз так, я вас не держу.

Иван Волошин смущенно остановился в дверях, головой под притолоку. Ему хотелось казаться развязным, как Прошунин, которому он завидовал и всегда подражал, но развязность не получалась. Огромные жилистые руки не знали, куда им деваться. Ноги, в здоровенных растоптанных опорках, самому Волошину казались нелепыми на ярко-голубой ковровой дорожке...

— Эка богатырь вымахал, — укоризненно сказал Цареградский. — Да тебе, если б на добрые дела пуститься, цены б не было!

Польщенный Волошин хотел улыбнуться, потом спохватился, насупился:

— Вы мне зубы не заговаривайте.

— Я не бабка, чтоб тебе зубы заговаривать. Садись, поговорим.

— А может, я постоять желаю?

— Хочешь — стой. Дело твое. Тем более, разговор у нас будет короткий. Малякин во всем признался. Похоже — ты у них заводилой на прииске был, всю шайку сколотил. Прошунина припрям — тоже сознается.

Волошин вспыхнул, открыл было рот, но удержался, подозрительно посмотрел на комиссара.

— Не такой человек Николай Прошунин, чтобы товарищей завалить. Это вы бросьте заливать! А Малявка — тот может, да. Отсиджу срок, узнаю, ежели взаправду — придавлю, гниду.

Цареградский неодобрительно покачал головой.

— Тебе, Волошин, еще предстоит ответить перед го-

сударством за хищение золота. Вот о чем надо думать, а не о мести.

— «Ответить»... Ну и отвечу! Ваша взяла, зацапали. Да только век в тюрьме держать не будете. Мне бы только освободиться да вызнать, кто нас продал... Уж я б тогда...

Огромные кулаки преступника непроизвольно сжались.

Когда Волошина увели, Чернышев вышел из-за портьеры. Цареградскому не надо было спрашивать о его впечатлениях. Они были написаны на смуглом нервном лице майора.

— Что, не говорил я вам?

— Вы правы, товарищ комиссар. Но какое зверье!..

— Да, отборные экземпляры. Что ж, испробуем иные пути. Мы должны предпринять глубокий обходный маневр.

— У вас есть план? — оживился майор Чернышев.

— Да, «Василий Ефимович», — с юмористической ноткой в голосе ответил Цареградский. Комиссар подошел к большой географической карте области, закрытой шторкой, отдернул ее, поискал глазами прииск «Веселый». — Как вы смотрите на вторичную поездку на тот же прииск? Первую операцию вы провели блестяще. Но надо выкорчевать это гнездо с корнем.

При всей выдержке Чернышев не смог скрыть своего изумления.

— Мне ехать на «Веселый»? Вторично? Когда там после этих арестов все разворочено и кипит, словно в муравьиной куче?

— Вижу, вы меня не совсем поняли, — скупно улыбнулся Цареградский. — Вот послушайте...

12.

Взбешенный провалом, Полтора Ивана в первый день бушевал вовсю. Он то сотрясал оконную решетку, то колотил окованную железом дверь ногами так, что гул летел по всему коридору, то яростно отшвыривал котелок с кашей, омерзительно ругаясь. Сожитель по камере от страха забился в самый дальний угол нар.

Но понемногу вор утихомирился. Обхватив голову руками, он мучительно размышлял над тем, как мили-

ция смогла выследить скупщика золота и накрыть на месте преступления вместе с ними. Но сколько ни думал об этом Полтора Ивана, разгадка не находилась. «Эх, с Колькой бы перетолковать! Тот башка, может, чего и надумал бы!»

Лишь к вечеру Волошин соблаговолил заметить около себя тщедушного, заросшего рыжей щетиной человека. Перешибленный нос, кривой рот делали и без того непривлекательную физиономию Чижикова совсем отвратительной.

— Ну и харя! — заржал Полтора Ивана. — Эй, приятель, где ты себе заказывал такую образину?

Чижиков ответил недовольным взглядом, но смолчал, не смея перечить богатырю, у которого мускулы так и выпирали из-под грубой черной рубахи.

— Высморкай свой хобот, не слышу, — продолжал издеваться Полтора Ивана.

— Рад, что здоровый вырос? — плаксиво отозвался Чижиков.

Такое знакомство не помешало сожителям по камере вскоре же сблизиться, насколько это было возможно при необузданном и грубом нраве Полтора Ивана. Едва он узнал, что Чижиков через несколько дней будет на воле, как немедленно изменил свое обращение с ним.

— Не будешь дураком, — втолковывал Полтора Ивана Чижикову, — век не придется в трамваях сумочки срезать. Понял? У нашей братвы золотишка невпроворот. Каб не сорвалось это дело, я б теперь гоголем ходил, шелковые портянки наматывал. Помогни мне и сам обижен не будешь. Смекаешь?

— Как не смекнуть! — согласно кивал головой Чижиков. — Это по мне. Ты только скажи, чего делать-то.

— Перво-наперво съездишь к моей бабе на прииск. Я тебе к ней письмо дам. Она тебе укажет верных людей, кто золотишком занимается. Сумеешь им купца предоставить — и сам деньгу огребешь. Обскажешь моей Нюрке, как я тут... и вообще... Колька, мол, Прошунин и я стоим крепко, а Малякин вроде бы раскололся. Кто нас всех на «Веселом» засыпал — еще не дознались. Письмо мне и сотню али две запечешь в хлебе. А я тут кого-нибудь подмажу, чтоб тебе мои письма передавали. Порядок?

— Порядок!

— Да не вздумай крутить! — грозно сказал Полтора Ивана. — Не дай бог... На дне моря разыщем, отвернем кочан.

За неделю до выхода Чижикова из тюрьмы Полтора Ивана потребовал у тюремного надзирателя бумаги и чернил писать прошение в Президиум Верховного Совета, но неожиданно получил отказ. Не помог и грандиозный скандал, который затеял Полтора Ивана.

— Не велено давать, — стоял на своем надзиратель.

— Как так не велено? Закон нарушаешь?

Полтора Ивана продолжал буйствовать, но добился только того, что его на три дня посадили в одиночную камеру, а когда снова перевели обратно, Чижиков уже исчез.

Дней через десять после исчезновения Чижикова находившийся в большой тревоге Полтора Ивана получил передачу: буханку белого хлеба, кружок колбасы и банку консервов. В хлебе обнаружилась запеченная записка и тоненькая пачка десятирублевых. Лихорадочно развернув записку, вор прочел: «Иван! Ты не думай, что я продался легавым, забыл наш уговор. Освободили меня пораньше, помогли старые зачеты. Мне повезло: только вышел, подвернулась одна дамочка с хорошим портмонею. Посылаю сто целкашей. Поговори с коридорным надзирателем, он не против подзаработать. Если не передумал, присылай письмо, поеду к твоей Нюрке. Но только чтоб за эти кровные сто братва выдала мне пятьсот. Иначе я не согласный. Чиж».

В тот же вечер Полтора Ивана уговорил коридорного надзирателя доставить ему бумаги, чернил и бросить письмо в почтовый ящик. Тот сначала не соглашался, долго отнекивался, но когда Полтора Ивана посулил ему хороший куш и показал стопку денег, надзиратель сдался.

— Хрен с тобой, корябай. Сволоку на почту.

13.

Опытный гример областного драматического театра Михайлов неожиданно получил вызов в управление милиции. Гример недоумевал. Но все разъяснилось очень быстро. Михайлову дали «Волгу», любезно попросили

привезти из театра все принадлежности его искусства и предупредили, что речь идет о гримировке одного из оперативных работников милиции.

Через час майор Чернышев встал с кресла буквально преображенным. Даже Цареградский с трудом узнал его. Темная щеточка усов, мохнатые брови, припухлый нос состарили майора лет на десять, неузнаваемо изменили его внешность.

— Не зря про вас говорят, товарищ Михайлов, что вы маг и волшебник, — сказал комиссар, пожимая руку польщенному гримеру. — Воистину так. Но!.. — Цареградский многозначительно приложил палец к губам. — Никому ни слова!

— Понимаю, понимаю! — усердно раскланивался Михайлов, пятясь к двери.

Та же «Волга» отвезла гримера домой, к супруге, которую уже начало беспокоить долгое отсутствие мужа. Он позвонил ей, что едет в управление милиции, но зачем — не сказал.

14.

Морозным вечером в окошко низенького домишки, где обитала семья Ивана Волошина, легонько стукнули. Анна Акимовна Волошина, которая успела задремать, высунула голову из-под ватного одеяла, сторожко прислушалась.

Тишина.

«Померещилось», — подумала Волошина и снова нырнула под теплое одеяло.

Но стук, негромкий, какой-то вкрадчивый, повторился.

Волошина сердито сбросила толстые ноги на холодный пол, прошлепала к окну, затянутому ледяными узорами.

— Кого черт принес?

— Открой, хозяйка, я от Ивана... — глухо донеслось из-за двойных рам.

С проворством, которое трудно было предположить в такой тучной женщине, Анна Акимовна метнулась к двери, как была, в одной рубашке, поспешно откинула крюк. На пороге возникла неясная фигура в тулупе,

башлыке. Сбросив на пол рукавицы, новоприбывший прежде всего поспешил к печке.

Хозяйка набросила на себя полушубок, всунула жирные ноги в теплые валенки, включила свет и подошла к гостю, разглядывая его. Но лицо ночного посетителя, со щеточкой темных усов, оказалось совершенно незнакомым. Разбуженная светом и шумом, с лежанки высунула голову белобрысая девочка лет шести и снова скрылась.

— От Ивана, говоришь? — недоверчиво спросила Анна Акимовна. — А сам-то ты кто? Где Ивана видал?

Вместо ответа человек полез за пазуху окоченевшими, негнущимися руками, вытащил пакет, обернутый тряпкой, и начал разматывать его. Как видно, ночной гость не отличался разговорчивостью.

В тряпке оказалось письмо, сложенное треугольником, завернутое в толстую бумагу. Анна Акимовна почти выхватила письмо, с нетерпением распечатала.

«Нюрка! — писал Иван Волошин, как всегда, коряво, огромными буквами. — Податель сего Чижииков — человек верный. Вместе сидели в камере. Все расскажет про меня. Живу ничего. Сильно за тобой скучился. А ты небось гуляешь, шалава, вовсю? Освобожусь, усмерть раскатаю. Перешли с Чижииковым курева, спичек, чего ни то из жратвы.

На допросы меня больше не таскают. Отступились. Ни фига мы им с Колькой не сказали! А Пашка Малякин вроде раскололся. Кто навел милицию — не знаем. Верней всего, за скупщиком следили. Зря мы его шлепнуть хотели — других напугали. А золотишко продать надо. Чиж поможет. Вышли мне пару сотенных. Ему сто отдай, он из своих потратил на меня. Опиши, кого еще взяли. Иван».

— Ах он, соколик мой! — радостно сказала толстуха. Угроза мужа в письме, как видно, нимало не смутила ее. Словно желая оправдать сомнения мужа, Анна Акимовна кокетливо передернула плечами, игриво взглянула на вестника. — Значит, вместе сидели? Тебя как звать-то?

— Степаном. Чижииковым.

— Раздевайся, Степан. Сейчас я чаю вскипачу. Поговорим толком.

За чаем план действий был разработан полностью.

— Немного золота я завтра возьму, чтоб тебе с деньгами обернуться. Есть у меня скупщик на примете, да ехать сюда опасается. Сильно вы, черти, ихнего брата напугали! — рассказывал Чижилов, с наслаждением хлебая горячий чай с блюдечка.

Спать долго не пришлось. Утром достойная супруга Волошина сбегала к тайнику мужа, принесла золота. Чижилов забрал его, двести рублей для Ивана, посылку, которую успела приготовить Анна Акимовна, ответное письмо от нее и с наступлением вечера уехал.

Через неделю Чижилов приехал снова, со вторым письмом Ивана Волошина. На этот раз Анна Акимовна встретила его, как своего человека, совсем по-домашнему, свела с несколькими знакомыми.

Поездки Чижилова участились. Круг его знакомства расширился. Настал день, когда он обязался привезти с собой крупного скупщика, чтобы разом взять все золото. От имени скупщика Чижилов выдвинул требование: собраться всем не вечером, а днем, не на краю поселка, а неподалеку от центра, в доме Волошина, не пытаться повторить ограбление. Полтора Ивана в последнем письме также требовал от своих сообщников на этот раз обойтись «без глупостей».

Подшло воскресенье, назначенное для встречи. С утра повалил густой, хлопьями снег. Окрестности затянуло марлевой сеткой. В ней утонули дома прииска, труба электростанции, металлическая мачта рации.

Чтобы не привлечь ничьего внимания, люди подходили поодиночке, с большими промежутками. В доме Волошина гостей встречали и рассаживали Анна Акимовна и Чижилов, который давно стал тут «своим в доску парнем». На всякий случай на середину избы выдвинули стол, накрыли его скатертью, поставили вино и закуску, чтобы сборище можно было представить товарищеской гулянкой. Как и обещали, пришли все двенадцать человек, двое — с соседнего прииска «Осенний».

Точно в условленный час входная дверь широко распахнулась. Трое плечистых незнакомцев появились на пороге. Разговор в избе сразу оборвался. Стало тихо. Не одно сердце екнуло в непонятной тревоге, от неясного предчувствия.

— Ничего, ничего, это свои! — успокаивающе ска-

зал Чижиков и перешел к незнакомцам. Те стояли все так же молча, без улыбки, не здороваясь. Было что-то пугающее, недоброе в этом молчании. Стало так тихо, что мягкий стук лап кошки, спрыгнувшей с табуретки, многих заставил вздрогнуть.

— Все в сборе? — спросил наконец после тягостной паузы один из вошедших, в добротном полушубке.

— Все! — подтвердило несколько голосов.

— Все, — повторила Анна Акимовна, не без гордости оглядывая людей, собранных ее усилиями.

— А товар?

Два-три человека выразительно похлопали себя по стопыренным карманам. Остальные промолчали. Необъяснимый страх расползлся по избе.

— Тогда начнем!

Вошедшие расступились, и в дверь просунулись вороненые стволы автоматов. Преступники вскочили, но во всех окнах, звеня, вылетели стекла, и рыльца таких же автоматов выжидающе уставились на расхитителей.

— Всем сидеть на местах! — властно приказал «Чижиков». — Руки вверх!

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Начальник автобазы неподвижно стоял у окна, сцепив руки за спиной. От окна веяло холодом. Жестокий мороз выгравировал на стекле причудливые елочки, лепестки, жилки. Только в одном месте от теплого дыхания человека образовалось черное пятно. Сквозь него был виден угол кирпичного гаража, освещенный электрическим фонарем. На плоском абажуре фонаря толстой шапкой лежал снег.

В дверь громко постучали. Начальник автобазы вздрогнул, порывисто обернулся:

— Да! Заходи!

Коренастый шофер, не торопясь, притворил за собой дверь, в которую тотчас же ворвались клубы морозного тумана, завистливо покосился на гудевшую в углу раскаленную печку, сделанную из железной бочки, и выжидательно остановился у порога. Морозный туман, стелясь по полу, достиг дальней стены, поднялся и растворился в воздухе.

— Са... э, Максим. Разговор будет, — сказал начальник автобазы и показал на табуретку. Шофер шагнул, присел на край табуретки, подвинув ее поближе к выпуклому малиновому боку печки.

С минуту начальник автобазы в упор разглядывал скуластое лицо шофера с широко расставленными черными глазами, приплюснутым носом, упрямым подбородком.

Шофер сидел молча. На нем были высокие оленье унты, потертый на сгибах, лоснящийся от масла, подбитый мехом комбинезон, туго перехваченный желтым ремнем. На коленях — пыжиковая шапка с длинными ушами. И одежда, и обувь — все приспособлено для многочасовой езды на самом лютom морозе.

Начальник автобазы зашел за стол, крепко потер ладонями красное, обветренное лицо, шумно вздохнул:

— Придется тебе, Максим, сделать рейс на прииск «Ольхон».

Что-то дрогнуло в лице шофера. Он разомкнул потрескавшиеся губы, готовясь заговорить, но снова плотно сжал их, не проронив ни слова, продолжая слушать.

— Да, браток, на «Ольхон», — продолжал начальник автобазы. — Повезешь продовольствие. Знаю, что скажешь: сейчас, в декабре, наледи большие. Но другого выхода нет. Прииск без хлеба. Радируют: второй день варят фасоль. Вот тебе и Новый год! — горько усмехнулся начальник автобазы. — А там шестнадцать ребятишек, женщины... Послал трактор с санями — тракторист разморозил блок, стал у Волчьей заимки. Бурдов с машиной засел в наледи, едва пешим вернулся. Кроме тебя, никому... У-2 вчера сбросил на бредущем мешок муки, а сегодня и этого нельзя сделать: туман накрыл тайгу. Метеостанция обещает туман на полме-

сяца. Представляешь положение? Вопрос стоит так: тби, комсомолец, получил особое задание. Выполняй любой ценой. Любой! — еще раз подчеркнул начальник. — Хотя бы для этого пришлось пожертвовать машиной. Ясно?

— Куда ясней...

Максим поднялся со стула, нахлобучил шапку, затоптался у стола, широкоплечий, похожий на медведя в своих унтах.

— Николай Иванович, я жену отвез в больницу, ей не сегодня-завтра рожать, так вы уж проверьте, пожалуйста, — просительно сказал шофер, — чтоб дали машину домой вернуться.

— Марусю? — вскинулся за столом Николай Иванович. Лицо его страдальчески сморщилось. — Что ж ты раньше не сказал? Тогда тебе ехать нельзя. Оставайся дома. Скоро Юрченко вернется, отдохнет, и направлю его на Ольхон.

— Нет уж, — решительно отклонил предложение Максим. — Задание получил, надо ехать. Чего на других перекладывать...

Шофер открыл дверь и опять захлопнул ее, задержался на пороге.

— Если не трудно, Николай Иванович, дайте потом на «Ольхон» радиogramму: как там Маруся, кто родился... Я доеду и сразу буду знать.

— Будь спокоен, Максим, — отозвался начальник автобазы, — сам Марусю привезу и радиogramму дам. Лишь бы ты не оплошал в дороге, пробился к прииску.

...Дверь диспетчерской отворилась. Полоса яркого света упала на грузовик, выбрасывавший из глушителя клубы дыма, и снова все утонуло в морозной мгле. Максим спустился с крыльца, обошел вокруг машины, привычно постукивая по баллонам ногой. Скрипнула дверца кабины. Потертое, продавленное сиденье осело на пружинах под тяжестью тела. Засунув сложенный вчетверо путевой лист под планку кабины, Максим включил рычаг коробки скоростей. Автомобиль тяжело стронулся с места.

Набирая скорость, грузовик вышел на главный тракт. Промелькнули тесовые ворота продовольственного склада, бензиновые баки нефтебазы, окраинные рубле-

ные домики поселка, по самые резные наличники заваленные снегом. И сразу же началась тайга.

Высокие желтоствольные лиственницы стояли каменно-мертво. Максим знал, что сейчас все соки деревьев заморожены. Только весной деревья очнутся от этого многомесячного сна, буйно пойдут в рост, торопясь использовать короткое северное лето. На сугробах виднелась четкая строчка заячьего следа, но нигде ни шороха, ни звука. Все живое ушло под снег, спасаясь от мороза. Скрылись даже белые куропатки.

Над зубчатой стеной тайги показалось багровое зарево. Оно все росло, постепенно охватило полнеба. Зловеще чернели на кровавом фоне острые верхушки лиственниц и пихт. Потом из-за них всплыла луна. Голубая дымка облила тайгу, но не осветила ее. Еще глубже залегли густые тени между деревьями, в лохматых распадах, сбегавших к дороге.

Максим не замечал ничего. Он напряженно смотрел вперед, изредка протирая лобовое стекло меховой рукавицей. Надо было не пропустить охотничью заимку, у которой от главного тракта ответвлялся автозимник к прииску «Ольхон». Ага, вот она, заимка! Промелькнула вросшая по крышу в сугробы бревенчатая избушка с четырехугольной дырой, затянутой марлей взамен стекла. Шофер круто повернул влево.

Теперь под колеса автомобиля бежала нетронутая пухлая пелена снега. Исчезли елочные следы автомобильных шин. С натугой заревел мотор. В кабине повеяло теплом. Начинался большой подъем на перевал.

Подъем становился все круче. Мотор звенел. Выхлопная труба раскалилась докрасна. Тайга расступилась, осталась позади, внизу. Только самые смелые деревца взобрались сюда, на эту лысую сопку, покрытую крупным щебнем, но и их жестоко скрючил ледяной ветер с океана.

Но вот наконец седло перевала. Свирепый норд сдул весь снег с губчатого серо-зеленого ягеля, большими лишаями покрывавшего щебень. Отсюда начинался спуск.

Сдерживая автомобиль на тормозах, шофер спускал его все ниже и ниже. Огромная луна светила так неистово, что Максим выключил фары. Черная тень машины бежала сбоку, то удлиняясь, то укорачиваясь.

Как случилась беда, шофер не успел даже толком заметить. Под колеса метнулась глубокая промоина, предательски замаскированная снегом. Передок машины ухнул в нее, высоко подскочив на тугих рессорах. В тот же миг лязгнули подрессорники и с силой взметнули вверх тяжелый кузов. Что-то длинное, темное мелькнуло мимо окна кабины и скользнуло вниз под откос.

Максим резко осадил машину ручным и ножным тормозами. Выскочил из кабины. Скользкие подошвы унтов проехали по дороге. Далеко внизу, ярко освещенный луной, чернел длинный ящик. Максим взглянул на кузов. Лопнувшая веревка свешивалась с него. Размочаленный конец касался баллонов.

— Эх, дьявол тебя возьми!

Мороз больно кольнул щеку. Шофер машинально опустил длинное ухо шапки, растерянно обошел вокруг машины.

— Что же теперь делать? — вслух спросил сам себя.

В слетевшем ящике был упакован праздничный ассортимент продуктов: шоколад, сухие фрукты, конфеты, ветчина, колбасы, шпроты.

Мотор ровно стрекотал на малых оборотах. Максим зябко передернул плечами, снял рукавицы, засунул руки под теплый ватный копот.

— Надо ж быть такой беде!

«Съеду вниз, погляжу на месте, как быть. Может, что и соображу».

Оставив машину у моста, Максим пошел по гулкому льду к ящику. Он лежал недалеко, целехонький, прочно окованный по углам железными полосками. Шофер с ненавистью пнул его ногой: «Лежишь? Разломать тебя, черта, да перегрузить продукты в кузов насыпом... Нет, там лопату некуда воткнуть. Ящики да мешки — с верхом. Все растеряется. Что же делать?»

Пальцы ног свело от холода. Максим затопал ногами. Лед странно загудел. «Что такое, вроде бы подо льдом пусто!» Схватить топор, вырубить небольшую лунку — минутное дело. В проруби под лункой не блеснула густая, студеная вода: ясно виднелись белые обкатанные голыши на сухом дне речки.

На Севере часто случается, что первый же крутой мороз в один день сковывает речку льдом. Потом под

его защитой она мелеет, вода иссыкает, и над сухим руслом висит только ледяной панцирь. Так случилось и здесь.

Тонкий лед не выдержал бы тяжести машины. По нему нельзя было даже подъехать к ящику. Но именно хрупкость льда и обрадовала шофера.

Ожесточенно работая топором, Максим прорубил во льду сначала одну прямую щель, потом параллельно ей — другую. Лед обваливался вниз большими кусками. Осторожно спустив машину в образовавшуюся глубокую траншею, шофер подъехал по дну речки к ящику. Теперь он оказался на одном уровне с кузовом. Вырубить круглые катки, приподнять рычагом концы ящика, подложить под него катки — все это было уже просто.

Через час ящик снова лежал в кузове машины, прихваченный крест-накрест для большей верности уже не пеньковой веревкой, а стальным тросом.

Максим положил руки на рулевой штурвал, решительно нажал педаль газа.

По-прежнему один за другим бежали назад лесистые распадки, желтые лобастые скалы, нависавшие над зимником. Медленно, с трудом начало сереть. Рождался короткий северный день. Низкое белесое небо устало легло на мохнатую щетину сопки. Бело внизу, бело вверху... Звенящая тишина, извечный покой. Хмурые сопки высокомерно смотрели на крошечный комочек, неумоимо катившийся по их белым склонам.

Максим поднял уши шапки, расстегнул ворот мехового комбинезона. На душе стало спокойнее. Впервые с начала рейса он позволил себе отвлечься мыслями от дороги и машины. «Машенька... Как-то она там? Первые роды. Доктор уверял: пустяки, все будет хорошо. Ну, да ведь это они всем поют. А вдруг — осложнение, операция... И меня нет около нее...»

Шофер беспокойно заерзал на сиденье, сбавил газ. «А как иначе? Надо!.. За Машей уход хороший, и сама она у меня молодец, не поддастся. Обойдется все по-хорошему. Нечего себя пугать. Только б до прииска добраться, людей выручить».

После полудня впереди показалась черная точка. Конечно, это был грузовик Бурдова, о котором говорил начальник автобазы. Беспомощно задрал капот, автомо-

биль глубоко осел в наледь. Вода ушла, а захваченная в плен машина осталась. Голубоватый лед сковал колеса, подножки рессоры.

Максим остановил свою машину, обошел вокруг вмерзшего автомобиля. К нему со всех направлений стягивались бесчисленные звериные следы. Жители тайги приходили сюда в надежде чем-нибудь полакомиться. Угол одного верхнего ящика был уже разгрызен. В дыре желтело сливочное масло. На кабине выросла толстая снеговая подушка.

Шофер приподнял капот, удостоверился, что вода из мотора выпущена, потом влез наверх, заколотил дыру в ящике. Больше тут делать было нечего. Чтобы использовать остановку, Максим долил бензина в бак, вскрыл ножом банку мясных консервов, разогрел ее на выхлопной трубе своего мотора и плотно подкрепился. «Все-таки не зря меня послали, — пришла самолюбивая мысль. — Трактор замерз, Бурдов застрял, а я все еду». Но сейчас же Максим оборвал себя: «Не говори гоп, пока не перескочишь. Расхвастался. Главное еще впереди».

Теперь шофер вел машину с удвоенной осторожностью. Он знал — где-то близко начиналась наледь. Не дай бог влететь в нее врасплох, забуксовать в воде! Помощи ждать неоткуда, а самому, без буксира, выручить машину из наледи, ох, мудреное дело!

Серенький денек не успел разгореться и уже быстро угасал. На востоке облака разошлись, обнажили синеватую полосу ледяного неба. Снег давно перестал — верная примета, что мороз забирает круче. Еще километр — и дорога втянулась в мрачное, темное ущелье. По обе стороны грозно встали отвесные скалы, усыпанные в трещинах снежком. Сразу потемнело так, что пришлось включить фары.

Впереди что-то засеребрилось. Максим вытянул шею, притормозил. Во всю ширину ущелья, от края до края, плескалась вода. Странно было видеть на этом жгучем морозе переливающуюся воду. От нее, будто от кипятка, поднимались клубы пара. Свет фар тонул в сплошной черноте.

Настала решающая минута. Максим хорошо знал, что его ожидает. Он надел цепи на задние колеса, совсем закрыл радиатор ватным капотом, снял вентиля-

торный ремень, чтоб предохранить свечи от брызг, плотно уселся за руль.

Замер на минуту. Набрал полную грудь воздуха, цепко ухватился за штурвал руля, весь подобрался. «Пошел? Пошел!...»

Взревел мотор. Машина рванулась вперед, быстро набирая разгон. Качнулась, легла вправо стрелка спидометра. Сорок... пятьдесят... семьдесят километров! Как снаряд, грузовик влетел в наледь, разваливая ее надвое, свистя цепями по ледяному дну. Бурлящая вода хлынула на подножки, обдала волной радиатор. Вмиг обледенело ветровое стекло. Максим рванул дверцу, до половины высунулся из кабины.

— Давай, да-вай, да-вай! — иступленно орал он, прыгая на сиденье, всем телом помогая машине, с ужасом чувствуя, как колеса судорожно скребут по льду, ища хоть какую-нибудь зацепку.

Притягивая взглядом недалекий уже берег, вплетая свой неистовый крик в звенящий стон мотора, Максим жал и жал на педаль газа, задыхаясь, дрожа в ознобе. Колеса еще раз бешено пробуксовали в воде, но инерция и цепи, надетые на них, спасли: последним усилием, как утопающий пловец, автомобиль выбросился из наледи на берег...

Тело Максима враз обдало жаркой испариной. Руки бессильно упали со штурвала. Разевая рот, как рыба, мешком осев на сиденье, он глотал воздух, изнеможенный, но счастливый. «Доконал, прах ее возьми!»

...На исходе были вторые сутки пути. У Максима онемела спина, ломило руки. Хорошо было б поспать в кабине, не глуша мотор, но опасно: можно незаметно замерзнуть. И так мороз забирался даже под меховой комбинезон. Все-таки, наверное, очень холодно, не меньше пятидесяти! А главное, надо успеть на Ольхон к празднику. При одной мысли о том, как его долгожданную машину с продовольствием обступят горняки, их жены и дети, Максим почувствовал себя бодрее, улыбнулся, прибавил газу.

А мороз все крепчал. Туман сгущался на глазах. Свет фар не мог пронизать его. Впереди, перед радиатором, бежало тусклое оранжевое пятно. Казалось, машина стоит на месте, а под ее колеса сама несется снежная гладь автозимника. Неясно мелькали по сторонам ред-

кие вешки с воткнутыми в них зелеными метелочками стланика. Это мелькание, однообразный шум мотора усыпляет. Максим высоко поднимал брови, изо всех сил таращил глаза, вертелся на месте, стараясь прогнать сон. Все мешалось в отуманенном сознании. Судорожная зевота поминутно сводила челюсти шофера, но руки не выпускали штурвала, глаза скользили по дороге, уши чутко ловили каждый звук. Вдруг Максим насторожился. В ровном гуле мотора он уловил еле слышные сухие щелчки. По спине пробежала дрожь: «Неужели мотор сдаст?»

Да, сомнений не было. Что-то случилось с мотором. Щелчки все учащались. Теперь они слышались один за другим. Грузовик продвигался вперед рывками. Максим лихорадочно соображал: «Где? Карбюратор? Подача горючего? Нет, мотор не отзывается на подсос. Свет хороший, динамо дает зарядку. Значит, дело не в нем и не в аккумуляторе. Зажигание? Если бы свеча, мотор так не дергало. Остается прерыватель. Надо искать там».

Мотор в последний раз вздохнул и умолк. По инерции автомобиль прокатился еще немного и стал. Наступила мертвая тишина.

Максим сидел, не шевелясь, чувствуя во всем теле внезапную слабость. Преодолевая ее, он открыл дверцу кабины и сейчас же поспешно захлопнул. Просто невероятно, как может быть силен холод! В самой атмосфере, казалось, было разлито нечто угрожающее жизни человека, смертельно опасное, как будто из нее выкачали кислород.

Но приходилось спешить. Затаив дыхание, как перед нырком в реку, Максим выскочил из кабины. Стремительными и точными движениями поднял капот, включил освещение. Мотор недохнул на него жаром и смешанным запахом бензина и масла, как обычно. Он был чуть теплый.

Максим быстро отворачивал болты: один... второй... Проклятие! Третий болт выскользнул из грубых рукавиц и упал под машину. Не задерживаясь ни на секунду, шофер снял прерыватель. Так и есть — выскочила фибровая пяточка прерывателя. Надо ставить новый молоточек. Скорее, скорее! Одна гайка отвернута. Какая бесконечная резьба! Вторая... Так, теперь надо надеть

новый молоточек. Только бы не уронить его! Максим сбросил рукавицу с правой руки. Мороз обжег ее. Коченеющими пальцами шофер надел крохотный молоточек на ось, поспешно сунул руку в меховую рукавицу. Крупная дрожь непрерывно била все тело.

Оставалось завернуть три болта. Но сначала предстояло найти в снегу упавший. «Спокойней, спокойней!» — мысленно уговаривал себя Максим. Он найдет болт, поставит прерыватель, заведет мотор. Странная апатия все сильнее охватывала шофера. Он глубоко вздохнул, уже не пытаясь унять дрожь.

Максим упал под машину; широко разводя руками, он искал болт. Нет, так не найти. Придется снять рукавицы. Стащив их, шофер провел обнаженными руками по снегу, и они тотчас потеряли чувствительность. Пронеслась, не затронув сознания, мысль, что пальцы могут отмерзнуть. И в то же мгновение отчетливо слышался тонкий нежный хруст — начала замерзать вода в радиаторе. Теперь ее уже не выпустить из мотора...

Слепой страх сдавил сердце Максима. Он выскочил из-под машины, пробежал несколько шагов и задохнулся. Морозный воздух опалил легкие, нестерпимый кашель разодрал грудь. В голове мелькнуло: «Развести костер! Не выйдет... Без лыж до леса не добраться... Бросить все, идти к прииску? Далеко, свалюсь, закоченею... Нет! Надо выручать машину. В ней одной спасенье».

Максим бросился обратно, снова упал под машину. Быстро работая уже негнущимися руками, он выгреб весь снег на свет фар и увидел болт. Но теперь никак не удавалось взять его пальцами. Тогда, отгоняя мысль о том, что пальцы придется ампутировать, понимая, что он борется за свою жизнь, Максим положил руки по обе стороны болта, сблизил их и, зажав болт, поднял его. Вернувшееся самообладание помогло подавить дрожь, и болт попал в отверстие. Так же удалось вложить остальные два.

Шофер не чувствовал своих пальцев, но потрескивание радиатора подгоняло его. Оттирать руки снегом было некогда. Он всунул их в рукавицы, начал бить по коленям, пытаясь восстановить кровообращение. Напрасно! Кисти рук оставались деревянными.

Сбросив рукавицы, шофер снова зажал ключ меж-

ду негнушимися ладонями, наложил его на головку болта. Внезапная догадка осенила мозг. Максим плюнул на ключ, и он мгновенно примерз к болту. Теперь ключ держался. Не дыша, шофер поворачивал его побелевшими пальцами.

Невероятное свершилось — все болты были затянуты!

Держа руки перед собой, Максим вполз в кабину, крепко зажмурился и нажал ногой кнопку стартера. «Ну!..» Мотор дрогнул, из карбюратора пыхнуло пламя, и вдруг полилась радостная песенка ожившего мотора.

Ослабевшие нервы не выдержали. Максим по-детски всхлипнул.

Включив коленом рычаг коробки скоростей и поддерживая руль локтями, шофер стронул машину с места. Под окаменевшими баллонами, как под чугунными ободьями, захрустел снег.

Через несколько километров пути Максим ощутил первые легкие покалывания, а потом нестерпимая боль в руках заставила его скорчиться на сиденье. Но даже эта боль не могла заглушить радости: машина шла, и руки не были отморожены.

Последние сорок километров пролетели быстро. Внизу, в распадке, блеснули огни прииска. Автомобиль въехал на главную улицу поселка. Захлопали, завизжали двери. На свет фар отовсюду бежали люди. Зазвенел счастливый женский смех. Послышался крик: «Машина! Машина-а-а пришла!»

Максим тяжело сполз с подножки, шатаясь, сделал несколько шагов навстречу жителям поселка. Раньше всех подбежавшая женщина в распахнутом полушубке кинулась к шоферу, обняла и, плача, прижала его голову к своей груди. И, чувствуя исходившую от женщины сладостную материнскую теплоту, зарываясь лицом в пахучую шерсть полушубка, Максим тихонько попросил ее:

— Скажите, пусть выпустят воду из мотора...

В ДАЛЬНОМ РЕЙСЕ

Ровно в шесть утра, как будто кто его толкнул, Афанасий проснулся. Он всегда просыпался в заказанное себе накануне время, словно где-то внутри у него был спрятан будильник. Не разлепляя век, он протянул руку, снял с горячей лежанки валенки, сунул в них ноги, подвигал пальцами, наслаждаясь шерстистым теплом, охватившим босые подошвы, и лишь тогда открыл глаза.

Жестяные ходики на стене торопливо махали маятником. Гирька — чугунная еловая шишка — опустилась

почти до пола. Мороз выбелил конопатку между бревнами, заледенил окно. Но и сквозь тонкий ледок видно было, что на дворе еще ночь. В январе светает трудно и медленно.

Афанасий запустил пальцы в иссиня-черную шевелюру, долго со вкусом раздирал плотный войлок волос. Потом прислушался к тишине в доме и как был, в нижнем белье, костистый, нескладный, вышел в кухню. От русской печи веяло теплом, но вода из рукомойника ожгла холодом лицо, голые руки, волосатую грудь. Сразу отлетели остатки сна.

В сенцах скрипнула дверь, и Афанасий одним прыжком испуганно перелетел через порог обратно в свою комнату. Тетка Дарья не любит, когда ее квартирант разгуливает в исподнем. Под шестьдесят старухе, а подика, стесняется!

Вторично в кухню Афанасий вошел уже в полном снаряжении: подшитые красной автомобильной резиной, остро пахнущие бензином серые катанки, зеленые ватные брюки, такая же телогрейка. Хорошо, когда запасешь в дорогу побольше тепла. Все не так скоро морозяка заберется под одежды, облепит тело холодными лапами.

Завтракал Афанасий по своей всегдашней привычке плотно. Впору обеду. Сковорода картошки с котлетами, три стакана крепкого чаю, ломтище хлеба с маслом... Шоферское дело такое, не знай, где доведется поесть. Иной раз сутки не евши пашешь. И поболе. Зато взбуди шофера хоть среди ночи — без слова сядет завтракать. Аппетита занимать не приходится.

— Еще эту вот котлету съешь, — ворчливо сказала тетка Дарья.

— Будя. Живот как барабан.

Для пущей убедительности Афанасий ударил кулаком по тугому животу.

— Ешь, тебе говорят, неслух! — прикрикнула тетка Дарья.

Пришлось подчиниться.

Заботница тетка Дарья. Другую такую хозяйку не сыскать. И накормит досыта, и постирает, и полушубок залатает. Что мать родная. Но содержит квартирантов в строгости. Уж ей не перечь.

Позавтракав, Афанасий напялил поверх телогрейки

полушубок с черной меховой оторочкой понизу, перекинул через руку тулуп, из тех, что выдают сторожам магазинов. Не тулуп, а печка. Посреди Антарктиды спать можно, в космосе вспотеешь.

— Что навьючился так? Али в дальний рейс? — любопытствовала тетка Дарья, убирая со стола. Голая электрическая лампочка низко свисала на крученом шнуре и в ее пронзительном свете морщинистое лицо бабки казалось выдубленным.

— Грозились в Курумкай послать.

— Опять? Совести у них, анафемов, нету. Люди на тракте прохлаждаются, а тебя обратно в пропастину эту? Откажись, и вся недолга!

— Чудно вы, тетка Дарья, толкуете. Я откажусь, другой, а кому ж тогда ехать? Снасти, тара, соль, мука нужны рыбакам?

Притворяя за собой калитку, Афанасий скользнул озабоченным взглядом по мохнату от инея палисаднику, тесовой крыше, заваленной сугробами. Из железной трубы струился дымок. «Надо тетке Дарье теску подвезти. Не миновать летом крышу перебирать».

В соседних домах окна тоже светились. Внутри мелькали неясные тени. «Встает рабочий класс...»

Обширный двор автобазы прилепился к косогору. Летом изрытый колдобинами, сейчас двор укатался до гладкости асфальта. Грузовики чернели на снегу длинными рядами. Приткнувшись радиаторами к линиям пароподогрева, они стояли недвижимо, похожие на зубров, пришедших к водопою.

Накануне Афанасий поздно вернулся из рейса, все стоянки у пароподогрева уже были заняты. Пришлось ставить машину посреди двора, спускать из мотора воду. Разговоры о теплых гаражах велись на автобазе давно, о них шла речь даже на городских партийных активах, но пока грузовики продолжали стоять под открытым небом круглый год. В немногочисленных теплых боксах машины только ремонтировались.

«Начальники, мать их в Христофора Колумба! — беззлобно выругался про себя Афанасий, отправляясь с ведром к водогрейке. — Им-то и зимой в кабинетах не дует. А ты елози под машиной на брюхе».

Выждав, пока кипяток отдаст свое тепло промерзшему за ночь мотору, Афанасий открыл краник. Холод-

ная вода зажурчала по земле. Второе ведро шофер влил уже в чуть теплый радиатор. Удостоверясь, что пожарник вблизи не маячит, намотал пакли на стальной прут, облил ее автолом, бензином и поджег. Потом плюхнулся на живот, подполз под машину. Веселое пламя заплясало под картером мотора.

Афоня знал свое дело. Через полчаса машина, неподвижная, как гранитная глыба, промороженная насквозь, уже попыхивала синим дымком, мотор ласково урчал.

В свое время Афанасий успел поработать на Усинском тракте, переваливал по нему через Саяны в Туву, возил туда горючее, машины, промтовары; оттуда — битую дичь, пушнину, облепиху-ягоду. Потом завербовался на Колыму, вдоволь поколесил по северным автозимникам, золотым приискам и рудникам. Попадал в свирепые колымские пурги, откапывался на знаменитом перевале «Подумай», не раз ночевал на другом известном перевале «Дунькин пуп», носился по льду Индигирки, такой же широкой, как воспетый Джеком Лондоном Юкон.

И все же, несмотря на богатую шоферскую биографию, черный, как жужелица, сухопарый и шустрый, Афанасий никем на автобазе не принимался всерьез. «Вечный холостяк. Бабский страдатель», — иронизировали по его адресу шоферы, имея в виду чрезвычайную слабость Афони к женскому полу. А тут еще всем было известно, что Афоня никогда не задумается приукрасить, а то и просто соврать. Шоферский стаж Афанасия превысил десять лет, но он все еще имел книжечку шофера третьего класса — теория не давалась ему никак. Летом на автобазу пришли новенькие грузовики, сияющие краской, нарядные, как картинка. Однако и тут Афоне не повезло — он остался на прежнем «козлике».

Управившись с мотором, Афанасий подошел к окошечку диспетчерской.

— Поедешь на Курумкай. Грузиться — на универсальной базе. Буксир, топор, лопата есть? — привычной скороговоркой перечислила диспетчер, чернобровая плотная деваха в ярком полушалке.

— Не учи ученого, съешь киселя толченого, — игриво заулыбался Афанасий. — И цепи, и плахи, и спички — все есть.

— После погрузки заедешь в Дом колхозника. Возьмешь там пассажира на Курумкай. В шестом номере. Товарища Левченко.

— Тороплюсь, аж падаю. Пусть в такси едет, — с негодованием запротестовал Афанасий. Втайне он надеялся «срубить левачка» до Курумкая, подработать на этом десятку-другую. — В тулупе и одному в кабине не повернуться.

— Распоряжение начальника эксплуатации, — безапелляционно отрезала диспетчер. — Вписываю в путевку. И не вякай зря. Какие на Курумкай такси?

Погрузка на универсальной базе прошла быстро. Когда грузовик Афанасия остановился у Дома колхозника, уличные фонари еще не погасли. Шофер сполз с подножки, пошагал к дому.

— Хозяйка! — окликнул дежурную Афанасий. — Стукни в шестой номер, скажи — машина ждет на Курумкай.

Пять минут спустя из дверей вышла маленькая девушка. В руках — чемодан, перетянутый ремнями. Голова закутана в пуховый оренбургский платок.

«Пассажир-то в юбке!» — с приятным удивлением подумал шофер и гостеприимно распахнул дверцу:

— Сюда, девушка! Давайте ваш чемоданчик. Вот так.

Из платка торчали только кругленький носик и прядка светлых волос да выглядывали серые, словно бы удивленные, глаза, но Афанасий уверил себя, что девушка прехорошенькая, и совсем разомлел.

— Садитесь поудобнее. Ноги тулупом укройте, — заботливо приговаривал Афанасий, расстилая необъятную пахучую овчину на сиденье. — Дорога не близкая. Вас как звать-то?

— Надежда Ивановна, — тихо промолвила девушка. Голос у нее оказался с хрипотцой, но мягкий, неожиданно низкого тембра.

— Надя, значит. А меня — Афоня.

— Нет, Надежда Ивановна, — все так же тихо, но упрямо повторила девушка. — И имейте в виду — не вздумайте надоедать мне пошлыми анекдотами, приставать. Иначе я вылезу из машины на дороге.

— Ха! — уязвленно хмыкнул Афанасий, взметнул вверх угольные брови. — Плохое ж у вас понятие о шоферах!

— А что в них хорошего? Хулиганы, калымщики, матерщинники, — убежденно и презрительно сказала Надя.

Афанасий даже растерялся, сунул руку под свой волчий малахай, поскреб затылок. «А штучка-то, оказывается, с ручкой! Насчет ухажерства как в воду глянула. Придется издаля заходить».

— Напрасно вы так, Надежда Ивановна, — после долгого молчания примирительно заговорил Афанасий. — Шофер шоферу рознь.

Машина уже выскочила на загородный тракт. Ноги шофера автоматически нажимали на педали газа и сцепление, руки двигали рычагами, крутили руль. Управление машиной не требовало никакой работы мысли, ничто не мешало разговору.

Но разговор не вязался. Надя не поддерживала его, только коротко отвечала на вопросы, забившись в угол кабины. Все же, пока доехали до сворота с тракта, Афанасий кое-что выпытал у своей пассажирки. Учительница. После окончания института неполную зиму преподавала в городе, а сейчас получила назначение в Курумкай. Говорят — глушь страшная, кино и того по полугоду не бывает. На шоферов зла: осенью какой-то ухарь нарочно прижался к тротуару, обрызгал ей новое демисезонное пальто грязью; другой обругал последними словами, когда она попыталась перебежать дорогу при красном свете светофора. Таксисты, те, как правило, не дают сдачи, а уплатишь точно по счетчику, смотрят так, будто ты их обокрала. А кто толчется у всех пивных киосков?

На развилке дорог Афанасий деликатно вылез из кабины, вдоволь наглотался вкусного ароматного дымка, пряча зябкий огонек папиросы в жестких ладонях. Потом поправил грубый брезент, подтянул потуже веревки. Поземка потягивала через тракт, наслаивала снежные хвосты. Плотное небо спустилось к самой земле, и непонятно было, откуда идет все же этот ровный свет.

— Конец перекуру, — со вздохом сказал Афанасий, отбрасывая окурки. — Время дальше топать.

Едва грузовик поворотил с тракта на проселок, начались снежные перемены. Шипящая поземка быстро заносила колею. Надсадно завыл мотор, машина затряслась крупной противной дрожью.

По-хозяйски обитая изнутри войлоком, кабина хорошо держала тепло. Надя распахнула черную цигейковую шубку, стащила с головы платок.

Афанасий не ошибся. Девушка и в самом деле была прехорошенькой. Особенно красили ее необыкновенно большие серые глаза. Не глаза, а очи. И вся она, складенькая, с полным подбородком, соболиными бровями была так хороша, что Афоня с трудом подавил невольный вздох. «Ух, и ядреный же кусочек! Господи боже мой, и почему эти бабенки такую власть над нашим братом имеют? Приступиться бы к ней сейчас... Но с какого боку? Сильно сурьезная!»

Грузовик затрясся сильнее и пробуксовал. Колеса бешено вращались, выбрасывали комья снега, но машина не трогалась с места, оседая все глубже. Надя подняла на шофера испуганные глаза:

— Застряли?

— Это, Надюша, цветочки. Ягодки еще впереди.

Именно теперь, когда начались дорожные невзгоды, Афанасий почувствовал себя особенно сильным и ловким. Пусть посмотрит девчонка на настоящих тракторных шоферов за работой, в деле! Это ведь не на такси шмыгать по городу, не на автобусе раскатывать: вокзал — аэропорт и обратно... Верняк, девчонке надула в уши мамаша насчет шоферов. А сама хороших ребят и в глаза не видала.

Вооружась лопатой, Афанасий расчистил колею до твердого наката, потом снова влез в кабину, красный, пахнувший морозом и снегом. По-хозяйски отодвинул кулаком полу тулупа к Наде, толчком дослал рычаг коробки скоростей. И машина вырвалась, побежала дальше по бескрайней заснеженной равнине. Затрепыхался ватный капот. Заскрипели в кузове ящики.

— Вот вы, Надя, не одобряете шоферов, — словно продолжая только что прерванный разговор, повернулся Афанасий к девушке. — А кто, извиняюсь, из роддома ребеночка везет? Шофер! Кто на кладбище гроб доставит? Обратно ж шофер. Всю жизнь люди транспортом нуждаются. Я уж не говорю: дом ли, завод какой, плотину строить затеются, и тут без автотранспорта шагу не ступить. Я так полагаю: шофер — первое лицо в государстве!

— Я говорила не о значении автотранспорта, а о шо-

ферах, об их личных качествах, — рассудительно возразила Надя, морща крутой гладкий лоб.

— И тут я с вами несогласный. Забрызгали вам пальто... А может, шофер тот ямку какую объезжал? Время ль ему на тротуары пялиться? Облаял вас псих какой-то. Но ведь и на красный свет бежать — непорядок. Мало ль народу через собственную неосторожность гибнет? А кто в ответе? Один шофер. А наиглавней всего — невидная наша работа. Случается, телогрейку с себя скинешь, под колеса ее затолкаешь, абы выскочить. Лопатой до одури копаешь, впору экскаватору столь грунта перекидать. Мерзнешь, как пес, иной раз сутки не жравши сидишь... Кто нас таких видит?

Надя промолчала, сосредоточенно глядя перед собой. Примолк и Афанасий, ожесточенно работая рулем, выворачивая передние колеса из глубокой колеи. Временами он опускал боковое стекло, поглядывал на груз в кузове.

Дорога пошла в гору, и заносы кончились. Грузовик птицей занырял в ухабах, твердых, накатанных. Но Афанасий хмурился, беспокойно вертелся на сиденье. Близились переправа через Арынь. Безобидная летом, зимой речушка эта разливалась вширь, преграждая путь автомобилям наледями. А хуже, страшней наледи для шофера ничего нет на свете. Сибирский мороз сковывает речку на мелководье до дна. Живой воде некуда деться, и она растекается поверх льда от берега до берега. Мороз снова принимается за свое — сковывает и эту воду. А она знай лезет еще выше... Так и получается слоеный пирог: слой воды, слой льда. Ухнет машина по самый кузов — поди выручи! А всего хуже, что ни подкопать, ни подложить под колеса. На земле сколько б ни было снегу, всегда до твердого докопешься. А в наледи где дно? Самому-то ступить негде — кругом вода. А пока возишься, тормозные барабаны льдом схватятся. Тогда уж впору динамитом машину из реки выкорчевывать...

Арынь открылась вскоре. Белый туман клубился над наледью, скрывая противоположный берег. На печальную голую ветлу вблизи опустилась ворона, злорадно каркнула, пророча людям беду.

— Кша, погань могильная! — суеверно погрозил птице Афанасий.

Надя слышала, как шофер долго возился в кузове, добывая стальной трос, привязывал его к заднему крюку, позади грузовика. Длинная стальная змея утонула в снегу.

Девушка не понимала смысла приготовлений шофера, но по тому, как сосредоточенно, даже не взглянув на нее, усаживался за руль Афанасий, поняла: новое препятствие посерьезней снежных переметов.

— Крепче держитесь, берегите голову! — властно бросил Афанасий.

Надя ухватила за спинку сиденья, уперлась ногами в пол кабины. Афанасий пригнулся, сбил назад малахай, вцепился в рулевой штурвал.

— Выноси, родная!..

Грузовик подпрыгнул, слетел с берега на речной лед. Надю подбросило к крыше кабины, ударило головой. Бешено вскидывая зад на ледяных застругах, грузовик врезался в дымящуюся воду. Полетели брызги, обломки льда. Яростно воя, машина прорывалась вперед, но с каждой секундой ее движение замедлялось. Рывок! Еще рывок!..

— Все! Сели! — с веселой отчаянностью хлопнул малахаем по сиденью Афанасий. Не выключая скорости, рванул дверцу, выскочил, на подножку. Вода мирно плескалась у самых валенок. Задние колеса беспомощно визжали.

Трехэтажное ругательство мучительно просилось наружу, но шофер метнул взгляд на девушку и только промычал, не разжимая челюстей.

Вот, когда Надя испугалась по-настоящему! Грузовик буксовал, накренясь, посреди реки, а вокруг него журчала ледяная вода. И ни доски, ни бревна вокруг! А берега так далеки...

Афанасий взглянул на девушку. Закусив нижнюю губу, Надя растерянно порывалась куда-то, запахивая полы шубки. Что-то дрогнуло в обветренном, жестком лице шофера, мягкая улыбка тронула губы.

— Не бойсь, Надюша. Выберемся. У нас на такой случай лебедочка имеется.

Афанасий обмакнул правый валенок в воду, за ним — левый, потом выбрался на капот и лег на спину, задрал ноги.

— Что вы делаете? Зачем это? — поразилась Надя.

— Профилактика, Надюша, — заливчато сказал шофер. — Ледяные калоши. Чтоб ноги не застудить.

Толстые мокрые валенки на морозе быстро покрылись ледяной коркой, оставаясь внутри сухими и теплыми. Теперь Афанасий безбоязненно ступил в воду и побрел к берегу, осторожно обходя глубокие места.

На берегу шофер закрепил трос за прочный березовый пенек, вернулся к машине, надел свободный конец троса на вал лебедки и включил ее.

Четверть часа спустя вырванный из ледяного плена грузовик снова стоял на левом берегу Арыни, откуда совершил свой прыжок.

Надя выбралась из кабины. Маленькая, беспомощная в этих беспредельных снегах, она стояла рядом с Афанасием, с тревогой наблюдая за его новыми приготовлениями.

— Еще разок спытаем счастья. Садись, Надюша.

Новый прыжок грузовика в реку, дикая скачка по ледяным застругам, надрывной, истерический визг шин в наледи...

Впервые в жизни видела Надя подобное зрелище. Арынь защищалась упорно. Но она была всего лишь рекой. И воля, терпение, изобретательность шофера победили. Мокрый, обледенелый снизу, дрожащий, словно в лихорадке, грузовик выбрался-таки на правый берег.

Афанасий залез под машину.

— Кажись, целы рессоры. Удивительно...

— Послушайте, — заволновалась Надя. — Но почему же тут не построят мост? Разве можно так мучить людей, портить машины?

Мелкие морщинки лучиками брызнули от хитрых, прищуренных глаз Афанасия.

— Когда б дорожное начальство ездило тут, может, и почесалось бы. А так кому это надо: хлопотать, волноваться, строить? Пробивается шоферня в Курумкай, и ладно.

Теперь, когда опасная Арынь осталась позади, шофер пришел в самое лучшее расположение духа.

— Не проголодались еще, Надюша? Потерпите. Скоро Косая Утата. Пообедаем там в чайной.

В сплошной серой пелене обозначился разрыв. Солнце нащупывало землю. Но дунул ветер, и облака снова плотно затянули просвет. Лениво опускаясь, в стылом

воздухе зареяли снежинки. Еще сумрачней стало вокруг.

Покачиваясь на пружинном сиденье, Надя смотрела сквозь ветровое стекло на бегущую под колеса дорогу. В кабине пахло бензином и выхлопными газами. Надю слегка поташнивало, но она крепилась.

Дорога втянулась в лес. Стало так темно, что пришлось включить фары.

Афанасий незаметно убавил газку, похлопал по карману, вытащил пачку папирос. Галантно изогнулся в сторону девушки:

— Разрешите?

— Курите, — милостиво кивнула Надя.

Придерживая руль одной рукой, Афанасий добыл спичечный коробок. «Серый глазок, поцелуй хоть разок. И не глядит на меня! Ладно, испыток не убыток...»

— Несподручно мне одной рукой... И останавливаться неохота. Поможете, Надюша?

Надя чиркнула спичкой, поднесла огонек к лицу шофера. Пламя спички осветило смеющиеся, зоркие, как у птицы, глаза, крепкие белые зубы. Афанасий взял спутницу за плечи, осторожно, но настойчиво потянул к себе.

— Как вы смеете!..

Твердый рот, пахнувший табаком, накрыл нежные девичьи губы. Надя изо всех сил уперлась кулачками в грудь шоферу, откинулась назад:

— Это подло, низко! Вы знаете, что я слабее вас, одна...

Рыдающий голос девушки, ее горячие слезы озадачили шофера. Афанасий отпустил Надю, выровнял рыскнувший в сторону грузовик.

— Остановите машину! Слышите? Сейчас же! Я пойду пешком. Лучше замерзнуть, чем ехать с таким негодяем!

Афанасий не успел ни притормозить, ни собраться с мыслями. Надя рывком распахнула дверцу и вывалилась комочком из кабины.

«Сумасшедшая!» — Афанасий так зажал оба тормоза, что грузовик забросило вбок, развернуло поперек дороги. Мотор заглох.

Подвернув ногу, девушка лежала на снегу. Афанасий бросился к ней, подхватил, растерянно забормотал:

— Зашиблись? Больно? Ногу не повредили?

— Оставьте меня! — гневно простонала Надя.

У Афанасия отлегло на душе. «Сердится. Стало быть, цела».

— Вы уж меня простите, Надя... Надежда Ивановна... Нехорошо получилось. Сознаюсь. Но ведь не думавши! Поедьте. Слово даю: больше глупостей не позволю.

Прихрамывая, вынужденно опираясь на сильную руку шофера, Надя дошла до грузовика, взобралась в кабину, с головой ушла в свой платок.

Дальше поехали молча. Афанасий вертелся, шумно вздыхал, искоса поглядывал на девушку.

«Махонькая... Ишь, забила в куток, молчит. А и всего-то дела: чмокнул разок. А поди-ка: разобиделась, испугалась. Надо ж на всем ходу — из машины».

Вспомнились дальние рейсы в тот же Курумкай, в Базаиху, в Нерпичье с разными попутчицами. Тоже сначала ни в какую: «Не лезь, Афонька», «Дурак!», «Убери руки!», от иной случалось и по морде схлопотать, а потом глядишь — все чинно, благородно. Еще и адресок на прощанье дает. Такого, чтоб на ходу выброситься, — нет, шалишь! А эта не побоялась одна в пургу остаться, вещи бросила. Строго себя соблюдает, бережется, сероглазка. Гордая. А может, есть уже кто, под пару, образованный? Вот и гребует с шофером валандаться».

Афанасий критически оглядывает себя. Ватные штаны, пропахшие бензином, серые полуметровые валенки на резиновом ходу. Руки, как грабли. Конечно, какая стоящая девчонка польстится на такого? А все почему? Работа дурачья. Есть же счастливчики — отстоял семь часов в тепле, под крышей у станка или там у пресса какого, и — гуляй домой, насвистывай. Хочешь — в кино, хочешь — в театр, на каток, на танцы. А тут — ни дня, ни ночи. Сутками на холоду, в кабине, не раздеваясь, не разгибаясь. Надо бы книжку умную прочитать, от хороших людей ума-разума набраться, а ты из рейса да обратно в рейс. Так и жизнь пройдет...

В глубине души Афанасий отлично понимает, что вся эта слезница ни к чему. По гудку на работу шагать, номерок вешать? Болты изо дня в день точить, перед мастером тянуться? Тоска зеленая! То ли дело в рейсе! Ветер в лицо, один как бог, никто тебе не указчик. Что ни час — новая встреча, случай. Не заскучаешь. Трудна шо-

ферская доля, порой и опасна, а все тянет за руль. Какой стоящий шофер сменяет свою работу? Деньгами осыпь — все одно машину не бросит.

На дорогу выскочил заяц, смешно вихляясь, помчался в световом тоннеле. Автомобильный гудок еще поддал жару косому. Афанасий метнул взгляд на Надю. Нет, даже не улыбается. Глаза смотрят вперед, но губы плотно сжаты. «Крепко обиделась».

Постепенно дорожное приключение, такое обычное, почти пустячное, начало представать перед шофером в новом свете. Что думает о нем Надя? Хулиган, наглец. А если она сроду еще ни с кем не гуляла? Если отец-мать души в дочке не чают, за большого человека прочат?..

От таких мыслей стало не по себе.

Лес оборвался. Мириадами блессток заискрились высокие сугробы. Но феерическая красота не радовала шофера. К тоскливым мыслям об оскорбленной девушке примешалась тревога. Все чаще колею преграждали снежные перемыты. Грузовик затрясся, заскакал по козлиному.

— Так дело не пойдет, — вслух сказал шофер. — Карданы полетят. Пока дорога твердая, надо цепи накиннуть.

Подсвечивая себе переносной лампой, Афанасий растелил на снегу лязгающие цепи, попятил грузовик назад и наехал на них задними колесами. Неподатливое мерзлое железо липло к рукам, никак не удавалось защелкнуть замок. Шофера осенила удачная мысль: «Пускай поможет. За работой вдвоем отойдет малость».

— Надежда Ивановна, а Надежда Ивановна? Вас можно на минутку? — прокричал Афанасий из-за грузовика. — Никак цепи не налажу. Подмогните, пожалуйста.

Натянув ломиком цепь, шофер совместил звенья, и Надя без труда вложила в них болтик.

— Вот спасибо!

С цепями на колесах грузовик превратился в вездеход, с легкостью таранил самые твердые снежные перемыты.

К Косой Утате подъехали с форсом: Афоня тормознул у самого крыльца чайной, дал продолжительный гудок. Понимай, мол, кто приехал. Тракторик, не какая-нибудь мелочь.

Проворно соскочив с сиденья, Афанасий обежал машину, открыл дверцу и помог Наде сойти с высокой подножки на землю. На секунду перед глазами мелькнуло круглое колено, обтянутое рубчатым серым чулком. От расстегнутой меховой шубки пахло духами и еще каким-то невыразимо милым, волнующим запахом. Шофер с надеждой заглянул снизу в лицо девушке. Устала. Грустная, задумчивая, но не злая. И на том спасибо!

В чайной Афанасий усадил Надю подальше от окна («несет от него, еще застудитесь!»), отыскал на кухне и привел к столику молоденькую официантку в боярском кокошнике и вообще так суетился и хлопотал, что вызвал понимающую усмешку у грузной буфетчицы.

Пока Афанасий с жадностью хлебал жирный наваристый борщ, Надя согрела озябшие руки о горячий стакан кофе, сбросила на плечи платок и обвела взглядом чайную. Накрытые клеенкой алюминиевые столики. За стеклом буфета — подсохшая ветчина, селедка, баклажанная икра на тарелочках. Никелированный титан в углу. И неизбежная кустарная копия шишкинского «Утра в лесу» с медвежатами на поваленном дереве.

Официантка собрала грязные тарелки, поиграла лукавыми глазками.

— Пивка не желаете?

— В рейсе не употребляю, — солидно отозвался Афанасий и покосился на Надю, одобряет ли такую выдержку? — А вот хлебца подрежьте, девушка.

После уютной, освещенной чайной ночь показалась Афанасию вдвойне угрюмой и морозной. Он слегка вздохнул.

Надя ухватила за дверцу, легко поднялась на подножку. «Ага, не хромает уже», — удовлетворенно подумал шофер.

Начало затяжного подъема на Лиственничную гору Афанасий почувствовал по изменившемуся звуку мотора. В кабине повеяло сухим жаром от выхлопной трубы. И сразу же потянуло ко сну. Афанасий сладко зевнул, с хрустом расправил плечи.

— Надежда Ивановна!

— Что? — помолчав, нехотя отозвалась девушка.

— Дремота одолевает. А тут за третьим коленом ключ заливает дорогу. Склизь страшная. Выскочишь с ходу — так под обрыв и загремишь. Сильно худое ме-

сто. Давайте разговаривать, чтоб не так дремалось. А нет, песни пойте. Лады?

Надя молчала так долго, что Афанасий потерял надежду на ответ.

— Разговаривать с вами мне не о чем. А петь я не умею. Но заснуть не дам.

— Это каким же манером?

— Очень просто. Буду толкать под бок.

Надя высвободила из рукава шубки левую руку.

— И то годится.

Для опыта, выждав с полчаса, Афанасий смежил веки, склонился к рулю и сейчас же получил ощутимый удар в бок.

— Ох!.. Однако подходяще вы деретесь.

Афанасию почудился тихий, приглушенный смешок. Он бросил быстрый обрадованный взгляд на девушку. Она сидела все так же прямо, отчужденно, но на ее губах залегла явственная усмешка. Шофер широко, с облегчением вздохнул. Захотелось гикнуть, чертом промчаться по дороге. Но грузовик уже перевалил через вершину. Требовалась удвоенная осторожность. Опасное место близило.

Напряженно всматриваясь вдаль, шофер еще убавил скорость. Где-то здесь... Ага, вот оно! Автомобильные фары осветили плоские блинообразные наслоения молодого ледка, чуть припорошенного снегом.

Едва вскочив на лед, грузовик сразу же пошел бок-боком, как бегущая собака. Заторможенные колеса ползли юзом. Афанасий бешено работал рулем, но скольжение к обрыву продолжалось — машина потеряла управление.

— Откройте дверцу. В случае чего — прыгайте на дорогу! — отрывисто приказал Афанасий. Стиснув зубы, мгновенно взмокрев, он, казалось, сейчас всем телом сдерживал тяжесть машины и груза.

Надя послушно открыла дверцу, готовая выброситься из кабины.

— А вы? — с тревогой спросила она.

Афанасий не ответил. Гибельное скольжение продолжалось. Край обрыва приближался. И ни столбика, ни кучки гравия, чтоб отбросить задние колеса, выровнять машину!..

Спасенье пришло в последний момент, когда Надя

стояла уже на подножке. Шины попали на раздробленный смерзшийся снег, и грузовик сразу же обрел устойчивость.

Афанасий вытер малахаем потное лицо, ожесточенно сплюнул под ноги.

— Неужели нельзя в таком опасном месте посыпать дорогу шлаком? Хотя бы столбики поставить у края? — возмущенно спросила Надя.

— Я же вам говорю: доставляются грузы — и ладно. Вот сверзится кто-нибудь, будут человеческие жертвы, тогда авось дорожники спохватятся.

— Опасная у вас работа, — раздумчиво сказала Надя. Она уже не дичилась Афанасия, поправляла волосы округлыми движениями полных рук.

Окраинные домики Елани вынырнули из тьмы неожиданно. Надя взглянула на часы. Третий час ночи. Самая глухая пора. Ни в одном окне света не было. Слабый огонек мерцал лишь в проходной будке базы райпотребсоюза. Грузовик свернул на огонек, требовательно загудел.

— Сейчас, сейчас!

Гремя засовами, сторож, весь упрятанный в необъятный овчинный тулуп, распахнул ворота. В глубине двора сипло забрехал пес.

Заботливо укрыв ватным капотом радиатор грузовика, Афанасий подошел к сторожу.

— Ты мою телеграмму получил, дедушка?

— Какую, сынок?

— Ну как же! С утра еще отбил: едет, мол, водитель, учительница с ним. Требуется забронировать два номера люкс с ванной, телефоном. Неуж не получил?

— Ах, чтоб тебя, шельмеца! Я и вправду слушаю, уши развесил, а он всякую небывальщину мелет. Еще насмехается над стариком? Моли бога, хоть в проходную-то пускаю!

В тесной проходной будке шофер уложил на пол пружинное сиденье и спинку, вынутые из кабины, застелил их тулупом.

— Что твоя перина! — похвастался Афанасий. Повернулся к сторожу. — Ветру нет, часика два машина постоит, а потом разбудишь меня, дедка. Прогрею мотор. На вот часы. Да гляди сам-то не усни. Загубишь мотор, служба!

В таком важном деле Афанасий не рисковал целиком довериться своему диковинному чувству времени.

— Знаю, знаю, — ворчливо отозвался сторож. — Не впервой.

— Располагайтесь, Надежда Ивановна, — гостеприимным жестом указал на тулуп Афанасий.

— А... а вы?

— И я тут же. Места обоим хватит. Соснем минут триста, а на зорьке дальше покатым. Ночью по озеру разве только дурак сунется ехать.

Надя беспомощно осмотрелась. Негде даже присесть. На единственной табуретке у печки — сторож. Весь пол занят тулупом.

— Чего думаете? — мягко упрекнул девушку шофер. — Дело дорожное. Нам еще ехать да ехать. Вам тоже отдых требуется. Ложитесь вот сюда, с краю, поближе к печке. А я с этого боку приткнусь.

Пришлось подчиниться.

Надя свернулась калачиком, сняв только шубку, приготовилась молча лежать с открытыми глазами до рассвета. Но едва коснулась щекой блаженно теплого тулупа, уснула мгновенно. Сказалась усталость от долгой дороги, пережитые в пути волнения.

Быстро заснул и Афанасий. Как все дальнерейсовики, он умел сутками обходиться без сна, но умел спать и «про запас», в любое время суток, по восемнадцать часов сряду.

Незадолго перед подъемом Надя почувствовала, как чья-то заботливая рука осторожно подтыкает вокруг нее полы тулупа, которым по-братски накрылись путники. «Афоня...» — мелькнуло в полусонном мозгу девушки.

Надя не ошиблась. Прогрев второй раз за ночь мотор, Афанасий укрыл девушку потеплее, оберегая ее от стужи, сочившейся из-под двери сторожевой будки. Беспрепятственно любясь милым лицом девушки, шофер долго сидел на краю их общей постели. Непривычные мысли теснились в его голове. «Такую голубку хотел обидеть!» Странное дело, теперь, когда Надя спала и никто не мог помешать поцеловать ее, самая мысль о поцелуе казалась Афанасию святотатством.

Утром тронулись еще затемно, сначала заправив бак бензином из запасной бочки. Километр тряской дороги — и впереди распахнулась ледяная ширь огромного

озера. Под колесами автомобиля засвистел прозрачный, зеркально гладкий лед.

Небо на востоке тронуло густой зеленью, потом оранжевым цветом. Побледнел стыдливый серпик луны. Слева из темноты проступили громады сопok, ошетиленные тайгой.

Надя заметила, что Афанасий щурится, вытягивает шею.

— Что вы смотрите? Уж тут-то, надеюсь, безопасно ехать?

— Не скажите, Надежда Ивановна. Тоже надо ухо остро держать. Не дай бог в полынью ухнуть.

— В полынью? На таком морозе?

— А вот представьте себе! Тут горячих ключей, как тараканов за печкой. Протаёт над таким ключом матерой лед, а ударит мороз покрепче — полынью молодым ледком и затянет. Только по цвету и угадываешь, где тебя смерть сторожит.

Надя невольно передернула плечами.

— Да вы не пугайтесь, — успокоил ее Афанасий. — Через то и ночуем в Елани, чтоб при фарах не ехать по льду. А днем, на свету, полынью издаля видать. Да вон она, легка на помине, проклятушая!

Шофер указал влево. В слабом предутреннем свете впереди темнел неподвижный зловещий зрак. Сквозь тонкую пленку молодого льда сквозила водяная пучина.

Не проехали и километра, как дорогу автомобилю преградила широкая трещина. Насколько хватал глаз, она тянулась в обе стороны. Зеленая вода тихо плескалась в ледяных бортах.

— А теперь как же? — спросила Надя.

Спросила не растерянно, а скорее с любопытством. За время этого рейса девушка успела твердо уверовать в могущество Афони.

— А теперь мосток наладим, — весело откликнулся шофер. — Нам это дело не в диковинку. Поможете, Надежда Ивановна?

Забравшись в кузов, шофер подал девушке две толстые сосновые плахи, припасенные еще при выезде из автобазы. В пять минут плахи перекинулись над трещиной.

— Цирковой номер. Аттракцион на льду, — с довольным видом потер руки Афанасий. — А вы, Надеж-

да Ивановна, постоит пока в сторонке. Двоим сразу нырять не след.

Плахи угрожающе гнулись и трещали под колесами грузовика, но выдержали его тяжесть. Переправа совершилась благополучно.

— Это еще, можно сказать, семечки, Надежда Ивановна, — сказал Афанасий, залихватским жестом сдвигая малахай на хитрые глаза, небрежно работая рулем. На гладком льду не было ни колеи, ни переметов. — А есть тут ветрюга, по прозванию горловой, вот это, я вам скажу, да! Ущелье, наподобие трубы или горла, вот он оттуда, собака, и вылетает. Как даванет, аж стекла в машине трещат. Не знай, проскочим этим разом или нет...

Не проскочили.

Впереди показалось быстро несущееся облако снега и пыли. Облако росло на глазах. Миг — и все заволочилось летящей снежной пылью, перемешанной с песком и гравием. Грузовик Афанасия словно ткнулся с разбегу в сугроб, с такой силой ударил ветер в лоб машине. Стало темно.

Грудью преодолевая обезумевший ветер, с горящими фарами, грузовик упрямо продвигался вперед. Афанасий почувствовал — временами колеса пробуксовывают на льду. Знобкий холодок тронул плечи шофера. «Только б назад не потащило...»

Надя не подозревала, что шофер не договорил главного. Умолчал, что растеряйся он, и свирепый ветер погонит грузовик по скользкому льду. И будет гнать с курьерской скоростью, пока не сбросит в полынью или трещину. Бесполезна мощь мотора. Напрасно бешеное вращение колес — им нет зацепки. Не найти спасенья и выпрыгнув из обреченной машины: сумасшедший ветер погонит человека, как пушинку, хоть обломай в кровь ногти, цепляясь за лед...

Чутко регулируя газ педалью (избави бог резко прибавить газку!), напряженно высматривая каждый клочок снега, вмерзшую ветку, хоть слабый след торошенья льда, Афанасий отвоевывал метр за метром. Крупный пот гроздьями проступил на лице шофера. Пальцы закистенежили на руле. Широко раскрытые глаза не мигали.

Надя не спрашивала ни о чем, поняла: сейчас даже

словом, нельзя коснуться шофера, он весь — как струна.

Наперекор грозной стихии человек пробивался к спасительному берегу.

И пробился!

Под колесами захрустел гравий, машина сразу прыгнула вперед. Все! Реви, беснуйся ураган. Не взяла твоя!

Курумкай встретил, как всегда, дружным лаем бесчисленных собак. Задрав мохнатые хвосты, сибирские лайки по-своему приветствовали появление машины.

Разгружаться Афанасий не стал, сразу повел машину к школе. Срубленная из кондовых сосен, она высилась надо всем рыбацким поселком. Жестяной флюгер беспорядочно метался на шпиле. Из трех труб школы густо валил белый дым.

Простились на тесовом школьном крыльце. Афанасий бережно забрал в широкую заскорузлую ладонь белую руку девушки:

— Прощайте, Надежда Ивановна. Здоровья вам, удачи в школе. А за глупость мою — извините. Не знал я вас...

— Извините и вы меня. Я тоже много глупостей вам сначала наговорила. А теперь увидела, как работают шоферы, какие они. Вы ведь герой, Афоня! Да, да, не спорьте. Случится заночевать в Курумкае, подъезжайте к школе. Тут всегда заночуете в тепле.

На повороте улицы Афанасий выглянул из кабины. Маленькая девичья фигурка все еще виднелась на крыльце. Девушка прощально махала рукой шоферу.

СЕВЕРНАЯ ОДИССЕЯ

1.

Четверо.

Четверо шоферов ведут четыре тяжелых дизельных грузовика. МАЗы огромны, как дом, неповоротливы и мохли, как африканские слоны. Великаны едва умещаются на узкой таежной трассе, поминутно норовят сползти в глинистый кювет и лечь на бок вместе с грузом — агрегатами электрических экскаваторов. А тогда подыми попробуй! Общий вес, ни много, ни мало, — три ты-

сячи пудов. Краном не взять, не то что домкратом или лебедкой!

Вот уже третьи сутки автоколонна пробивается к столице алмазного края — Мирному. Путь и для обычной машины не близкий, а под непрекращающимся дождем, на таких, не виданных еще в Якутии грузовиках, требуются виртуозное искусство и железные нервы. Что ни километр — новое препятствие: горелище, марь, хилый мосток, свежая глинистая подсыпка — скользкая, как арбузная корка...

Окутанные едким синим дымом, грохоча трехсот-сильными дизелями, МАЗы шествуют по трассе, как танки, все сметая на своем пути. Едва заведя впереди грузовики чудовищных габаритов, водители встречных автомобилей лихорадочно ищут обочину пошире, пятятся назад и покорно замирают у самой кромки кювета, пропуская колонну. Иногда спасительного уширения дороги нет нигде, а передний МАЗ уже надвигается, неотвратимый, как судьба, океанским лайнером нависает над перемуганным водителем. Тогда встречный грузовичок по-заячьи с маху прыгает через кювет и застревает среди пней вырубки.

Обида гложет водителя. «Волкодавы, так их разэтак, загнали в лес!» Но восхищение пересиливает обиду. С широкой блаженной улыбкой, на минуту забыв о своем положении, водитель провожает глазами автоколонну: «Это же надо такие машины придумать! Силица!»

Ведет автоколонну Иван Медведев — красавец, умница, косая сажень в плечах, гордость всей автобазы Мирного. Он не только шофер первого класса, но еще и автомеханик, сварщик, токарь, обладатель полдюжины профессий. Синий комбинезон шофера туго перехвачен желтым ремнем, и вся его стройная фигура так опрятна, что нельзя не поражаться. Ведь и он, как и его товарищи, ночует в кабине грузовика, таскает бревна, копает землю под колесами машин.

Вторым идет Яшка Комар, беспечная душа, огненно-рыжий балагур и затейник. В такой рейс парень выехал сдуру не в кирзовых сапогах, а в спортивных тапочках, и теперь поминутно теряет их в холодной липкой грязи, на потеху всей колонне. Яшка веснушчат, некрасив, но убежден в своей неотразимости и втайне влюблен в са-

мую красивую девушку Мирного, о чем красавица даже не подозревает.

В кабине третьего МАЗа, высоко над землей, сидит якут Николай Ольгин. Он — единственный, кому эта суровая, насквозь промороженная земля — родная. Но ни одеждой, ни говором, ни мастерством он не отличается от приезжих русских шоферов. Только смуглая, выдубленная свирепыми морозами кожа круглого лица да узкие косые щелочки глаз выдают его национальность. Николай предельно молчалив. Бывают дни, когда он проронит едва ли десяток слов. Ольгин самый старший по возрасту, морщины уже успели избороздить его широкий лоб, но коренастое тело налито силой.

Замыкает колонну осетин Жора Цагараев, человек такого сложения и роста, что даже Медведев достает ему только до подмышек, а рыжий Яшка мотается где-то на уровне колен великана. МАЗ прямо-таки создан для Цагараева. Яшка даже уверяет, что в их облике есть что-то общее. Голос у Жоры густой, самого низкого тембра. Господня труба, а не человеческий голос! Все тот же Яшка убеждает великана, что звуковой сигнал на его МАЗе ни к чему: Жоре достаточно рывкнуть самому из кабины, чтобы любой встречный грузовик как ветром смело с трассы. Подобно всем силачам, Цагараев добродушен и терпелив. Но горе тому, кто вызовет его гнев!

За время пути быт шоферов уже успел устояться. К полудню вся колонна выстраивается на обочине трассы, дизеля смолкают. Яша Комар вешает на рогульку ведро с пшениным кулешом и жестяной чайник. Жора Цагараев, легонько помахивая топором, заготавливает для костра сухие сучья, добывая их под самыми густыми елками, непроницаемыми даже для затяжных дождей. Николай Ольгин моет в ручье оловянные миски и режет хлеб. А Иван Медведев тем временем внимательно осматривает машины. Ведь если не считать заводской обкатки, это первый рейс в жизни минских богатырей. Сначала их долго везли по железной дороге, на платформах, потом сплавляли на баржах вниз по Лене, мимо скалистых «щек», по перекатам и плесам великой северной реки.

И вот — первое испытание новой, диковинной техники в якутской тайге.

2.

Начальник автобазы не стал вызывать к себе Медведева. Получив телеграмму, сам отыскал шофера на большом дворе, за вулканизационным цехом. Иван лежал под грузовиком на деревянной решетке, подтягивал болты карданного вала, высунув наружу ноги. Начальник автобазы постучал по подошве правого сапога.

— Войдите! — смешливо отозвался из-под машины Медведев.

— Ну-ка, вылазь оттуда, Иван Иванович. Праздник на нашей улице!

Иван заторопился, с силой двинул решетку. Комбинезон зацепился за болт и затрещал.

— А, ч-черт! Неужто МАЗы пришли?

— Они самые. Отбирай себе троих помощников и сегодня же — на самолет.

С самой весны автобаза Мирного ждала прихода двадцатипятитонных самосвалов. О новых, еще никем не виданных грузовиках слагались настоящие легенды. Говорили, что подниматься в кабину надо по стальной лестнице, что рулевой штурвал без пневматического усилителя не повернуть и втроем, что... Всех рассказней не переслушать!

Иван не верил слухам. Но когда своими глазами увидел могучие машины, смиренно стоявшие рядом в речном порту, невольно поразился. Тупоносые, с широко расставленными лапами-шинами, они даже на стоянке производили впечатление непомерной мощи. Да с такими самосвалами горы можно свернуть! Вот когда двинется вскрыша на кимберлитовых трубках Мирного!

Потихоньку, таясь от насмешника Яшки Комара, Иван влюбленно погладил крылья великанов, открыл капот и подивился тесному сплетению стальных мышц мотора. От МАЗов приятно пахло свежей краской и соляркой. Выпуклые стеклянные фары, казалось, внимательно следили за человеком.

Перед тем, как заливать радиаторы водой, шоферы чуть не наизусть вызубрили заводскую инструкцию. Только потом рискнули завести моторы, прогрели их, прослушали на всех режимах, опробовали тормоза и сцепление.

Едва заслышав стук дизелей, к шоферам тотчас ко-

лобком подкатился начальник базисных складов, радушно обнес всех коробкой «Северной Пальмиры»:

— Берите, ребята, не стесняйтесь. Папиросы высший сорт, люкс.

Ольгин и Цагараев деликатно взяли по папироске. Комар же запустил в коробку всю пятерню, загреб, сколько уместилось в горсти. Медведев хотел отказаться. «Это он с подходцем, не иначе. Что-то просить будет». Но Комар уже успел закурить, и легчайший, благовонный аромат дорогого табака соблазнил бригадира.

Опасение Медведева оправдалось. Покончив с угощением, снабженец перешел к цели своего прихода:

— Классные машины, а, ребята? Неужто порожняком погоните в Мирный? Непорядок! Ей-богу, непорядок. По мне — хотя 6 тонн по двадцать, а надо загрузить. Что скажешь, бригадир?

Медведев долго молчал. Конечно, обидно гнать машины такой грузоподъемности порожняком. Да что там обидно! С души воротит! Ведь еще вопрос, что нужней горнякам Мирного — эти самосвалы или новые электрические экскаваторы. Зря, что ли, столько коммунистов выступило тогда на партийном собрании. Как крыли руководство треста!.. К тому ж груженные машины меньше будут буксовать. Но мосты, мосты... Выдержат ли старые деревянные мосты на трассе такую перегрузку?

Кончились раздумья тем, что Медведев отправился на радиостанцию, посоветоваться с начальником автобазы.

Дождь не прекращался. Где-то рядом, над Леной, проходил грозовой фронт. В наушниках сухо пощелкивали непрерывные разряды. Казалось, наэлектризована вся атмосфера. Все же сквозь треск и разряды шофер расслышал уклончивый ответ:

— На твое усмотрение, Иван Иванович... Сообразуйся с обстановкой... Экскаваторы-то позарез нужны...

Иван рывком содрал наушники с головы, зло выругался:

— Дипломаты, матери их черт! Лишь бы на другого перевалить ответственность.

Молоденькая радистка осуждающе посмотрела на шофера. Такой видный, культурный парень, а черты-хается.

— Вы меня извините, девушка, — просяще сказал

Иван. — Но разве не возьмет зло? Тут решения ждешь, приказа, а тебе ни да, ни нет.

Вконец расстроенный, Медведев вышел из домика радиостанции. Свечерело. В порту глухо гугукнул буксир. Сверху шел теплоход, сияя иллюминаторами. Огоньки в домах поселка манили к отдыху. Но черные громады МАЗов виднелись на дороге, в кабине одного из них вспыхнула спичка. «Ждут ребята, не уходят. Рискнуть? Разрешения не дали, но и прямого запрета нет. И на том спасибо. Надо, надо везти экскаваторы! Лишь бы ребята согласились. Грош нам всем цена, если порожние машины пригоним».

Дождь оборвался. Только с мокрых деревьев на раскисшую землю продолжали звучно шлепаться крупные капли. Впервые за последние дни прошумел ветер. Похоже, погода собиралась наладиться. «Хотя б сверху не лилось, а уж из грязи как-нибудь выцарапаемся», — приободрился Медведев.

Созывать шоферов не пришлось. Сами высыпали из кабин, окружили Ивана.

— Ну как?

— Такое дело, ребята... — Медведев вздохнул, обвел всех зорким взглядом. — На наше усмотрение. Как решим, так тому и быть. А экскаваторы вот как нужны! — Иван полоснул себя по горлу ребром ладони.

Пауза затянулась. Даже Комар не рискнул высунуться с поспешным словом. Ой, трудна будет дороженька! А с агрегатами в кузове и того трудней. Думать надо, думать...

Пока шоферы размышляли, Иван украдкой наблюдал за товарищами. У Яшки ветер в голове. Сейчас первым может высказаться за погрузку, а случись какая заковыка, тут же отопрется: «Я говорил, порожняком надо было машины гнать!» Никола? Этого молчуна не вдруг раскусишь, что у него на уме. А вот на Жору можно, как на самого себя, положиться. Кремень. Сроду не попятится. Лишь бы согласился.

— Грузиться! — первым уронил на чашу весов свое твердое слово Цагараев. — Осторожный и на муравья не наступит. Всего бояться — как ехать?

Медведев облегченно перевел дух.

— Правильно, — поддержал товарища Ольгин.

— Уж ехать, так со звоном, чтоб по всей т'ассе

г'емело! — скривил подвижную веснушчатую физиономию Яшка Комар, как всегда безбожно картавя.

Иван зачем-то снял кепку, волнуясь, снова нахлобучил ее на голову потуже. Решили сообща. Это хорошо. Не на кого будет пенять. Но весь ответ все равно будет лежать на нем. Теперь держись, бригадир!

3.

Сквозь мелкую сетку дождя — опять зарядил, проклятый! — в белом свете фар Цагараев видит, как задние колеса идущего впереди самосвала Ольгина начинают буксовать. Желтая глина забила резиновые шпоры на гигантских шинах, и они беспомощно крутятся, роя под собой канаву. С каждой секундой канавы становятся глубже. Минута — и, накренься, МАЗ садится всем своим трехтысячепудовым брюхом на размытую дорогу...

У застрявшего грузовика собираются все шоферы, мокрые, грязные по самую макушку (даже Иван облеплен рыжими шлепками глины). Говорить много не о чем. Каждый знает свое дело. Жора валит в лесу молодую лиственницу, легко взбрасывает на плечо комель и тащит бревно к машине. Яшка мостит домкрат под задней осью самосвала. Иван и Николай вырубают лопатами в дорожном полотне колеи для передних колес. Глина вязнет к лопатам, холодная вода затекает за шиворот, ноги хлюпают в земляном месиве...

— В г'обу б я видал такую 'аботенку! — стонет под машиной Комар.

— Языком гору не обрушишь, — гортанным голосом нравоучительно говорит Цагараев. Осетин не обращает никакого внимания на дождь. Он сбросил с себя даже пиджак и работает в одной матросской тельняшке. — Надо руки приложить.

— Это точно, — подтверждает Медведев. — А вы замечаете — гнус-то пока спрятался!..

Гнус допекает шоферов едва ли не больше дождя и всех прочих дорожных неурядиц. Не успеет проглянуть в тучах край солнца, как он уже тут как тут и жалит, жжет, казнит людей, едва они выберутся из кабин. Не насекомое, а какая-то казнь египетская! Хоть горстями отгребай его! Кожа горит, словно намазанная ски-

пидаром, шея, руки нестерпимо зудят и чешутся...

После часовой подготовки все налажено: задние колеса подняты и под них подсунуты бревна, для передних колес готовы направляющие колеи, на буксирный крюк надета петля стального троса, привязанного к самосвалу Комара. Можно пробовать.

Отбросив щелчком недокуренную папиросу (за погрузку агрегатов снабженец презентовал шоферам десять коробок «Северной Пальмиры»), Николай садится за руль. Толчок стартера — и дизель оживает. Надрывный грохот оглашает тайгу, в клочья раздирает тишину. Весь содрокаясь от напряжения, железный великан выбирается из западни, вырытой им самим. Шины визжат, добела истирая древесину, толстый трос натягивается струной, поет от натуги.

Медленно, по сантиметру, МАЗ продвигается вперед. Пучина неохотно выпускает свою жертву. Но через несколько минут самосвал все же стоит на твердом грунте.

Хлопают дверцы кабин, тяжелые грузовики трогаются дальше. Пройдены сто, двести метров... полкилометра... Но тут начинает сползать в кювет МАЗ Цагараева. Ему достается больше всех — идущие впереди самосвалы оставляют вместо дороги невообразимо истерзанную земляную полосу, всю иссеченную колеями и буграми. Свежая насыпь не выдерживает такого давления, ползет под колесами.

Все начинается сначала...

— Жабьи дети! — ругается Комар, имея в виду дорожников. — Уст'оили т'ассу — ползет, как студень. А ты ст'адай по их милости.

— Положим, у них после нашего рейса переживаний тоже будет под завязку, — замечает Медведев.

Все смеются. Действительно, позади автоколонны впору бульдозер пускать. Даже грейдер не заровняет таких бугров и траншей.

На ночлег останавливаются на песчаном подсохшем взлобке, на берегу Ньюи. Черная вода бесшумно бежит под мостом, легко обтекая сваи. По ту сторону реки призывно мелькают огоньки дорожного поселка. Там бы и заночевать. Но Иван подвел свой МАЗ вплотную к мосту, и все увидели — колеса едва-едва умещаются на настиле. Придется держать по самой кромке моста. Та-

кой трюк лучше отложить до утра. Слишком велик риск.

В закопченном ведре поспела вкуснейшая уха. Ольгин сходил в поселок, добыл у земляков свежих хариусов.

— Как думаешь, Ваня, суток за десять доедем? — спрашивает Комар, дробя зубами рыбий хвост.

— Не знаю, Яша, — честно признается бригадир. — Тут каждый мост может запятую поставить.

— По мне лишь бы Новый год не вст'ечать на т'ас-се, — беспечно хохочет Комар.

В кабинах тепло и не тесно. Можно вытянуть ноги, дать отдых измученному телу. Но Иван не спит. Уходит короткая северная ночь, а шофер все лежит с открытыми глазами, вспоминает.

...Пройдена очередная топь. От МАЗов, как от смертельно усталых, загнанных животных, валит пар. Грязь залепила колеса, крылья. Комья красновато-рыжей глины залетели даже на широченный капот. Как непохожи сейчас грузовики на те чистенькие, блестящие автомобили, что стояли в речном порту перед выездом в рейс!

Черт бы побрал эту анафемскую дорогу! Из-за нее приходится своими руками швырять машину в ямы и промоины, надрывать новый дизель сумасшедшими оборотами. Начальников бы сюда, всех, кто виноват в этом бездорожье! Лопаты им в руки и пусть копают! Пусть лезут в грязь под машины, толкают их плечом до дрожи в коленях, до кровавых чертиков в глазах, гатят под ненасытные колеса бревна и камни! Знайте, каково достается по вашей милости машинам!

Закинув руки за голову, лежа навзничь, Медведев думает об автосборщиках. Как стараются ребята, чтоб с конвейера сходили надежные, красивые машины! Как бережно подгоняют и привинчивают детали, закладывают смазку, окрашивают крылья, капот, кабину. И вот машина готова. Красавица, вся сверкающая на солнце полированными боками, она весело скатывается с конвейера, впервые прикасается к земле девственно чистыми шинами.

Но как же недолговечна молодость новорожденной машины! Немногим из них выпадает счастье весь век провести на гладком асфальте городов и магистральных шоссе. Куда больше таких работяг-тружеников, как их МАЗы, что обречены летом ходить в тучах пыли,

словно наждак, съедающей поршни и цилиндры, зимой — сквозь сугробы и снежные переметы, весной и осенью — по бездорожью, жуткой проказой расползшемуся по лицу огромной страны.

Насмотрелся Иван за годы шоферской работы на безвременных «покойников». Приходила в гараж новенькая машина, полная сил и молодого задора. Но с первого же дня ее начинали рвать на бродах тракторами, загонять в глинистые овраги, поджигать на кострах после ночевки на морозе под открытым небом... И куда что девалось! В два-три года тускнела и облезала блестящая краска, обвисали собачьими ушами латанные крылья, в перегретом надорванном моторе появлялись чахоточные стуки. Еще немного — и страдалицу волокли на буксире в длинный ряд автомобильных скелетов, выстроенных на колодках вдоль забора, словно присужденных к расстрелу. Прощай, вольный ветер лесов и широких полей! Прощайте и вы, дальние рейсы по бесконечным трактам! Впереди только тягучие месяцы под снегом и морозящим дождем. А там — небытие...

Горько думать, что и эти могучие добрые машины ждет та же участь. Долго ли протянут они по бездорожью Мирного, по его зыбунам, лежневкам и марям?

А ведь вот на железной дороге совсем другие порядки. Зимой и летом под паровоз бегут гладкие чистые рельсы. Путевые обходчики заботливо осматривают каждый стык, выпалывают на путях траву, обкладывают побеленными камешками сигнальные столбы. Пусть вокруг зеленые лягушачьи болота, лесные чащобы и завалы, крутые каменистые осыпи, все равно железнодорожный путь чист, наряден и ухожен.

Почему ж автомобиль гонят по таким вот дьявольским пролазам, через песчаные барханы, сугробы, топи, без пути и дорог? Почему на все находятся в стране деньги, только не на отличные бетонные автострады?

Так и не найдя ответа на свои вопросы, Иван устало закрывает глаза. Спать! Завтра будет денек еще потруднее.

4.

Цагараев выходит на середину моста, поднимает мускулистые руки над головой и громко хлопает в ладоши. Внимание! Медведев плотно усаживается на пружину.

жинном сиденье, стискивает пальцами скользкий холодноватый штурвал руля.

Берег Нью усыпан зрителями. Едва ли хоть один житель поселка усидел сегодня дома. Все здесь. Как пропустить подобное зрелище?

Пятясь задом, зорко следя за передними колесами МАЗа, Жора манит его за собой, словно укротитель в цирке. Недоверчиво, будто принюхиваясь, гигант просовывает тупой, как у бегемота, нос на мост. Охают под непомерной тяжестью прогоны, настил прогибается, что-то внизу предостерегающе трещит.

Пот проступает каплями на лице Ивана. Губы плотно сжаты, брови сведены вместе. Он не видит, но чувствует, чувствует всем телом, как изгибаются балки моста, глубже уходят в илистое дно сваи. Выдержит мост или нет?.. А шины медленно катятся по самому обрезу настила. Наружные задние колеса — в воздухе, они не умещаются на настиле. Ошибка в один сантиметр грозит катастрофой.

Не сводя глаз с Цагараева, Иван осторожными движениями поворачивает штурвал в ту сторону, куда показывает Жора. Как ни наметан глаз у Медведева, сейчас даже на его глазомер полагаться нельзя.

На берегу — мертвое молчание. Ни шепота, ни шороха. Только когда передние колеса МАЗа вкатываются на гравийное полотно трассы, зрители дружно выпускают облегченный вздох. Кое-кто замечает даже, что последнюю минуту совсем не дышал, сидел затаив дыхание.

Лиха беда — начало. Второй самосвал идет уверенней. Раз испытанным порядком все грузовики переправляются через Нью. После их прохода мост оседает на добрых полметра, выгибается дугой. Но теперь это не страшно. Переправа совершилась.

В поселке шоферов окружают, ведут героев дня в дорожную столовую. Но часть взрослых и все ребяташки остаются возле диковинных машин. Самые смелые взбираются по лесенке, заглядывают в кабины, другие ощупывают рубчатые шины, дивятся размерам грузовика. Днем и ночью через поселок бегут автомобили разных марок. Видали тут и чехословацкие «татры» с воздушным охлаждением («Добрую машину сработали братья-славяне!»), и американские вездеходные «сту-

дебеккеры», и другие заморские машины. Дорожников трудно удивить новой маркой. Но отечественные великаны никого не оставляют равнодушным.

Перед рассветом опостылевший дождь стихает. Утро занимается румяное, погожее. В воздухе пахнет свежестью, смолем и дымом. Тугие паруса облаков важно плывут в синем небе. И шоферам начинает казаться, что все беды уже позади, что дальше их МАЗы пойдут без задержки.

Напрасная надежда! Разочарование постигает вскоре же. Из встречного грузовика высовывается лохматая голова шофера. Он машет рукой, что-то кричит, останавливая колонну.

— Здорово, братки! Ворочайтесь в поселок. Впереди трактора весь мост разворотили. До бревнышка настил собрали. Одни сваи торчат.

Что делать?

Шоферы сбиваются вокруг Ивана. Яша Комар кричит, приплясывая на месте от возбуждения:

— Что я, 'ыжий? Пускай до'ожники от'емонти'уют мост, тогда и поедем!

Комару отвечает дружный хохот. Яша совсем позабыл, что он-то как раз огненно-рыжий.

Но тут же смех обрывается. Не до шуток. Что-то надо решать. Ждать в поселке? А если мост неделю будут чинить? Нет, нужно двигаться дальше, самим оценить обстановку, на месте.

Не доезжая моста, дважды приходится останавливаться на уширении дороги, чтобы пропустить грузовики, накопившиеся позади колонны, идущей кильватерным строем. Водители грузовиков бесятся, сигналият, сверхъестественно ругаются, но рев дизелей МАЗов перекрывает весь этот гвалт. К тому же каждый водитель понимает, что МАЗам просто некуда свернуть. Но до чего же муторно плестись за ними на обычных машинах! Маета, да и только. Первая, вторая, только на спуске третья скорость... Веселенькая езда! Молоко прокиснет.

В нескольких метрах от моста колонна останавливается. Картина удручающая. Два гусеничных трактора сцепом волокли за собой трейлер с экскаватором, и мост выглядит так, будто над ним только что отбомбилась целая эскадрилья. Настила нет и в помине. Одна

продольная балка лопнула. Голые сваи щербятся в небо.

По лицам товарищей Иван видит, что они близки к отчаянию. Столько мокнуть под холодным дождем, иступленно долбить землю, до изнеможения таскать на горбу бревна, и все это только для того, чтобы застрять здесь, у разрушенного моста? Есть же предел человеческим силам!

— Спокойно, товарищи! — звучным голосом говорит Иван. Взмахом головы он отбрасывает густые волосы назад. Красивое мужественное лицо вдохновенно и сурово. Синие глаза блестят. — Считайте, мы в прифронтной полосе, везем батарею снаряды. Задача — любой ценой прорваться вперед! Без кимберлита нет алмазов. А его отвалы все растут, транспорт задыхается. Кроме нас, некому доставить эти МАЗы в Мирный. Понятно? Не-ко-му!

Иван спускается к речке. Песчаный бережок прорезан двумя колеями. Грузовики уже успели нащупать брод и идут в обход разрушенного моста. Подтянув за ушки голенища кирзовых сапог, Иван входит в воду. Дно сложено из крепкого плитняка. Ему можно довериться. А вот песок под колесами провалится. Надо устраивать лежневку на въезде и выезде. Сотня бревен наберется в развалинах моста. Остальные придется таскать из леса...

До сумерек удастся проложить лежневку только на подъезде к броду. Тапочки Яшка давно повесил на суку березы и шлепает по грязи босиком. Николай натер на ладонях кровавые мозоли. Даже Жора, железный осетин, кажется, весь сплетенный из воловьих мускулов, и тот заметно притомился.

Спать ложатся без ужина. Где уж тут разводить костер, варить неизменный кулеш! Ноют все суставы, ободранные бревнами плечи жжет так, словно их нахлестали крапивой.

Иван ощупывает задубевшие икры, бицепсы, и думает о Яшке. «Мне тяжело, а каково ему? Босиком, силенки кот наплакал...» Медведев не знает, что как раз в эту минуту Комар сидит в кабине Ольгина, бубнит вполголоса:

— Слушай, Колька, давай б'осать эту ме'ехлюндию! Сколько можно ишачить? Я за сегодня весь выложился,

без остатка. Сядем сейчас на попутку и к ут'у — в Ми'ном. А? На дьявола г'обить себя?

Николай не отвечает, и Яшка близко наклоняется к его лицу. Похоже, что якут смеется, поддразнивая Яшку. Но в этот момент луна выходит из-за облаков и освещает крепко сомкнутые глаза шофера. Он спит. Рот полуоткрыт, белые зубы оскалены. Сон сразил Николая мгновенно, посреди разговора.

Разочарованный Комар спрыгивает с лесенки. Белесый туман наплзает с реки, окутывает колеса МАЗов, и вот они уже кажутся баржами, беззвучно, без всплеска, плывущими по воде. Вокруг так тихо, что Яшке становится жутко. В ночном лесу не шелохнется ни одна ветка, не пискнет птица. Дорога пустынна. А четыре безмолвные черные громадины плывут по белесой туманной реке...

Яшка зябко передергивает плечами, торопливо забирается в кабину своего МАЗа и затихает там, подтянув ноги к самому подбородку, маленький, взъерошенный. Привычный запах солярки и резины успокаивает его, в кабине — как в крепости. Нервное напряжение вскоре спадает, и Яшка начинает мирно похрапывать.

5.

Опять сверху сеется мелкий, мучительный, как зубная боль, «грибной» дождь. Опять в ветровом стекле перед Медведевым плывет расхристанная узкая насыпь с глинистыми хребтинами, глубокими колдобинами, залитыми кофейной жижей, рваными колеями, из которых торчат размочаленные жерди и свежесрубленные лиственнички.

Идут шестые сутки рейса. А впереди еще половина дороги, бесчисленные ловушки...

Дизеля жрут горючее как оглашенные. Вдобавок подъезжать к заправочным станциям рискованно — на смерть завязишь машину. Приходится на себе выкатывать бочки, таскать солярку ведрами. Пока зальешь полные баки — руки отмотаешь!

Под равномерный стук дизеля хорошо думается. И Жора мечтает о том, как могла бы мчаться сейчас их колонна, будь под ее колесами не эта гнусная глина, а твердая серая полоса бетона. Как воспрянули бы мото-

ры, как обрадованно рванулись бы вперед МАЗы! Только успевай считать полосатые километровые столбы да пролетающие мимо мосты!..

К полудню впереди вырисовывается Сучья гора. На топографических картах она именуется совсем иначе, но шоферы окрестили ее по-своему. И не зря. Нет шофера, который не проклял бы всю родословную Сучьей горы до двадцатого колена включительно. Нет таких самых изощренных ругательств, непередаваемого сквернословия, сверхъестественных богохульств, которых не слышала бы гора по своему адресу каждый дождливый день.

Еще стоя в порту, под мостовым краном, на погрузке экскаваторных агрегатов, Медведев и его товарищи думали о Сучьей горе. Как взять этот труднейший барьер на пути к Мирному? Мост можно уширить, через болото проложить лежневку. Но как перехитрить гору?

Опять короткое совещание у самого подножья горы. Вид ее страшен. Вместо дорожного полотна тестообразное месиво из глины и обломков жердей. Яшка уже забыл о своей ночной слабости и опять полон энтузиазма:

— Давайте я пе'едом буду бить!

Жора кладет свою пудовую руку на плечо рыжего шофера и под ее тяжестью Яша сразу умолкает. Ему кажется, что он по шею вошел в землю.

Принимается решение, продиктованное отчаянием: попытаться подняться справа от Сучьей горы, целиной, по мелкорослому леску. Для МАЗов эти чахлые деревца то же, что человеку луговая трава.

Медведев по-прежнему идет в голове колонны. Ему и пробовать первым.

Иван обстукивает сапогом шины. Обстукивает по давней привычке. Смешно пробовать давление в этих шинах таким способом. Потом снова лезет в кабину, включает стеклоочиститель, изо всей силы стискивает зубы.

— Пошел! — оглушительно командует Цагараев.

МАЗ сворачивает вправо, ломит целиком через безрезняк, с хрустом безжалостно подминая под себя молодые деревца, оставляя позади широкую полосу изуродованного подроста. Иван рвет рычаг скоростей, бе-

шено работает педалями газа и сцепления, перехватывает рулевой штурвал.

Угрожающий рев дизеля поднимается до наивысшей звенящей ноты. Кажется, звенит вся тайга. Могучая машина готова намотать ее всю целиком на свои колеса, как кусок брезента, вывернуть наизнанку эту распро-дьявольскую трассу.

Машину швыряет вправо, влево, гигант ухает в глубокие зловонные ямины, свирепо рыча, выдирается из них и лезет, лезет вверх, на гору. Пройдены уже сорок метров... шестьдесят... сто...

Но каким-то необъяснимым, подсознательным шестым чувством Иван определяет: эти метры — последние. Дизель ревет по-прежнему, колеса вращаются с той же бешеной силой, но что-то в поведении машины изменилось.

Так и есть. Продвижение вперед замедляется. Еще несколько секунд — и грузовик барахтается на месте. Иван выключает дизель, дрожащими, темными от солярки пальцами вытаскивает последнюю папиросу и далеко отшвыривает смятую пустую пачку. «Сорвалось!»

Путь вниз куда легче. Не разворачиваясь, по своей же колее, самосвал задом спускается к тому месту, откуда начался его отчаянный рывок.

— Что теперь?

Вопрос Ольгина повисает в воздухе. Ответа нет. Чудеса бывают только в сказках. А что, кроме чуда, может поднять исполинские машины с их грузом на Сучью гору?

Но чудо приходит. В самой будничной оболочке. Сверху раздается деловитый рокот трактора. Райская музыка — и та показалась бы в эту минуту шоферским ушам не такой сладостной, как это однообразное тарактенье! Ур-р-а-а!

Скатившись вниз, трактор останавливается сам, без приглашения. Тщедушный парнишка-тракторист изумленно таращит узкие глаза на невиданные грузовики. Он тоже якут, как и Ольгин.

Трактор не могучий С-100, а старенький ДТ-54. Но что за беда! Ведь сила трактора не в его моторе (куда ему до дизелей МАЗов!), а в гусеницах. Будь у самосвалов такие «лапти», плевали б они на Сучью гору!

Парнишка почтительно обходит вокруг медведев-

ского МАЗа, прищелкивая языком, с трудом вытаскивая ноги из вязкой глины.

— Нда-а... Машины!.. Но крепко вы подзасели. Ничем на гору не въехать.

— Поможешь — въедем. Им только малость и помочь — выскочат, как пробка из бутылки, — убежденно сказал Медведев.

— Не-е... — Тракторист снова вскочил за рычаги своего ДТ.

Шоферы стояли как громом пораженные. Чтобы свой брат, рабочий, отказался помочь в такую минуту?..

Ольгин горячо заговорил с земляком по-якутски. Но парнишка упрямо мотал кудлатой головой:

— Не-е... Сцепление у меня хандрит. Полетит, зараза, тогда и я рядом с вами припущу.

Комар решительно отодвинул Ольгина, выдвинулся вперед:

— Ты что ж, козья мо'да...

Добрых пять минут прибой Яшкиного красноречия окатывал с ног до головы злополучного тракториста. За эти минуты Комар израсходовал минимум месячный запас самых страшных своих сквернословий.

Но и виртуозная ругань не помогла. Парнишка без обиды, похоже, даже с некоторым удовольствием выслушал художественную брань шофера, но в ответ снова замотал головой:

— Не-е...

— Что ж, дело хозяйское, — медленно сказал Иван. — Мы тебя неволить не можем. Будем сидеть тут до белых мух, пока трассу не подморозит. Обидно только, что позоришь ты звание рабочего человека...

— Чтоб твой черный день поскорее пришел, — добавил Жора, сводя вместе густые брови. Плюнул на землю у ног тракториста, отвернулся.

— Закурить хоть у тебя найдется? — угрюмо спросил Ольгин.

— Табачок есть. Это с удовольствием, — обрадованно откликнулся тракторист, суетливо выдергивая из кармана кiset. Значит, мучила его все же совесть, что оставляет шоферов в лесу без подмоги!

Постояли рядом, молча покурили под приглушенный рокот трактора. Высшая рабочая гордость не позволила

шоферам унизиться до мольбы перед человеком, отказавшим им в помощи. Докурив, тракторист снова залез в кабину, дал газ. Замелькали гусеницы. И вдруг замерли. Парнишка высунулся наружу:

— Буксиры-то у вас есть?

— Есть! Трос — лучше не надо, — так и завертелся на месте шоферы.

— Тогда валяйте, цепляйте за переднюю машину.

Стальная петля накинута на крюк. Трос вытягивается в нитку. Разом взывают два мотора. Уверенно грохоча дизелем, медведевский МАЗ лезет в гору, свирепо перемешивает глину вместе с обломками жердей.

Пятнадцать минут спустя трактор берет на буксир второй самосвал. Что за милый парнишка! Расцеловал бы его, черта кудлатого!

6.

Весть о том, что по трассе идут тяжелые МАЗы грузоподъемностью в двадцать пять тонн, разнеслась далеко по якутской тайге, взбудоражила всех. Вестниками послужили шоферы встречных и попутных машин. Доставалось им здорово: «четвертаки» оставляли за собой настоящие траншеи, но ни один водитель не набрался духу обругать за это мазистов. Они, что ли, виноваты? Дороженька, черт ее с пьяных глаз делал!

Забеспокоились и дорожники. Начальники ДЭУ — дорожно-эксплуатационных участков — за голову хватались, осматривая трассу после прохода МАЗов. Полетели по проводам телефонограммы...

Колонна одолевала очередную небольшую марь, когда к шоферам приехал на вездеходном газике сам начальник дороги. В соломенной шляпе, гладко выбритый, приятно пахнувший дорогими духами, инженер чуточку брезгливо оглядел шоферов. Измазанные по самые брови липкой грязью, в замасленных спецовках, похудевшие, они все еще находили в себе силы шутить. Подцепив по бревну под мышки, Жора прогулочным шагом тащил их к трассе. Комар добыл-таки в одном из трассовских магазинов сапоги и теперь смело лез с домкратом под машины.

— Здравствуйте, товарищи, — хорошо поставленным звучным баритоном произнес инженер.

Шоферы оторвались от возни с машинами, сдержанно поздоровались.

— Я созвонился с руководством Якуталмаза, доложил о повреждении трассы вашими машинами. Принято решение: разгрузить их, двигаться дальше только порожняком. Вот телефонограмма за подписью начальника вашей автобазы.

Угадав в Медведеве старшего, инженер протянул ему листок.

— За каким же че'том... — начал было возмущенно Комар, но Иван остановил его жестом.

— Помолчи, Яша. Приказ есть приказ. — Бросив лукавый взгляд на товарищей, притворно вкрадчивым тоном Иван досказал: — Только чем вы наш груз снимете, товарищ начальник? Эти агрегаты ни один автокран не возьмет. Или у вас мостовой кран найдется?

— Откуда ж он у меня? Я думал, вы сами разгрузитесь, — растерянно ответил инженер.

— У самих у нас силенки не хватит. Тут и Жора не поможет, — уже откровенно издевательски сказал Иван, указывая на Цагараева.

Для приличия шоферы отпустили начальника дороги подальше и лишь тогда дали волю смеху. Жора хохотал гулко, как из бочки. Яшку корчило. Иван вытирал слезы на глазах. Даже Николая — и того проняло.

Но шоферы поторопились смеяться...

На одиннадцатые сутки пути автоколонна подошла к поселку на реке Ботубуе. Накануне шоферы впервые за всю дорогу попарились в баньке, сменили белье, побрились и теперь находились в наилучшем расположении духа. Близился конец тяжелой страды.

В этот-то час и возник снова на горизонте начальник дороги. Вынырнул на повороте, неожиданный-негаданный на своем «газике». Неизвестно почему, у Ивана сразу упало сердце. «Не к добру...» Широко шагая длинными ногами, инженер подошел к бригадиру, развернул перед ним телеграмму:

— Вот, запросил Якутск. Предельная нагрузка на ботубуйский мост — двадцать восемь тонн. А у вас в каждой машине брутто пятьдесят. Вдвое больше. Разгружайтесь. Порожняком пропущу, с грузом — ни за что. Вмерзнут опоры в лед, тогда и перевезем экскаваторы. Будете самовольничать — неизбежно разрушите мост,

парализуете движение по всей трассе. А за такое художество меньше пяти лет не дадут.

Уголовная ответственность не смутила б Медведева. Но раз наука говорит, что мост не выдержит такой перегрузки, лезть напролом нельзя. Остановить движение на трассе — не шуточное дело! От бензина до духов, от арматурной стали до зубного порошка, все идет по ней, по этой «дороге жизни».

А инженер продолжал, играя приятными модуляциями баритона:

— Лебедку вам из Мирного подвезут. Я уже договорился. Стройте пока копер. Снимете агрегаты под ним.

Впервые с начала пути у Ивана перехватило дыхание. Вот она, настоящая беда! Пострашнее всех марей, раздробленных мостков и затяжных дождей. Мала бумажка, пустяк, клочок, а не дает въехать на мост могучим машинам! Неужто прахом пойдут все их нечеловеческие труды? Неужто напрасными окажутся испытания и лишения?

— Как же так, товарищ начальник? — взмолился Иван, комкая кепку в кулаке, не чувствуя укусов мошки. — Ведь столько прошли, а теперь, чуть не в одном перегоне от Мирного, разгружаться? Смеемся вы, что ли? Сами ж знаете, как ждут эти экскаваторы? Может, больше даже, чем наши самосвалы!

— Знаю, голубчик, все знаю, — ответил инженер. На этот раз неподдельное сочувствие звучало в его голосе. Видно, даже он не остался равнодушным к великому труду шоферов. — А что делать? Что? Мост нам дорожке любых машин. И нам, дорожникам, и вам, транспортникам. Это ведь не те мостишки, что вы проехали. Трехпролетный, подкосный... Рухни он, что будем делать?

Иван поник головой. Весь бесконечный страдальный путь от порта на Лене до Ботуобуи промелькнул перед ним. Того леса, что они спилили на лежневки, наверняка хватило б не на одну избу. А сколько земли перебросали они лопатами? Курган, не меньше.

Инженер ушел, но шоферы не спешили заговорить. Жора задумчиво строгал смоляную щепку. Яша сделал вид, что целиком занят отставшей подошвой сапога. Николай открыл капот, влез под него по плечи.

Стоя на самом солнцепеке, оглушенный бедой, Иван не шевелился, ничего не замечая вокруг себя. Когда самосвалы по кузов погружались в хлябь, сползали в кювет, буксовали на подъемах, он знал, что надо делать. Кидался под машину, копал, мостил, гатил до одури, до хрипа в горле. А чем теперь помочь?

По загорелой руке медленно проковылял комар. Иван машинально прихлопнул его и тотчас ладонь окрасилась кровью. «Ишь, напился...» Не сразу до сознания шофера дошло, что его давно уже жгут целые полчища комаров и мошки.

Отмахиваясь от насекомых, Иван спустился к Ботубуи. Вдали над дорожным поселком мирно подымались дымки. Совсем по-деревенски кукарекнул петух, сбитый с толку нескончаемым северным днем. Здесь, на реке, жизнь тоже шла своим чередом. Плеснулась в прибрежных зарослях ивняка какая-то большая рыба, наверное, таймень. Вынеслась из-за излучины лодочка с сетью на корме. Ловко работая веслом, рыболов нырнул под мост. Дунул ветер и донес смешанный запах влажного песка, мха и гниющей древесины.

Сидя на корточках, Иван осматривал подкосы моста. Эх, танкист, танкист, где твоя прежняя прыть? Вспомни, как с ходу форсировал на «тридцатьчетверке» такие рубежи, где по мосту, где чуть не по голым сваям, а где и просто вброд! Конечно, время не то и машины не те...

Всплыла в памяти прочитанная где-то фраза: «Победителей не судят». А если рухнет мост? Лихо будет тебе, Иван!

А мало ли бед было уже на его голову? В Отечественную попал на эсминец. И в первом же бою фашистские летчики потопили корабль. Из всего экипажа спаслись на поясах только трое. Ледяная купель не прошла даром. Месяц замертво вылежал в госпитале. Потом в пехотной разведке схватил пулю. Снова медсанбат. Из него — в танковую школу. На третьей по счету «тридцатьчетверке» кавалером семи орденов и медалей окончил войну в Берлине. Конец? Нет еще. Эшелон унес на Дальневосточный фронт. Монголия, Большой и Малый Хинган, Порт-Артур. Как в песне: «И на Тихом океане свой закончили поход...»

Что и говорить, другому бы на три жизни хватило опасностей и тревог, а ему нет еще и сорока лет.

Сколько раз на волоске был, а уцелел. Выходит, счастливая у него звезда...

— Нет, тут одной звезды мало, тут и смекалка нужна, — вслух произнес Иван, продолжая разглядывать подкосы моста. — А еще б лучше — понтон да взвод военных саперов.

Саперов? Нет, саперов в Мирном не найти. Людям военной профессии в городе с таким именем делать нечего. А вот плотники там есть!

Обратно к машинам Медведев не шел, а бежал.

— Не уехал начальник дороги? Газик его видать в поселке?

Цагараев встал на крышу кабины, сложил ладони козырьком, всмотрелся.

— Вроде бы там. А что у тебя загорелось?

Уже издали донеслось:

— Плотников буду проси-ить!

Разговор с начальником дороги закончился не так, как рассчитывал Иван, но все же вдохнул в него слабую надежду.

— Наших плотников снять с текущего ремонта искусственных сооружений я не могу. При всем желании. А вот стройматериалы и распоряжение здешнему дорожному мастеру дам. Сумеете добыть плотников в тресте, он укажет, как усилить прогоны и подкосы моста. А тогда — с богом, в Мирный.

Поставив ногу на подножку вездехода, инженер положил планшетку на колено, ломая карандаш, набросал записку.

7.

К утру Иван добрался на попутной машине в Мирный. С кем он там вел разговор, какими словами убеждал руководителей автобазы и треста, какие привел резоны, этого шоферы никогда не узнали. Но к исходу дня Медведев вернулся на грузовичке вместе с бригадой плотников. В кузове погромыхивали скобы, анкерные болты и прочий крепеж, необходимый для соединения бревен.

Плотники вместе со своим инструментом сгрузились у моста и через пять минут развели костер, начали печь картошку.

— Добился? — любовно прогудел Жора, хлопая бригадира по спине с такой силой, словно перед ним стояла лошадь. — Настоящий нарт. Чтоб меня гром поразил, добился-таки!

— Точно. Сейчас мастера сюда притащу, — возбужденный, веселый, ответил Иван. Комбинезон на нем распахнулся, кепка сдвинулась на затылок; по лицу бродила счастливая улыбка. — Враг будет разбит, победа будет за нами!

Искать мастера по поселку не пришлось. Дорожник стоял на крылечке своего дома и драил суконкой до зеркального блеска хромовые сапоги.

Читая записку начальника дороги, мастер далеко отставил бумажку, дальнозорко сощурил выцветшие глаза.

— Ясно. Сделаем. Какой может быть разговор? — Мастер молодецки подбил тощенькие усы. — Плотников привез? Порядок на производстве. Крепеж? Отлично. Завтра с утра и начнем.

— А сегодня нельзя?

— Вечер уже, дорогой. Какого кляпа дотемна нарабotaем?

— Тогда хоть укажите, какой лес брать. Будем пока бревна ошкуривать.

— Это всегда пожалуйста. Вон штабель. Из него и берите.

— А завтра во сколько придете?

— В восемь. Как штык.

— Не подведете? Завтра ведь воскресенье...

— Сказано тебе — в восемь! Эка, Фома неверный.

Чтоб не томиться без дела, шоферы вместе с плотниками тоже взялись за топоры. Особенно усердствовал Жора Цагараев. Острое лезвие его топора легко скользило вдоль бревна, отделяя от него целые пласты коры. Десять минут — и бревно очищено, белеет влажной древесиной. Подавай следующее!

Перекур устроили на груде готовых, приятно пахнущих смолкой бревен. Вечер выдался тихий, без дождя и ветра. Дым от костра, разожженного плотниками, поднимался прямо вверх, в кустах на берегу Ботуобуи негромко кричала сорока, и все вокруг дышало таким покоем, что Иван почувствовал, как его отпускает сосущая тревога, постоянное нервное напряжение. Через двое суток уже не придется ночевать в машине, на жест-

ком сиденье, под заунывное гуденье комаров за стеклами кабины, натянув на голову телогрейку. Эх, и отоспится же он дома, в мягкой теплой постели, под боком у Татьяны! За весь рейс!

Утром Медведев поднялся раньше всех, едва солнце встало над зубчатой кромкой тайги. Распорядился перетащить ошкуренные бревна поближе к береговым опорам моста, убрать груды корья и щепы, последний раз заправить баки соляркой.

Больше делать было нечего. Оставалось ждать дорожного мастера. Нетерпеливо постукивая толстым ногтем по выпуклому стеклу «Кометы», Иван с досадой следил за стрелками часов. Как приклеились! Временами бригадир поднимал голову, с надеждой всматривался в дорогу, идущую из поселка. Нет, пусто...

Когда часовая стрелка поравнялась наконец с цифрой «8», Иван уже не сидел на бревнах, а ходил вперед и назад по трассе. «Баба, а не дормастер! Все утро собирается...»

Восемь пятнадцать...

Половина девятого...

Больше терпеть Медведев не смог.

— Жора, идем в поселок! Хоть на аркане, а притащим мастера.

В четыре здоровых кулака шоферы так забарабанили в деревянные ставни, что дворовый кобель предпочел спрятаться в конуру. С кудахтаньем разлетелись куры. Мертвый, и тот не улежал бы в постели под такой грохот!

Но в доме по-прежнему не слышно было никакого движения. Наконец над забором высунула голову в пестром платке испуганная соседка.

— Ой, лишенько! Это вы до Василь Васильича? Так он же у кума, именины справляет.

— Каков, сукин сын? — бешено хватил кулаком по стене Иван. — Сбежал! Ну, только не на таковских напал. От нас никуда не скроется.

Цагараев ответил согласным ворчаньем.

...Мастер сидел за праздничным столом, уставленным бутылками «Столичной» и тарелками со студнем, квашеной капустой и винегретом, уже потный и красный. Увидев на пороге шоферов, призывно замахал волосатой рукой:

— Сюда, хлопцы! Пропустите с нами по рюмашечке. Но шоферы пренебрегли приглашением. Бледный от кипящего в нем возмущения, Иван в три шага очутился возле мастера. По другую сторону сейчас же встал Жора.

— Вы приказ получили? Выполняйте! — ненавидяще сказал Иван.

— Это насчет моста? Тю-лю-лю-ю, дорогой, работа не волк...

Окончить мастеру не удалось. Одним рывком Иван выдернул его из-за стола, впился глазами в мутные бегающие зрачки.

— Ты... Своими ногами пойдешь или на руках вынести?

Кровь отхлынула от мясистых щек мастера, рыхлое лицо посерело.

На секунду стало тихо. Потом какая-то женщина истошно заверещала. Гости пьяно, вразнобой заорали на дерзкого шофера:

— А ну, не трожь! Чего в чужом доме охальничаешь?

— За такое дело враз пятнадцать суток схлопочешь! Иван даже не обернулся на крики.

— Жора, бери его!

Миг — и, схваченный сильными руками шоферов, дорожный мастер заболтал ногами в воздухе, силясь освободиться из клещей. Где там! Гости не успели опомниться, как Василий Васильевич уже очутился за дверью. Еще минута — и со двора донесся его испуганный голос:

— Ладно, ладно, ребятки, я сам пойду!..

Все же Иван не успокоился, пока не окунул мастера в ледяную воду Ботуобуи головой. Лишь удостоверясь, что остатки хмеля вылетели из нее и Василий Васильевич способен давать плотникам указания, шофер выпустил его из своих рук.

Но далеко не ушел. Сел тут же, рядом, на перевернутой тачке.

К вечеру приехал начальник дороги, осмотрел усиленные подкосы. Свежие белые бревна расходились пучками под настилом, надежно упирались в продольные прогоны моста.

— Молодцы, товарищи!

— Стараемся, товарищ начальник, — скромно ото-

звался Василий Васильевич, — выполняем ваше указание.

— Ха-ха-ха! — так и раскатились шоферы.

Через тридцать часов последняя укосина встала на место. Плотники собрали инструмент, залезли в кузов грузовичка, который доставил их из Мирного.

Иван нажал на стартер дизеля. Нога привычно нащупала педаль сцепления, рука сама дослала рычаг коробки скоростей.

На самом малом газу, словно крадучись, головной МАЗ вступил на настил моста. Шины осторожно покатились по плахам. Дрогнули, мелко затряслись перила. Плавно, как детская люлька, заколыхался весь мост. На секунду Иван сбросил газ, чтобы сбить вибрацию, потом снова прибавил газку, легонько, почти нежно нажимая на педаль, неподвижным взглядом притягивая к себе берег.

Десять метров... двадцать... еще чуть-чуть...

Все так же крадучись, как огромная кошка, МАЗ выбрался на берег, могуче, во все свои триста лошадиных сил, заревел дизелем.

Иван встал на педалях, в восторге содрал кепку с головы. Победа! Пало последнее препятствие. Путь в Мирный открыт.

Истекали четырнадцатые сутки «северной одиссеи».

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

1.

Маленькая полянка в долине Адыл-су очаровала всех. Здесь, у самого подножья Донгуз-Оруна, альпинисты и разбили свой лагерь. Вершина горного великана четко вырисовывалась в вечернем небе. Все говорило о том, что подъем будет трудным. Зеленоватые крестообразные висячие ледники обрывались на страшной высоте. Еще выше лежали фирновые поля. Восточ-

ный хребет, похожий на зазубренное лезвие ножа, окрашенный лучами заходящего солнца в теплый розовый цвет, подходил к вершине вплотную, но снежные надувы делали его очень опасным. О том, чтоб подняться в лоб, не могло быть и речи: ледяная шапка вершины козырьком нависала над почти отвесным склоном горы.

Евгений Карцев сложил руки на груди, продекламировал, обращаясь к Донгуз-Оруну:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой...

Черноволосый, коренастый юноша с комсомольским значком на свитере, вышитом оленями, перестал ощупывать шипы на подошве ботинка, отложил его в сторону.

— Высокочитимый поэт, посмотри кашу — не пора ли снимать?

Евгений продолжал, не оборачиваясь:

Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...

— Женька, ей-богу, вытяну палкой по спине! — пообещал юноша с оленями. Легкий акцент выдавал его принадлежность к бурятам.

На голос юноши из двускатной палатки выглянула тоненькая девушка в коричневом лыжном костюме.

— Ладно, Очир, я сама присмотрю за кашей.

— Напрасно, Лида. Сегодня его очередь.

Но Лида Лазарева уже подкладывала сухие сучья в костер. Охваченные огнем, они затрещали, языки пламени заплясали вокруг закопченного котелка и медного чайника, подвешенных над костром на проволоке. В котелке вздулись и беззвучно лопнули крупные пузыри.

Вечерние сумерки, как всегда в горах, сгущались быстро. Ледяная шапка Донгуз-Оруна еще грелась в последних лучах закатного солнца, а в долине уже стемнело. От Адыл-су, которая глухо бормотала неподалеку и трудолюбиво ворочала валуны, потянуло сырým холодом.

Лида зябко передернула плечами, привстала с камня.

— Мальчики! Галя! Ужинать!

Маленькая группа собралась у костра. Девушки прилегли на спальные мешки, ребята уселись на обрубке букового ствола.

Все четверо работали на одном заводе в Курске, давно дружили и уже не первый год проводили отпуск на Кавказе. В этом сезоне, в составе большой группы альпинистов, четверка курян поднялась на восточную вершину Эльбруса, с неделю потренировалась на скальных стенках и теперь мечтала о штурме Донгуз-Оруна.

Колеблющийся красноватый свет костра выхватывал из сумрака фигуры молодых альпинистов, бросал трепетные блики на траву, ближние кусты шиповника.

Узколицый, большелобый Евгений ни минуты не оставался неподвижным, сыпал остротами и шутками. Очир ел молча, сосредоточенно, будто выполняя важную работу. Его косо прорезанные глаза не улыбались даже тогда, когда девушки валились друг на дружку от смеха. Лида, маленькая блондинка с чуть вздернутым коротким носом и смешливыми ямочками на щеках, хохотала откровенно, звонко. Галя Медведева смеялась сдержанней, встряхивая толстыми черными косами, сплетенными сзади в тяжелое полукольцо. Одного роста с Лидой, она была гораздо шире в плечах. Во всем ее облике угадывалась большая, совсем не женская сила.

После гречневой каши и чая полакомились малиной, собранной вокруг бивуака. Мелкие, но вкусные ягоды приятно освежали рот, сочная мякоть таяла на языке.

За десертом Евгений замолчал, но начал выразительно закатывать глаза, изображая крайнюю степень наслаждения. Очир доел последнюю горсточку малины и бережно разостлал на коленях потрепанный, подклеенный на сгибах марлей лист пятиверстной карты Центрального Кавказа.

— Значит, так, друзья, — твердо сказал Очир, отгоняя надоедливую комара, — завтра штурмуем Донгуз-Орун. С собой берем пятидневный запас концентратов и сухой спирт. Пойдем вот сюда, по восточному хребту. — Короткий палец Очира, с выпуклым ногтем, пополз по коричневой полоске, уперся в белое пятно и остановился. — Если по хребту пути к вершине нет, спустимся и повторим попытку с запада, со стороны перевала в Абхазию. Все снаряжение, особенно обувь, проверить немедленно, не откладывая. Дисциплина в пути — во! — Очир поднял сжатый кулак и со значением по-

смотрел на товарищей. — Особенно это касается тебя, Евгений.

— Ну вот, — по-детски оттопырил губы Карцев. — Год забыть не можешь! Ничего ж не случилось, не сорвался, так зачем попрекать?

— Я не попрекаю, а напоминаю, — спокойно пояснил Очир. — Задание на вечер: Лиде — убрать посуду, Гале — осмотреть и починить рюкзаки, Евгению — нарубить на утро сухих дров. Я займусь ледорубами. Вопросы есть?

— Есть, — встрепенулся Карцев. — Кто понесет банку с запиской о восхождении на Донгуз-Орун?

— Не имеет значения, — отрезал Очир. — Поднимается вся группа. А хочешь, клади банку в свой рюкзак.

Лида нырнула в палатку и, пританцовывая, приблизилась к Евгению, держа на вытянутых руках легкий топорик:

— Поэтом можешь ты не быть, но дровосеком быть обязан. Прими сей дар, Евгений! — пропела девушка.

Спать легли рано. На завтра предстояло выйти еще затемно.

Ночью из-за ближнего горного хребта вышла луна. Внизу, в долине, тени залегли еще гуще, зато склоны окрестных гор осветились так ярко, что стали видны каждый ледник, скальный зубец, осыпь.

Девушки давно спали, тоненько похрапывал и Евгений, только Очир лежал с широко раскрытыми глазами. Впервые ему предстояло вести группу на штурм такой сложной вершины. Это совсем не то, что шагать по склону Эльбруса. Удастся ли подняться? Все ли обойдется благополучно?.. За Галю можно не бояться: смела, вынослива, послушна. Лида слабенькая, быстро выдыхается, но упорна. А вот от Женьки всего можно ожидать. Неистребима в нем какая-то ненужная, опасная лихость!..

2.

Перед рассветом в кустах завозила, сонно чиликнула птица, разбудила чутко дремавшего Бадзара.

— Подъем, сурки! — скомандовал он.

В чистом небе мерцали звезды. Темными громадами вырисовывались вершины гор. Тишина стояла вокруг.

Только Адыл-су бормотала все так же неумолчно и то-ропливо, будто жалуясь на обступившие ее горы.

Развели огонь, позавтракали быстро, но плотно. Вскинули на плечи тяжелые рюкзаки. Поверх них прикрепили скатанные валиком спальные мешки, а Очир навьючил на себя еще и палатку, совсем спрятавшись под рюкзаком, похожий на муравья с непомерной ношей.

Кажется, все. Можно выступать.

— Стоп! — спохватился Очир. Набросал на листке бумаги несколько строк, прикрепил записку к ветке бука. — Так вернее. Будут знать, где мы находимся.

— «Группа курян из четырех человек, — прочла вслух Лида, — вышла отсюда утром третьего августа на вершину Донгуз-Оруна. Двигаться будем по восточному хребту. Предполагаем спуститься сюда же завтра вечером».

— Трисишь, командор? — иронически спросил Евгений. — Вперед, армада смелых! — воскликнул он, потрясая ледорубом. — Без страха и сомнений! Докажем всем, что мы настоящие ходоки по скалам, а не ревматики из Цхалтубо!

Через поток альпинисты перебрались, балансируя на скользком бревешке, перекинутом над белокипящей стремниной, помогая себе ледорубами. Бревешко прогибалось, ледяная вода захлестывала ботинки. На дне скрежетали валуны. Казалось, река скрежещет зубами, сердится на людей.

Вскоре же начался крутой подъем. Обнаженные корни деревьев вспарывали черную извилистую тропу, которая взбиралась вверх, к альпийским лугам. Местами из нее вылезали острые камни. С каждой минутой становилось светлее.

— Через три дня «Комсомолка» выйдет со вкладышем, экстренным выпуском, — громогласно рассуждал Евгений. Он шел замыкающим, позади Гали, в залатанных штормовых брюках, прожженных у костров, в такой же выцветшей рубашке. Невзрачная одежда была предметом особой гордости Карцева. Пусть все видят, что он не какой-нибудь зеленый новичок в разутюженном костюмчике, а бывалый горный волк. — Группа курян блестящим броском форсировала подъем и штурмом взяла вершину Донгуз-Оруна!

— Заткнись! — коротко посоветовал Очир. — Во рту хвастуна всегда ветер. Помолчи. Береги дыхание.

Совет пришелся кстати. Подъем становился все круче. Ноги скользиди на влажной дернине. В полном молчании, тяжело ступая, альпинисты упорно взбирались вверх. Слышался только стук ледорубов о камни да шумное дыхание людей.

Бадзар шел во главе группы так, как всегда ходят в горах: не торопясь, осмотрительно делая каждый шаг, но безостановочно.

— Ой, не могу, сейчас упаду! — взмолилась Лида.

— Потерпи еще пять минут, Лидок, — не оборачиваясь, отозвался Очир.

Но прошло добрых полчаса, прежде чем альпинисты выбрались наконец на широкую террасу, сплошь заросшую травой, ажурными колокольчиками аквилегий и алыми маками.

— Привал!

Лида любит цветы. Но сейчас она даже не смотрит на них, со стоном валится навзничь на землю, не в силах хотя бы освободиться от рюкзака. Галя помогает подружке стащить с плеч ремни, со вздохом приставляется рядом с ней. Евгений усаживается на выступ скалы. На ногах остается только Бадзар. Он снял рюкзак, но не садится.

— Вот теперь читай стихи, — с улыбкой говорит он Карцеву. — Оформление подходящее.

Панорама и в самом деле потрясающая.

Далеко-далеко внизу, в зеленых зарослях бука, белым пунктиром обозначается поток, от которого началось их восхождение. На северо-западе в небо вонзаются округлые вершины Эльбруса. Ослепительно блестят под утренним солнцем его бескрайние фирновые поля.

К юго-востоку, насколько хватает глаз, в голубоватую дымку уходит цепь вершин и пиков Главного Кавказского хребта. Где-то в конце ее — скрытый дымкой Казбек. А рядом — крестообразные, цвета бутылочного стекла, ледники Донгуз-Оруна. Они увеличились в размерах, кажутся совсем близкими. Рукой подать! Действует обычный для чистейшего горного воздуха оптический обман.

Бадзар сверяется с картой, пытливым взглядом из-

меряет скалистый хребет, уходящий к вершине Донгуз-Оруна.

— Пересечем вот эти осыпи, — показывает рукой Очир, — и дальше двинемся по гребню. Но сначала надо переложить рюкзаки. Ну-ка, Лида, давай сюда свой!

Очир вынимает из рюкзака Лиды добрую половину продуктов и вещей и втискивает их в рюкзак Карцева. Подражая ишакам, терпеливо таскающим грузы по кавказским тропам, Евгений издаёт громкий рев, очень похожий на ослиный.

— Перестань! — хохочет Лида, затыкая уши.

— Не могу. Я ведь теперь Ишак Иванович, — отвечает Карцев, указывая на свой разбухший до предела рюкзак.

Но Бадзар пропускает мимо ушей прозрачный намек. Он навьючивает на свой двухпудовый рюкзак спальный мешок Лиды. И Евгений умолкает. Ничего не скажешь — Очир, как всегда, справедлив.

С добродушной усмешкой Бадзар подбрасывает легонький, наполовину опустевший рюкзак Лиды:

— Пушинка!

Короткий привал окончен. Пора трогаться дальше. Не хочется, но надо.

Тропа вскоре же исчезает. Дальше идут каменные осыпи, за ними — вечные снега. Балкарцам и их стадам там делать нечего.

Словно насмехаясь над людьми, которые с таким трудом карабкаются вверх, над их головами широко и плавно кружит орел. Распластав неподвижные крылья, хищник чутко улавливает ими восходящие потоки воздуха, уверенно парит, не теряя высоты. Лида завистливо взглядывает на орла, защищаясь рукой от солнца, и в тот же миг замечает на склоне Донгуз-Оруна белую вспышку.

— Ой, мальчики, что это? Смотрите, смотрите!

— Куда смотреть?

Альпинисты видят: кусок ледяного панциря горы скользит вниз, с каждой секундой ускоряя падение, вздымая облако взвихренного снега. Минутой позже приходит раскатистый грозный гул.

— Лавина... — зачарованно шепчет Лида.

— Она самая, — подтверждает Очир. — Теперь ла-

вины пойдут: солнце начало пригревать. Не хотел бы я очутиться сейчас на том склоне...

— Почему? — откликается Карцев. Верный себе, он не может удержаться от шутки. — Чем плохо оседлать какую-нибудь поровистую лавинку и съехать на ней вниз со скоростью этак километров двести в час?

— Тогда бери себе в попутчики барона Мюнхгаузена, — улыбается Галя, — тут мы тебе не товарищи.

Двигаться по осыпи еще тяжелей. Ноги вязнут в мелком щебне чуть не по колено, съезжают вниз. Соленый пот заливает глаза. Жарко! У Лиды трепыхается сердце, шумит в ушах. Галя и Евгений замедляют шаг. Только Очир идет как автомат, согнувшись вдвое под тяжестью рюкзака, но по-прежнему неутомимый. Железный монгол!

3.

К полудню альпинисты пересекли осыпи и взобрались на скалистый хребет. Стоя тесной кучкой, все жадно смотрели вперед, куда уходил зубчатый гребень. За ним в темно-синем небе, манящая и близкая, сияла вершина Донгуз-Оруна. Отсюда уже без бинокля отчетливо просматривался во всех деталях гигантский ледяной козырек, свисавший с нее.

— Нда-а-а... — процедил сквозь зубы Карцев, — близко к краю на вершине не подойдешь.

— Сначала надо еще добраться до нее, — усмехнулась Галя. Расставив ноги в грубых ботинках, навалившись грудью на ледоруб, она стояла прочно, наслаждаясь отдыхом, чувствуя, как приятно расслабляются мускулы икр.

Еще часа два альпинисты двигались по гребню, обходя острые выступы, перебираясь через неглубокие расщелины. Солнце припекло так, что, несмотря на близость вечных снегов, всех разморило. Лида все чаще спотыкалась даже со своим полупустым рюкзаком. Галя с тревогой посматривала на подружку.

— Крепись, Лидуська, до снега уже близко!

— У нас народ говорит: «Усталому коню и уздечка в тягость», — не оборачиваясь, смешливо вставил Очир. Он по-прежнему шел впереди, никому не уступая своего места. Толстая шея покраснела, ковбойка на спине по-

темнела от пота, но ничто в движениях не выдавало усталости. Нет, не зря Очир был руководителем группы!

— У тебя прямо бычье сердце! — завистливо сказал Карцев. Его уже шатало под тяжестью объемистого рюкзака. Заныла поясница. Мускулы молили о передышке.

Все же Бадзар выдержал характер. На второй привал группа остановилась, только добравшись до снеговой линии. Станным показалось всем в разгар южного лета, под знойным солнцем, ступать по языкам рассыпчатого рыхлого снега. Здесь он таял, насыщенный водой, но немного выше уже лежал прочным сплошным покровом.

Первым стащил через голову ковбойку Очир, с наслаждением подставлял горячим лучам мускулистую желтую спину. Его примеру последовал и Карцев. Девушки удовольствовались тем, что расстегнули воротники рубашек, засучили рукава.

— Обед! — провозгласил Бадзар.

Вода на этой высоте закипела быстро. Подкрепившись мясными консервами, альпинисты напились чаю, но не торопились продолжать подъем. После еды и отдыха все немного отяжелели. Неодолимо тянуло прилечь, вытянув усталые ноги.

Передышка не затянулась.

— Встать! — безжалостно скомандовал Бадзар.

Опять впереди замаячила его широкая спина с кожаными лямками на крутых, борцовских плечах.

С полкилометра подъем шел отлого, по неглубокому снегу, затем на пути встал крутой взлобок. Снег вокруг ослепительно блестел, резал глаза.

— Надеть кошки и очки, — распорядился Бадзар.

В желтых очках-консервах альпинисты стали похожими на марсиан, какими их иногда рисуют в фантастических романах. Все вокруг сразу потемнело, как будто надвинулась гроза. Снег из белого превратился в дымчато-желтый.

Кончился взлобок, и подъем стал отложе. Но не долго. Путь преградила высокая снежная стена. Местами обледеневшая, она уходила вверх, почти отвесно, на добрых 20 метров. Все примолкли. На лица легла озабоченность. Один только Карцев не унимался.

— Это что за препятствие! Вот я читал: знаменитый альпинист Коккин совершил первовосхождение на Уж-

бу; так там на четыреста метров — вертикальный гранитный столб! Монолит. Трещинки не найдешь костыль забить. Представляете?

— Представляем, — ответил за всех Очир. — Но мы пока не знаменитые альпинисты, а ползунки. Нам и этой стенки вполне хватит, чтоб шеи свернуть. А потому — осторожность, товарищи!

Умело работая ледорубом, Бадзар высек широкую ступеньку, вторую, укрепился на них и принялся вырубать следующие. Осколки льда брызгали во все стороны. Прочно вгоня зубья кошек в лед, девушки шаг за шагом поднимались вслед за Очиром. Подножье стены уходило вниз, движения альпинистов становились все осторожнее.

Стена кончилась. Карцев последним выполз на площадку, втащил на веревке рюкзаки.

Но радоваться было рано. Впереди открылся обдуваемый ветрами, истонченный до остроты лезвия ножа, снежный гребень.

— Худое дело, — огорченно сказал Бадзар, с сердцем втыкая ледоруб в снег. На загорелом скуластом лице изобразилась досада. Нос, оседланный очками, сморщился. — Придется поворачивать оглобли. Дальше ходу нет.

— Как это нет? — закипятился Карцев. — Что ты несешь? Пройдем! Свяжемся веревкой и пройдем.

— Нельзя, Женя. Это надув, — терпеливо пояснил Очир. — Где под ним скала? Слишком опасно.

Карцев спорил еще долго, брызгая слюной, ожесточенно размахивая руками, но Лида и Галя поддержали Бадзара.

Обратно шли быстро, но молча, угнетенные неудачей. Карцев по-прежнему замыкал группу и часто оборачивался. Вершина Донгуз-Оруна виднелась так близко, что хотелось потрогать ее. Каждый камень на ней вырисовывался отчетливо, словно выгравированный на белом фоне. С ума сойти! Отступить, когда до вершины осталось всего ничего!

Пока спустились к месту обеденного привала, облака сплошь заволокли двугорбый Эльбрус, потянуло холодом. Внизу, в долине Адыл-су, уже смеркло.

— Переночуем здесь, а, друзья? — предложил Бадзар, отстегивая лямки рюкзака. — Только неразумный

ломает ноги в темноте. Завтра с утра спустимся, отдохнем и двинемся к перевалу. Возьмем вершину с запада. Не вешай нос, Женька! Галя, ставь палатку.

Час спустя возня в палатке затихла. Из спальных мешков доносилось только ровное дыхание усталых альпинистов. Но Карцев не спал. Обида, злость грызли его. Отступить так близко от цели! Позор! Очир славный парень, опытный альпинист, но чересчур осторожен. Так нельзя. Горы покоряются смелым.

Взошла полная луна, все залила своим неживым, мертвенным светом. Евгений вылез из мешка. Огромная стеклянная вершина Донгуз-Оруна приблизилась, отпечаталась в черном небе так явственно, что у юноши замерло сердце. Он не мог оторвать глаз от горы. Какая-то колдовская тишина стояла вокруг. Ни шороха, ни пенья птиц, ни журчанья воды, ни дуновения ветра. Все умерло. Только гора — и он... Евгению стало страшно, плечи передернуло. Отвел взгляд от горы, но через минуту опять воззрился на нее. «Иди!» — словно шепнул кто-то внутри. Дрожащими руками Карцев вытащил из палатки, скатал спальный мешок, надел рюкзак, ступил вперед... Потом опомнился. Быстро написал записку, придавил на видном месте камнем. Пошел, ступая на носки, чтобы не разбудить товарищей. Отойдя подальше, почти побежал, не сводя глаз с манящей вершины.

Огромный желтый диск луны, с неясными пятнами на нем, легко касался ребром горного хребта; он словно бы скатывался по нему, по мере того как поднимался Евгений. Внизу и вокруг горы спали. Бодрствовал один лишь Донгуз-Орун, внимательно следя за человеком.

Вот и стена. По готовым ступенькам Карцев взобрался наверх в несколько минут. Сам удивился ловкости своего тела, усмехнулся: «Словно лунатик!»

4.

Первой проснулась Лида. Сладко потянулась, зевнула, выбралась из палатки наружу. Солнце уже осветило скальную площадку, на которой приютились альпинисты. Утро занялось свежее, безоблачное. Только на западе тонкой грядой тянулись белые, как барашки, кучевые облака. Лида на цыпочках подкралась к палатке («Еще дрыхнут!»), дернула спальный мешок Бадзара.

— Р-р-р... Гав! — слышалось из мешка. — Мой мало-мало кушай нахалов!

Очир высунул взлохмаченную голову, оскалил белые зубы. Лида отскочила в притворном страхе и споткнулась о камень, под которым лежала записка Карцева.

— Очир, смотри, что это? — глаза девушки скользнули по торопливым строчкам. — Боже мой! Женька ушел на вершину!

Бадзар вылетел из мешка, как ужаленный, схватил записку. «Горы покоряются только смелым. Я не трус, не отступаю перед трудностями и опасностями. Вышел на вершину Донгуз-Оруна. Оставляю там банку с запиской о восхождении всей группы. Спускаюсь к западу на перевал. Встретимся на перевале. Евгений».

— Какой смельчак, а? — восторженно воскликнула Лида. — Один, ночью...

— Глупец! — сжал кулаки Бадзар. — Разве это мужчина? Мальчишка! Норовистую лошадь ургой ловят. А его чем теперь ловить?

Галя не сказала ничего. Блестящими, словно омытые дождем вишенки, глазами, она вглядывалась в грань хребта, который вел к вершине, надеясь различить на нем живую пылинку. Но хребет был пуст.

— Нельзя оставлять товарища в беде, — сказал Очир. Он успел немного успокоиться, овладел собой.

— Что ты предлагаешь? — спросила Галя.

— Лиде придется пойти вниз, — медленно сказал Очир, внимательно глядя в лицо девушке. — Тебе такого перехода не выдержать. А мы с тобой, Галя, пойдем по следам Женьки на вершину и дальше, к западу, если понадобится. Согласна?

Галя молча кивнула головой. Она не любила тратить слова попусту. Надо — значит, надо. И не о чем больше толковать.

— Очир, но ты же сам вчера сказал, через надув ходу нет, — недоумевающе сказала Лида, — а теперь хочешь идти туда, да еще вдвоем с Галей?

— Если товарищ в беде — невозможного нет! — твердо ответил Бадзар.

Позавтракали в мрачном молчании. У всех троих не выходили из головы тревожные мысли. Как там Женька? Не сорвался ли куда-нибудь? Вот взбалмошная башка!

Надевая Лиде на худенькие плечи совсем опустевший рюкзак, Бадзар ласково погладил ее по щеке:

— Будь осторожна, Лидочка! Дорога у тебя легкая, но ты одна. Помощи ждать неоткуда. Вывихнешь ногу и то вниз не доберешься. Ну, счастливо тебе!

Галя поцеловала подругу, и через несколько минут стройная фигурка Лиды исчезла среди скал.

— Теперь пошли и мы, — вздохнул Очир, оборотясь к вершине Донгуз-Оруна, меряя ее взглядом. Между бровей юноши возникла и залегла тугая складка.

У снежного гребня, перед которым они отступили накануне, Очир и Галя остановились. Справа, чуть пониже лезвия гребня, явственно виднелись следы человека. Очир неодобрительно покачал головой. «Сумасшедший!» Потом обвязался веревкой, опоясал ею Галю. Галя сделала всего несколько шагов, подняла голову и внезапно замерла на месте. Страх перехватил ей дыхание. Что это?

Толстый пласт снега под ногами Очира беззвучно отделяется от гребня, ползет вниз. Темный зигзаг стремительно бежит к девушке. Кричать, спастись, спасти Очира! Решают секунды! Но спазма сдавила горло, страх оледенил мускулы и волю. Очир сам замечает гибельное скольжение. Предостерегающий крик, прыжок вбок, по другую сторону хребта — все происходит одновременно. Миг — и два человека, связанные крепкой веревкой, висят в воздухе, разделенные снежным гребнем...

Первым пришел в себя Бадзар. Помогая себе ледорубом, он выбрался наверх, вытащил Галю. Еще бледная от пережитого испуга, девушка пыталась шутить, но губы плохо повиновались ей. Как близко пролетело, опавнув холодом, крыло смерти!

Миновав опасный гребень, альпинисты пошли быстро. След Карцева непрерывной цепочкой убегал вверх. Казалось, все идет хорошо. Но Очир все чаще обеспокоенно вглядывался в небо. С юга, со стороны Сванетии, неслись пухлые облака. Перевалив через Главный хребет, они обрадованно расплывались вширь, застилая солнце.

— Не нравятся мне эти облака, — озабоченно проворчал Бадзар.

Галя промолчала, но в сердце у нее шевельнулось

опасение. Она тоже чувствовала, что надвигается непогода. Буря в горах! Что может быть страшнее?

Скоро солнце исчезло. Пронесся первый порыв зетра. Второй... С шорохом понеслась поземка. Очир почти бегом бросился вперед, увлекая за собой Галя. Только бы успеть!

Альпинистам повезло. В быстро поднимающемся снежном вихре, уже едва различимый, впереди показался огромный выступ скалы. Лихорадочно работая ледорубами, Очир и Галя выбили в плотном снегу углубление, развязали спальные мешки и нырнули в них.

И вовремя! Все скрылось в плотной массе несущегося снега. Видимость исчезла. Пронзительно завыл ветер. Рыская по склонам горного великана, буря искала себе поживы.

...Прошел час, другой, а буря не утихала. Где-то внизу, справа и слева, грохотали снежные лавины. Но альпинистам, нашедшим приют на самом гребне хребта, лавины были не страшны. Мучило другое. Где Карцев? Что с ним? Успел ли укрыться от бури?

Постепенно Галя почувствовала, что ее начинает знобить. Девушка подкатилась вплотную к Бадзару:

— Очир, я мерзну...

Юноша выбрался из своего мешка, расстелил его на дне снежной ямы и забрался в меховой мешок Гали. Стало тепло. Обнявшись, согревая друг друга своими телами, они лежали, терпеливо ожидая конца бури. Галя задремала, положив голову на плечо Бадзару. Он слышал дыхание девушки, ощущал прикосновение ее мягких волос к своей щеке, и нежность к Галочке, мужественной, терпеливой, безропотно переносящей с ним все опасности этого перехода, целиком заполнила сердце Очира.

5.

Пережидал бурю и Евгений Карцев, застигнутый ею уже на спуске к перевалу. Поджав ноги в спальном мешке, уткнув лицо в теплый мех, юноша лежал среди двух зубцов скалы и почти не слышал грозных завываний бури. Мысли его были все еще там, на вершине Донгуз-Оруна...

Карцев благополучно прошел по острию снежного

гребня. Судьба хранила его. Так же удачно подобрался он к самой вершине.

Чувство ни с чем не сравнимого восторга и гордости охватило Карцева, когда он сделал последний шаг и убедился, что достиг высшей точки. Везде вокруг снежная шапка понижалась. Сжимая руками грудь, юноша повел вокруг лихорадочным взглядом. Вон в дымке сияют долины Сванетии. Грозным гранитным клыком ощерилась страшная Ужба. А вон и Донгуз-Орунский перевал, куда ему предстоит спуститься. Какой он маленький — крохотное седло на стыке двух горных ущелий! Евгений поднял голову. Над ним распростерлось глубокое, цвета индиго, почти фиолетовое небо. Там, на земле, он никогда не видел его таким. Очищенное от пыли и водяных паров, оно совсем изменилось. Не таким ли видят небо космонавты? И нигде ни малейшего звука. Ничто не доносится снизу, с земли. Белое безмолвие...

Карцев затоптался на месте, в приливе счастья не то запел, не то закричал:

Кавказ подо мною. Один в вышине.
Стою над снегами у края стремнины...

Но надо было спешить.

Евгений спустился немного пониже, отыскал обнажение скал и при помощи ледоруба отломил несколько камней.

Скоро на самой вершине Донгуз-Оруна высился небольшой тур. Внутри него лежала запаянная банка с запиской о восхождении группы курян. «Так-то, Очир! — самолюбиво подумал Евгений, поднимаясь с колен. — Пока ты там прицеливаешься да осторожничаешь, я уже тут с запиской всей группы».

В самом лучшем настроении, весело напевая, Карцев начал спускаться. Но буря прервала спуск. Пришлось забраться в укрытие.

Теперь, лежа в спальном мешке, Евгений заново переживал подробности своего восхождения.

...Буря прекратилась ранним утром так же внезапно, как и разразилась. Последние клочья разодранных туч мелькнули и исчезли за Главным хребтом. Ветер утих. Отбросив снег, которым успело присыпать мешок, Евгений вылез из него наружу. Всюду толстым слоем

лежал свежавыпавший снег, неузнаваемо изменив местность. Зато видимость оказалась чудесной.

Осмотревшись, Карцев выбрал направление. Вперед! Сегодня он покажет Очиру, как ходят настоящие ползуны по скалам!

На исходе третьего часа Карцев вытащил из кармана аварийную плитку шоколада, разломил ее на куски. «Теперь можно. Еще немного и — ледник. А там рукой подать и до морены, до перевала. А с перевала торная тропа ведет до самой Адыл-су. Ужинать буду в поселке. Может, наши упрямыцы попадутся мне навстречу? Еще бы лучше! Интересно, что они сейчас обо мне говорят? Очир, наверное, так и кипит...»

У начала крутого склона, под которым лежал ледник, Карцев приостановился. Плоские плиты, присыпанные снежком, походили на гигантскую черепицу. При одном взгляде на них юноша почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Ах, как пригодилась бы сейчас крепкая веревка на поясе, надежная страховка друга, всегда готового остановить роковое скольжение! Но страховать некому. Спускаться надо одному.

Используя каждый крошечный выступ, на котором едва умещается ступня, припадая всем телом к круто падающим плитам, чтоб увеличить трение, Евгений начинает свой опасный спуск. Он еще не знает, что это — последний в его жизни спуск...

Уже через несколько минут он весь в поту. Проклятые плиты! На них бесполезны кошки, такие незаменимые на фирновых полях; ни к чему ледоруб, которым так удобно высекают прочные ступени во льду!

В тоске Евгений поднимает голову. Боже мой, от начала спуска — меньше тридцати метров! Взгляд вниз. Ледник все так же бесконечно далек. «Подняться обратно? Поискать хоть какой-нибудь обход?» Но в это мгновение юноша ощущает — опора под ногой исчезла, он начинает сползать...

Ломаются ногти. Кровь брызжет из-под них. Человек прижимается к плите животом, грудью, щекой... Напрасно! Смертельное скольжение все ускоряется. Сбивая колени и руки, человек падает вниз. Отчаянный, предсмертный крик оглашает горы, отражается от них насмешливым эхом.

И тишина. Глубокая, нерушимая...

Едва буря утихла, Очир и Галя снова были на ногах. Словно в награду за все перенесенные ими испытания, перед ними открылся пологий путь к вершине Донгуз-Оруна. Теперь досаждали только одышка и головная боль, столь обычные на высоте.

Перекидываясь скухими фразами, по колено увязая в зернистом сыпучем снегу, альпинисты шли и шли, потеряв всякое представление о времени.

Так же апатично они вышли на широкую площадку. Стоп, да ведь это...

— Ур-ра-а! Вершина-а!

Куда девались усталость, апатия! Смеясь, перебивая друг друга, Очир и Галя взялись за руки, закружились на месте.

Каменный тур заметил Бадзар. Опустился на колено, вынул один камень, извлек хорошо знакомую банку.

— Евгений... Его тур, — произнес Бадзар. — Ну, что ж, все правильно. Из нашей группы одна Лида не побывала на вершине. Но это не ее вина. Теперь, Галя, вниз! Может, все еще обойдется? Может, Женька спустится-таки к перевалу?

Наскоро полюбовавшись грандиозной панорамой Центрального Кавказа, альпинисты спешат вниз. Следов Жени не видно, но к перевалу иначе, как тут, не спуститься.

Идти легко. Все радует Очира и Галю — отличная погода, победа над Донгуз-Оруном. А вот и следы Евгения. На свежем снегу отпечатки ботинок видны изда- лека. Очир начинает весело насвистывать.

Внезапно Галя хватает его за плечо, показывает вперед:

— Там... смотри!..

На заснеженных плитах, освещаемая косыми луча- ми солнца, явственно видна полоса от падения како- го-то тела. У Бадзара останавливается, потом начи- нает бешено колотиться сердце. Галя цепенеет на месте.

— Женя сорвался!.. — побелевшими губами шепчет она.

Поочередно страхуя друг друга, альпинисты преодо-

левают склон из плитняка и оказываются на леднике. Под снегом желтоватыми полосками обозначены предательски замаскированные трещины. У крайней трещины снежный покров обрушен.

— Тут... — вполголоса говорит Галя, словно боясь разбудить кого-то.

Бадзар ложится грудью на край трещины, заглядывает в темноту ледяной пропасти:

— Женя-я-а-а!

Ответа нет.

Повернув голову, напрягая слух, Очир вслушивается изо всех сил. Ему кажется, что он улавливает слабый, журчащий звук, доносящийся снизу. Где-то на страшной глубине, на самом дне бездны пробирается ручеек. На какой глубине? Сто, двести метров?

Постепенно глаза Очира осваиваются с темнотой. Он начинает различать в полумраке две голубые стенки кристально чистого льда, уходящие отвесно вниз. Что, если Женя каким-нибудь чудом уцелел при падении, заклинился между этих стенок?

Бадзар поднимается на ноги, протягивает Гале конец веревки:

— Держи. Я попробую спуститься вниз. Докуда хватит веревки.

Но Галя отшатывается в испуге:

— Разобьешься!

Очир настаивает, доказывает, просит. Может быть, Женя истекает сейчас кровью, замерзает в ледяной могиле, а они теряют дорогие минуты! И Галя сдается. Она вырубает надежный упор для ног, пропускает веревку через плечи. Теперь ничто не сдвинет ее с места!

Бадзар обвязывается двойным узлом. Веревка ползет вниз. Тихонько крутясь в воздухе, Очир опускается все глубже и глубже. Скоро небо вверху кажется ему узенькой полоской. Могильный холод охватывает тело.

Трещина делает изгиб, под крутым уклоном уходит еще дальше. Глаза уже привыкли к полумраку, но ничего различить внизу нельзя. Да и веревке конец... Нет, риск напрасен. Ничто на свете не поможет больше Евгению. Сомнений нет — он мертв.

Очир снова и снова кричит, висая над ледяной про-

пастью, но его голос глохнет в холодном мраке. Беспомощно! Скорее вон из этой могилы! Перехватывая сразу по полметра, Очир карабкается вверх, зажимая веревку коленями. Только бы у Гали хватило сил удержать его!..

На краю трещины Очир встает на ноги. Сначала он, потом и Галя стаскивают с себя шерстяные шлемы. Оба молча смотрят вниз, туда, где лежит их товарищ...

ВРОВЕНЬ С ПТИЦАМИ

1.

Утром, на смену, они идут дружной гурьбой, поталкивая друг друга плечами, перебрасываясь шутками. Все, как на подбор, рослые, стройные и красивые. Просто на удивление красивые.

Люся, во всяком случае, глубоко убеждена в этом. Из своей деревянной будочки учетчицы, снизу, она сле-

дит за ними с тоской и завистью в больших серых глазах. Бывает же людям такое счастье! Мало того, что здоровяки, красавцы, так еще и работают в самом поднебесье, на двухконсольных кранах. Говорят, таких нет нигде больше во всем Советском Союзе. Будто бы их специально, по особому заказу, изготовили для знаменитой сибирской стройки ленинградские машиностроители.

Похоже, так оно и есть. Не зря же, когда приезжают почетные гости, их обязательно ведут к этим кранам. Днем на двухконсольных трепещутся по ветру алые флажки, ночью — вспыхивают тревожные красные огни, чтоб какой-нибудь неосторожный самолет не наткнулся ненароком на краны. Вот до чего они высоки!

Однажды, когда приехали гости с Кубы, бородатые, веселые, Люся своими глазами видела, как два молодых кубинца забрались на консоль крана и долго стояли там, любясь панорамой огромной гидростройки. А в другой раз Люсе чуть не сделалось дурно: какой-то отчаянно смелый фотокорреспондент — после рассказывали, что это бывший летчик-испытатель — вышел на самый конец консоли, перелез через железные перильца и так, наклонясь над бездной, ничем не привязанный, не торопясь сделал несколько снимков...

Великанье семейство двухконсольных кранов передвигается по бетоновозной эстакаде. Длинные решетчатые ноги эстакады увязают в хаотическом смешении лобастых бетонных бычков плотины, желтых квадратов опалубки, металлических рощ арматуры, но горизонтальная ферма эстакады лежит вровень со стометровыми скалистыми стенами Бухтарбинского ущелья, в котором ревет и ярится, вскипая белой пеной, сибирская река-красавица. Железные руки-консоли кранов растопырены в обе стороны так далеко, что могут подать бадью с бетоном в любой блок плотины. А куда именно — крановщику сигнализирует флажком девушка-оператор.

У Люси всегда сжимается сердце, когда она наблюдает за операторами и представляет себя на их месте. Стоит малявка, голоногая молоденькая девчушка, машет флажком, а с неба на нее прицельно падает тысячепудовая бадья с бетоном. Трос кажется тонким как нитка, а бадья огромна, побольше «Волги». Но девчуш-

ка бесстрашно стоит под ней, принимая бетон в блок. Совсем как в тех военных книжках, где, окруженный фашистами, советский командир в последний, смертный миг вызывает огонь «на себя». Надежен трос, опытен крановщик, но как не бояться? А ну как, неровен час, зазеваается крановщик, не рассчитает дистанцию, или лопнет изношенный трос, или откроется бадья?..

Правда, Люся кое-что слыхала о том, как отбирают крановщиков, как их учат и проверяют. Медицинская комиссия допускает к работе на этих кранах только атлетов со здоровым сердцем, острым зрением, крепкой нервной системой, мгновенной реакцией. Как в реактивной авиации! Недаром, когда Юрий Гагарин взлетел в космос, крановщики с двухконсольных засыпали партком стройки заявлениями. Да и что им не проситься в космонавты? Все привыкли к высоте, половина учится заочно в вузах и техникумах, каждый третий — спортсмен-разрядник по боксу, штанге, легкой атлетике.

У них на один выходной день в неделю больше. Им надо хорошо отдохнуть, прежде чем садиться за рычаги своих грозных машин! У каждого — высший шестой разряд. И все-таки их часто проверяют. А перед началом смены обязательно осматривает врач, все равно как летчика: не выпил ли рюмку водки, не расстроен ли чем? Ведь работа у крановщиков снайперская. В ясный день еще туда-сюда, а чуть потянет с реки туманцем или заморосит дождик, тут уж гляди да гляди, чтоб не промахнуться...

Кое-кого из крановщиков Люся знает. Конечно, не так чтоб по-настоящему, а издалека, немножечко. Высокого блондина в какой-то хитрой замшевой курточке со множеством застежек «молний» зовут Митей Жигарновским. Как-то на его кране со шкивка под концом консоли соскочил трос, и Митя, не раздумывая долго, повис вниз головой, держась за консоль ногами, направляя трос в шкивок...

На что уж на стройке полно верхолазов, всякого видались, а тут все бросили работу, стоят, задрали головы. Ну, чертушка! Надо ж такое! В цирке, хоть и под куполом, — какая там высота? Курам на смех. Да еще на арене — опилки, за спиной — тросик. А тут висит парень не в легком трико, а во всей рабочей сбруе, дергает трос и видит под собой не опилки, а щетину

из стальных штырей в бетоне. Положим, с такой высоты хоть о бетон, хоть об воду грянуться — разницы нет. Так и так — в лепешку.

Люся после этой картины целую ночь не спала. Даже всплакнула немножко. Ну зачем он так? Ведь молодой парень, ему еще жить да жить, а он так рискует! Ни за что мог погибнуть, отчаянная голова!

Еще Люся знает Петра Корнева. Черный, как цыган, серьезный, никогда не улыбается. Кряжистый, такой широкий в плечах, что кажется квадратным. Положим, Люся тоже далеко не худенькая. Ее даже дразнят иногда кубышкой. Да она и сама знает, что природа обделила ее и ростом, и красотой.

Вечерами, в общежитии, когда девчонки заснут, Люся порой подолгу смотрится в зеркало. И видит ровно подстриженную льняную челку на выпуклом детском лбу, пшеничные брови, надутые румяные щеки, коротенький носик, круглый год густо обкапанный веснушками. И в кого она уродилась такая? Папа и мама красивые, а она... Вот только глаза еще ничего, пожалуй: большие, чистые, будто промытые снеговой водой.

Вот уже второй год, как, окончив семилетку, Люся покинула родную деревню Сухую Елань, переехала на гидростройку, но все еще не может привыкнуть к здешней сутолоке, железному лязгу и ночами часто видит во сне сосновую гривку возле Сухой Елани, тихоструйную Елшанку и птицеферму с белыми леггорнами.

2.

Дворец культуры, каменный, с шестью колоннами по фронту, широкими маршами парадной лестницы (хоть бы Москве, и то впору!) только еще заложили. Его фундамент едва вылез из земли. Строителям гидростанции приходилось довольствоваться тесным деревянным клубом, выкрашенным в ядовито-зеленый цвет, под масть окружающему еловому бору. Но — в тесноте да не в обиде, в клуб набивалось столько охочей до танцев молодежи, что парочки часто не танцевали, а просто переминались на месте, в такт музыке.

Девушек на стройке было мало, и Люся редко сучала на стульях, сдвинутых к стенам зала. Парни охотно кружились с нею под рев радиодинамика. Но те, кто

интересовал ее больше всех, — машинисты двухконсольных кранов — ни разу еще не приглашали Люсю на танцы.

Так продолжалось до июльского вечера, когда перед Люсей неожиданно остановился и расшаркался Митя Жигарновский. В отличном сером костюме из «метро», бордовом галстуке, узконосых черных туфлях.

— Разрешите?

Люся молча встала и положила руку на плечо кавалеру. Но по тому, как радостно заблестели ее глаза, зарумянились щеки, как неудержимая улыбка раздвинула полные губы, обнажив белые подковки безупречных зубов, разве только слепой не догадался бы о чувствах девушки.

Танцевал Митя превосходно. Легко увлекая за собой Люсю, скользил по исшарканному тесовому полу так, будто под ногами у него был навощенный зеркальный паркет. Танцы начались недавно, клуб еще не успел заполниться, и парочки не мешали друг другу.

Весь остальной вечер Люся отказывала ребятам, суетливо поправляла волосы, чулки, украдкой подкрашивала губы, не переставая следить за Митей. Она надеялась, что он пригласит ее еще раз. И действительно, вальс они снова танцевали вместе.

Чтоб смотреть Мите в лицо, Люсе приходилось запрокидывать голову — так он был высок. Все же она хорошо рассмотрела его. Красивый. Еще красивее, чем казался издали. Энергичное загорелое лицо, худощавое, со впалыми щеками, волевыми складками у тонких насмешливых губ, с нервными ноздрями прямого носа. Светлый ежик волос, жестких даже на вид. Зеленые глаза, почти все время полуприкрытые веками.

От Мити пахло табаком, шипром и еще чем-то вроде спирта. То ли от долгого круженья, то ли от этого сладостного запаха у Люси помутилось в голове. Стало легко и бездумно. Она сама замечала, что ведет себя странно: поминутно хохочет, встряхивает волосами, щурит глаза. «Что это? Как дурочка!»

Однако Митя, по-видимому, не находил ничего странного в поведении девушки; тоже смеялся, сыпал любезностями, близко наклонялся к Люсе и пугал ее, делая вид, будто собирается поцеловать при всем на-

роде, нарочно сбивался с такта и вообще дурачился напропалую.

Из клуба вышли вместе. Митя порывался взять Люсю под руку, но она не далась. Едва переступив порог освещенного шумного зала, она сразу притихла, будто и не хохотала только что до упаду, не кружилась в танце. Шла рядом, но молчала, боязливо сторонясь парня, не касаясь его даже рукой.

Черные ели лохматились в ночи неясно и угрожающе. Справа над лесным горбом висел узенький лунный серп. Слева, над котлованом, стояло дрожащее зарево. Там бессонно ворочались краны, экскаваторы, бульдозеры — железные чудища, прирученные человеком, покорные его воле.

— Что примолкла? — спросил Митя, заглядывая в лицо своей спутнице. В темноте глаза Люси казались огромными и печальными.

— Так, — односложно ответила Люся.

Ей не хотелось говорить. Она прислушивалась к тому, что бродило, вызревало в ней самой. Любовь это или нет? А если нет, почему она волнуется? Неужели вот этот чужой высокий парень, от которого пахнет табаком и духами, может стать в ее жизни единственным, самым дорогим, дороже отца с матерью? И она будет называть его коротеньким смешным словом «муж», делать все, что ему захочется, не возражая ни словом? А может быть, у него и в мыслях ничего подобного нет: просто потанцевал с девчонкой, теперь провожает, а завтра пригласит другую...

— Давай тут пройдем, поближе, — хрипловато сказал Митя. И быстро оглянулся. Но позади никого не было.

Занятая своими мыслями, Люся не заметила, что уже минут пять они идут без тропы, напрямик через еловый бор.

У глубокой узкой промоины, по дну которой тихо журчал ручеек, Митя остановился, бросил пиджак на сухую землю, еще не остывшую после дневного жара.

— Садись. Отдохнем маленько. Ноги-то гудят, наверное, после танцев?

— А вот и не капельки! Я ведь крепкая, ты не думай. — Похвальба вырвалась сама собой, нечаянно. Люсе так хочется сейчас казаться сильной, умной, красивой!

Все же она садится, но не на пиджак, а рядом, на пожухлую траву. Митя глупый, не бережет костюм. Сразу видно, что для него сорить деньгами — привычное дело.

Сидеть молча неудобно, и Люся спрашивает первое, что приходит ей в голову:

— Митя, а что тебя на такой высоте заставляет работать?

— Мошки нет на верхотуре, не то что в котловане. Ветерком обдувает. Ну и деньга подходящая идет.

Митя шутит, но в его голосе проскальзывает нотка досады. Ему как будто мешает этот разговор. Он вертит головой, прислушивается.

Люся не догадывается ни о чем. Только когда сильная рука обхватывает ее плечи и нетерпеливо валит на теплую землю, она быстро вскакивает на ноги, гневно говорит, задыхаясь, чувствуя спазму в горле:

— Как тебе не стыдно? Разве так можно? Я с тобой как с человеком, а ты...

Митя ничуть не смущен. Он встряхивает пиджак, набрасывает его на Люсины плечи.

— Ты что — шуток не понимаешь? Ишь, вскочила... Ладно, топаем дальше.

На крутом травянистом склоне туфли скользят, в слабом лунном свете не видно, куда ставить ногу, и Люся вынуждена опираться на крепкое плечо парня. Ей уже совестно, что она так отчитала его. А вдруг он и в самом деле только пошутил, а она вообразила бог знает что?

На краю котлована Люся прощается. Внизу, в дымном свете прожекторов, кипит безостановочная страда. Как воробьи под стрехой, висят на решетках арматуры сварщики. Голубоватые огоньки помогают глазу отыскать их. Грузно разворачиваются МАЗы с жидким бетоном в кузове. Степенно проплывают платформы узкоколейки со звеном водовода. Жерло у звена побольше туннеля московского метро, где однажды в отпуске каталась Люся. А поверх всего этого железного воющего клубка — размашистые руки двухконсольных кранов, все в карнавальных цветных огнях. Знакомая, но всегда волнующая картина!

— Пока! Мне сегодня в ночную, — устало говорит Митя. — А с понедельника опять буду в дневной

смене. Придешь ко мне на эстакаду? Кран покажу...

— Приду, — после короткой запинки отвечает Люся. Ей очень хочется дружить с Митей. А для этого надо думать о нем только хорошо.

3.

Вдоль широченного настила бетоновозной эстакады с обеих сторон шли сплошные деревянные перила, и Люся смело шагала к Митиному крану. Но едва она подошла к ноге исполинского крана, вся ее смелость улетучилась мгновенно.

Любопытно устроен человек! Положите на земле стальную балку, и любой запросто прогуляется по ней. Но поднимите эту же прочнейшую широкую балку на высоту десятиэтажного дома — и уже разве что один из тысячи рискнет ступить на нее. Высота гипнотизирует человека, лишает его самообладания, вселяет дрожь в колени.

Похожая на стеклянное яйцо, кабина крановщика прилепилась невысоко над помостом эстакады. Но лезть в кабину предстояло по стальной лестнке, вынесенной за перила эстакады. Цепко держась за них, Люся перегнулась, глянула вниз. Далеко-далеко внизу, странно коротенькие, копошились в блоках бетонщики, похожие отсюда на лилипутов. Над головой Люси мощно рыкнул ревун. Она испуганно метнулась вбок. С конца консоли понеслась вниз бадья с бетоном. Она падала с такой скоростью, что на секунду у Люси похолодело на сердце. «Трос оборвался!» Но нет — недалеко от блока бадья, уменьшившаяся до размеров наперстка, плавно замедлила свое падение и повисла над зевом опалубки. Открылся затвор, и бетон освобожденно хлынул вниз.

Люся с восторгом подняла голову, силясь разглядеть за стеклами кабины крановщика. Митя, это Митя подал сейчас бадью! Ах, какой же он мастер, какой замечательный парень!

— Митя-а-а! — призывно замахала Люся косынкой. — Я пришла-а!

Выпуклая дверца кабины распахнулась:

— Ползи сюда!

— Ага! Я бою-юсь!

— Тогда жди, трусиха.

Шкив на конце консоли быстро-быстро завертелся, трос побежал вверх, а с ним вместе и опорожненная бадья. Вся облепленная бетоном, она утомленно прилегла на настил и жадно раскрыла пустую пасть. Сейчас же МАЗ, дожидавшийся ее, сердито фыркнул и пятился задом, задрал кузов. Следом за ним сбросил свой бетон в бадью и второй МАЗ, за ним — третий.

Казалось невероятным, чтобы кран мог хотя бы пошевелить такую тяжесть. Тысяча пудов! Толстые доски настила прогибались и потрескивали под бадьей. Широко раскрыв глаза, Люся замороженно следила за ней. Вот звякнули и натянулись цепи. Рывок — и бадья с легкостью оторвалась от настила, заколыхалась в воздухе. Минута — и она побежала вдоль консоли, стремительно рухнула вниз.

Митя вылез из кабины, когда поток МАЗов на эстакаде обмелел. Даже не держась за поручень, сбежал вниз, прыгнул на помост эстакады.

— Здорово! Ну, что дрожишь, Фекла? Лезь!

Люся отчаянно затрясла головой. Идти по этим тоненьким прутикам над пропастью? А если соскользнет нога или обломится прут, закружится голова и руки выпустят поручень? Нет, нет, ни за что!

— Э, чикаться мне тут с тобою!

Прежде чем Люся успевает понять, что собирается делать Митя, он подхватывает ее под коленки и лезет вверх. Остается одно — крепко зажмуриться и обнять парня за твердую сильную шею.

Но и в кабинке страх не оставляет Люсю. Стекло-ное яйцо прилепилось к ноге крана и висит в воздухе. Вокруг себя девушка видит только пустоту. Одно лишь стекло отделяет ее от бездны. И от птиц, проносящихся над рекой.

— Садись на чем стоишь, — посмеивается Митя.

— Мить, а, Мить! А оно не провалится? — робко спрашивает Люся. Никакие насмешки не могут обидеть ее сейчас в этом жилище олимпийца, высотника, куда каким-то чудом допустили и ее, простую девчонку.

— Ду-ура! Это стекло каблуком сади, не треснет!

Обхватив коленки руками, Люся садится, сжимается в комок у креслица машиниста. Соеущий страх немало отпускает ее. Мучит одно — как-то она выберется отсюда обратно?

— Видишь коробку? Это автоматическое реле времени, — нажимая кнопки управления, снисходительно поясняет Митя. — Тут скороподъемность чертячая, останови бадью сразу — динамический удар запросто трос порвет, а то и консоль обломит. Вот реле и регулирует плавность бега тележки по консоли, остановку бадьи. Зато педаль нажимаешь, а бадья еще шестнадцать метров проходит вниз. Вот тут и рассчитай!

Люся хочет что-то спросить, но в этот момент вся огромная махина вместе с ней начинает внезапно валиться набок, в пустоту. Ужас гасит сердце. Страшный крик застревает в горле девушки.

— ...воздушной волной, — не сразу, глухо, будто сквозь вату, доходят до слуха Люси слова Мити. Он все так же цепко следит за бадьей, спокойно поигрывает кнопками управления. — Как рванут в траншее на выброс, так чуть наши краны не переворачивает.

Люся чувствует, как всю ее охватывает жаром. Крупная нервная дрожь колотит тело. Нет, такие потрясения выше ее сил!

— Митя, миленький! Ради бога, помоги мне спуститься на эстакаду! — молит Люся.

На этот раз Митя не насмешничает. В лице у девушки ни кровинки, глаза стали совсем круглыми от немого ужаса.

— Держись за шею, — торопливо говорит Митя.

Через три минуты Люся снова стоит на ровном настиле, у надежных перил. Ей мучительно стыдно за свой панический страх, но радость избавления от опасности перекрывает все. Люся смеется и плачет одновременно. Как же страшна эта высота! А Митя не боится и ее. Он ничего не боится. Ничего на свете.

4.

После памятного похода на эстакаду давнее восхищение крановщиками перешло у Люси в настоящее обожание. Едва у нее выдавалась свободная минутка, едва шумное, воняющее сизым дымом стадо МАЗов редело вокруг нее, она отходила в сторонку от своей будочки, и, прикрыв глаза ладонью, устремляла взгляд на двухконсольные краны.

В густом знойном воздухе летали ласточки, и там,

вровежь с птицами, сидели в стеклянных кабинках, колдуя над рычагами, Митя и его товарищи: Петя Корнев, Вася Мотыль, прозванный так за моряцкую походочку — враскачку, Андрей Друщенко — закоренелый холостяк, пижон и сердцеед. Конечно, Митя дороже всех Люсе, но и эти ребята милы ей, как его братья по профессии, по грозной высоте. Все они славные парни. И что удивительного? Разве может быть человек плохим на такой высоте? Она очищает душу каждого, вселяет в нее отвагу, мужество и благородство.

Митя по-прежнему насмешничал при встречах с Люсей, подшучивал над ней, иногда довольно обидно. Но девушка была убеждена: это он маскирует любовь, стесняется показать свою нежность к ней.

После первого знакомства в клубе «Строитель» на танцах Люся встречалась с Митей только дважды, но и оба раза — на людях. Но сегодня Митя сменился рано, и они отправились в березовую рощу, километров за шесть от плотины. Река делала там крутой поворот, и в ее излучине, спускаясь к самой воде, росли тысячи белотелых березок, на удивление прямых и тонкостебельных.

Шли по узенькой петливой тропке, через душистые от трав увалы. Вокруг по склонам свечами стояли сиреневые пучки ивана-да-марьи; из замшелых, поваленных бурей старых сосен лез охапками папоротник; в лесной подстилке прятались россыпи маслят и рыжиков. Где-то слева, в распадке, печально куковала кукушка, но ни Митя, ни Люся не приостановились сосчитать ее «ку-ку». Они были еще так молоды, что никогда не задумывались о смерти.

Митя держался позади, и Люся чувствовала, что он смотрит на ее ноги. Это было приятно ей. Она знала, что у нее красивые, крепкие ноги, а от парней ей приходилось слышать, что для девушки это в их глазах важнее даже, чем смазливое личико. Недаром мужчины при встрече с женщиной почти всегда опускают глаза вниз, и только потом смотрят выше — в лицо.

Пока дошли до березовой рощи, свечерело. Все запахи стали вяжущей, сильнее. Перистые облачка, подкрашенные снизу розовым, остановились в небе на покой. Над вершинами деревьев боязливо всплыл месяц.

— Гляди, какой бледный, — усмехнулся Митя, ука-

зывая веточкой на месяц. — Это он с перепугу — целый день от солнца прятался.

Люся засмеялась. Все, что говорил Митя, казалось ей необыкновенно остроумным и значительным. Наслаждением было уже слушать его голос — ленивый, с хрипотцой, чуточку окающий, видеть маленький аккуратный рот с ложбинкой под носом. Митя еще ни разу не поцеловал Люсю, но почему-то она была уверена, что у него губы горячие и твердые.

Тропинка обогнула огромный трухлявый пенёк, поросший молодыми побегами тополя. Из-под пня выскочил бурундук, кинулся наутек, мелькая полосатой спинкой в высокой траве. Люся опять засмеялась: «Ах, глупый, думает, мы ловить его будем».

В логу потянуло сыростью. От земли поднимались вечерние испарения. В боковом отрожке, в кустах облепихи, уже запутался клочок тумана.

— Укрой меня пиджаком. Холодно, — пожаловалась Люся, зябко передернув плечами.

Но Митя сделал иначе. Свернул с тропочки к разлапистой черной ели. Густые плети ее шатром свисали до самой земли.

— Сюда иди. Сейчас враз нагрею — жарко станет.

— О чем ты? — всполошилась Люся. Двусмысленный тон насторожил ее.

Митя не торопясь вынул коробок со спичками, потарахтел им.

— О костре. А ты о чем?

Люся покраснела до того, что даже слезы выступили на глазах. Стыд обжег лицо. «Что ему ответить?»

Костерок вспыхнул, и вокруг сразу потемнело. А под еловым шатром стало так уютно и тепло, что Люся блаженно заулыбалась. От хвои приятно пахло смолой. Где-то неподалеку в сухой траве шелестела мышка.

Обхватив круглые колени, натянув на них платье, Люся мечтательно уставилась на огонь. Митя молча поглядывал на нее, осторожно питая костерок сухими веточками и шишками. В трепетном красноватом свете костра девушка казалась ему сейчас совсем иной, чем обычно: красивой, изящной, даже чуточку загадочной.

— Слушай, Люся, — кашлянув, сиплым, словно вдруг севшим, голосом сказал Митя. — Чепуха у нас получается...

— Какая чепуха? — удивилась Люся. Встряхнула льяной челкой, оторвала взгляд от огня.

— Да что: полмесяца хороваемся, а толку?

— Какого толку? Разве тебе скучно со мной? — нежно спросила Люся и погладила парня по щеке.

— Не скучно, но...

Митя не договорил, схватил Люсю за руку, потащил к себе. Люся упала на колени, уперлась руками в мускулистую комковатую грудь парня.

— Что ты, что ты?..

— Подожди, я сейчас, не бойся... — задыхаясь, бесвязно бормотал Митя, все крепче прижимая к себе Люсю. — Ты не думай, я не так... потом поженимся... все равно ведь...

Сильные руки гладили, ощупывали тело девушки, что-то делали с ее платьем, и Люся чувствовала, что ее сопротивление слабеет, что неотвратимое уже не страшит, а манит ее. Исчез огонь костра, исчезли лохматые ветви ели. Остался только Митя, его жадные губы, мужские властные руки...

Обратно шли медленно. Крупные звезды густо высыпали в черном небе, понимающе перемигивались между собой. Временами поверху пробежал ветерок, и деревья сурово шептались. Люсе чудилось в этом шепоте осуждение, и она плотнее прижималась к Мите.

Когда впереди открылось зарево над бессонным котлованом, Люся нарушила долгое молчание:

— Мить, а если у нас ребеночек найдется, как мы его назовем?

— Ну-у, нашла о чем загадывать! — с неудовольствием отозвался Митя. — Еще, может, обойдется все.

— Как — обойдется? — вздрогнула Люся.

— Ну — не обязательно ж с первого разу — и ребенок.

— А-а... А если будет, давай так: мальчика назовем Мишенькой. Михаил Дмитриевич... Хорошо ведь? А девочку — Наташей. Ладно?

Люся подробно развивает свои планы на будущее:

— В ясельки ни за что не отдадим. Там всегда ребятшек простужают. Лучше вызовем мою маму из деревни. На годик. Она у меня старенькая, но такая хлопотунья! Ты ее тоже непременно полюбишь. Мить, а за

что ты меня полюбил? Белобрысую, некрасивую...

Сердце Люси переполнено любовью и нежностью. Ей хочется говорить о своем счастье, о том, как близок ей теперь Митя, как любит она в нем все: зеленые полуприкрытые глаза, жесткий ежик волос, тонкие белые пальцы...

— Так уж сразу и полюбил? Это называется — влечение, — с ухмылкой неожиданно говорит Митя.

Люся выпускает руку парня. Что-то холодное, гадючье на миг касается ее влюбленного сердца.

— Митя, не шути так! Слышишь?

— Опять завелась? Нет, определенно ты шуток не понимаешь.

Митя по-хозяйски уверенно обнимает свою подружку за плечи, заглядывает ей в лицо. Но Люся взволнованно молчит. Страшное сомнение закрадывается в ее душу.

5.

Красавицы внимательно и молча разглядывают Люсю. Смуглая балерина-индуска томно щурит мохнатые ресницы. Положив руки на выпуклые стройные бедра, циркачка в трико, шитом золотом, улыбается весело и дружелюбно. Знаменитая киноартистка в открытом бальном платье смотрит вполоборота, серьезно, почти хмуро. Какое совершенство форм, какая красота и плавность линий! Сквозь воздушную, облачно-невесомую кисею и газ просвечивает божественное тело, достойное языческого поклонения.

Люсе грустно. Куда ей до этих красавиц, цветные портреты которых, вырезанные из «Огонька», «Смены», «Советского фото», наклеены на всех стенах деревянной будки, «Третьяковки» крановщиков. Так ребята называют свой вагончик на полозьях, в котором они едят и отдыхают во время обеденного перерыва. Кто-то принес первое фото. Понравилось. И скоро все стены украсились портретами красивых женщин.

По настоянию Мити Люся часто приходит теперь в вагончик. Крановщики притворяются, что не замечают, к кому из них ходит девушка, и встречают Люсю просто, как общую свою знакомую. Никто не подшучивает над ней, не заигрывает, даже Андрюшка Друщенко.

Когда Люся открывает дверь вагончика, никто не пялится на нее, общий разговор не прерывается.

— А, Люся пришла! Садись, — пододвигает ей табуретку кто-нибудь из крановщиков. И сейчас же продолжает: — А я сюда приехал, тут еще и конь не валялся. Засыпушек — и тех не было. Натянули палатки, так и зимовали в них. Утром вставать, а у тебя башка к брезенту примерзла, хоть волосы отстригай. Смехота!

Потом разговор переходит на другое. Чаще всего начинается дружеский «розыгрыш» Андрея Друщенко. Всем известно, что каждое воскресенье он совершает рейд по магазинам, ищет себе обновы для «модернизации», как он выражается, своей внешности. Но за последнее время и этот прием уже мало помогает.

— Что, Андрюха, бросила тебя Таня? Отставка по всем швам?

— Да понимаешь, старый стал, чи шо? — притворно удивляется Друщенко. Он знает: упаси бог обидеться на «подначку» — заклюют.

— А может, модернизация не та? Может, мода обратно перевернулась?

— Та ни, штанцы таки ж, узеньки.

Не принимает участия в общем «розыгрыше» только Петр Корнев. Он неизменно серьезен и деловит. Но с Люсей разговаривает охотно. И она любит его слушать. Митя никогда не рассказывает о своей работе, о двухконсольных кранах, даже отмахивается пренебрежительно: «А, да что об них толковать! Невидаль какая. Вот выучусь на инженера — сам всеми крановщиками буду командовать». А Корнев может часами говорить о кранах, даром что он еще и автослесарь, шофер, верхолаз-монтажник и механик. Да еще учится на курсах электро-монтажников. «Хочу всю механику освоить, в полном объеме». Да еще плавает в водоворотах у самой плотины, ходит в туристские походы, собирает библиотеку, монтирует на общественных началах механический подъемник для слаломистов... Когда только успевает человек?

Странно, что о Мите Люся не знает почти ничего: откуда он, кто его родители, чем увлекается. А о Корневе знает все: сюда приехал по комсомольской путевке из Адлера, с берегов ласкового Черного моря; три дня искал свой Гидромонтаж: попадались всякие «гидры» — Гид-

ромеханизация, Гидроэлектромонтаж, Спецгидромонтаж, — только не то, что нужно; на высоту поднимался постепенно — начал с шахтных копров в Донбассе, потом перешел на монтаж труб, телевизионных вышек. Осенью ждет к себе девушку, Катю, решили больше не откладывать свадьбу, потому что гидростройкам в Сибири и конца не видно: вот эту еще не кончили, а уже поговаривают — часть людей вместе с кранами перебросят на Усть-Ключевскую ГЭС.

Петр Корнев — бригадир крановщиков, но, не зная этого, трудно догадаться, что он какой-никакой, а все же начальник. Настолько он прост и скромен. Бригада борется за звание коммунистической, поэтому все, что происходит в ней, даже знакомства ребят с девушками, близко касается Корнева. Но бригадир никогда не заговаривает с Люсей об ее отношениях с Митей. Да и о чем говорить? Разве можно скрыть свою любовь, притвориться равнодушной? Разве погасишь блеск глаз, удержишь произвольную счастливую улыбку при появлении любимого?

А потом настал этот несчастный день...

Митя задержался на кране — ремонтировал тележку на консоли; обедать спустился позже всех, злой, взвинченный до предела, готовый вспыхнуть в любую минуту. Хмурое лицо испачкано, руки по локоть в тавоте.

— Давай я тебе на руки полью! — с готовностью вызвалась Люся.

— Сам не маленький, — буркнул Митя, направляясь к пожарной бочке с водой. Около бочки перила обрывались. Такой же просвет был и за нею. Все пожарные бочки стояли в линию, на самом краю эстакады.

— Нет, правда. Удобнее же.

— Иди ты... знаешь куда? — вдруг вспылил Митя. Зло искало выхода.

— Жигарновский, ты как с Люсей разговариваешь? — строго прикрикнул Корнев. Обед еще не привезли, все крановщики стояли тесной кучкой возле вагончика.

— А ты что мне за указчик? — окончательно взбеленился Митя, крутнулся на каблуках. — Мое дело. Как хочу, так с ней и разговариваю. Не жена еще. Всего и делов, что разок...

— Митя! Не смей! — отчаянно крикнула Люся, хватаясь за щеки.

— ...в березовой роще переспали! — закончил все же Митя. Он уже не владел собой, в каком-то диком неистовстве распалял в себе злобу, наслаждаясь ею.

Люся ахнула и кинулась бежать.

Она не видела ничего, что случилось потом.

Не видела, как Корнев подскочил к Мите, замахнулся. Как Митя испуганно попятился, оступился на краю эстакады и без вскрика полетел вниз. Как в ужасе застыли крановщики.

6.

Все-таки хоть и редко, а чудеса на свете случаются. Как иначе назовешь такие необыкновенные происшествия? Выпав из вертолета с полукилометровой высоты и растопырив полы телогрейки, человек планирует в сугроб и остается невредимым. Или: не раскрылся основной парашют, запутались стропы запасного, а обреченный на верную смерть человек, пробив заводскую крышу, благополучно приземляется в только что подвезенную в цех гору хлопка и вылезает из нее без единого синяка.

Чудо спасло и Митю Жигарновского. Пролетев метров шестьдесят, он угодил на туго натянутый резиновый кабель, и тот, мягко спружинив, как цирковой батут, отбросил крановщика вбок, на помост нижнего яруса эстакады, прямо под колеса идущего МАЗа. Лихой шофер успел затормозить, выскочил из кабины и помог Мите забраться в машину. Сорок минут спустя он уже лежал в больнице, а еще через три дня выписался из нее: кроме нервного потрясения, никаких последствий падения не оказалось. Не только переломов, но даже ссадин, ушибов врачи у него не обнаружили.

Счастливый исход происшествия позволил Петру Корневу избежать неминуемого суда и уголовного наказания. Митя никакого заявления не подал, а кроме него жаловаться было некому. Администрации Гидромонтажа, завкому монтажного района вовсе не улыбалась перспектива портить отчетность по травматизму, отправляемую в Москву, еще одним происшествием. Корнева келейно пожурили, сняли с должности бригадира,

исключили всю бригаду крановщиков из соревнования за коммунистический труд и этим ограничились. Нашумевший на всей стройке случай так и забылся через месяц.

Но на кран Жигарновский больше не вернулся. С ним произошло то, что случается иногда с верхолазами, уцелевшими при падении. Теперь Митя мог стоять только на табуретке. Не выше. Довольно ему было подняться на два-три метра от земли, как тотчас начинала кружиться голова, к горлу подступала тошнота, противно мокрели ладони. Неудержимо тянуло лечь плашмя на землю, прижаться к ней всем телом. При одном воспоминании о том, как он когда-то бесстрашно бегал по консолям крана, Мите становилось дурно, по спине проливался холодок.

Куда подевался Жигарновский, никто в бригаде не знал. Знали только, что взял расчет и уехал. Был слух — не то в Целиноград, не то в Мирный — к якутским алмазникам, не то еще куда-то.

Никогда не узнали крановщики и о том, какое отчаяние испытала Люся в ту страшную минуту, когда в лицо ей бросили похабную фразу, и она бежала опрометью с эстакады. В один миг рухнуло все, чем жила она последнее время. Любимый человек, которого наивное девичье воображение наделило умом, смелостью, благородством, которого Люся видела уже в своих чистых мечтах мужем, отцом ее ребенка, внезапно предстал перед нею в своем подлинном облике.

Человек, поживший на свете, незаметно для себя приобретает какую-то защитную оболочку. Она помогает ему переносить душевную боль от злобы, вероломства и подлости. Но Люсе было всего девятнадцать лет, и душевная рана саднила так, что временами девушка непроизвольно прижимала руки к груди, будто надеясь утишить этим свою боль.

Хорошо, что среди всех забот, тревог и событий этого бурного периода Петр Корнев не забыл о девушке, так грубо обманутой на пороге своей жизни: вечером отыскал Люсю в женском общежитии.

— У меня к тебе просьба. Оператор с моего крана уходит в декрет. Ты не согласишься перейти на ее место? Все же ты своя в нашей бригаде, ребята к тебе привыкли...

Сначала, когда Петя возник перед Люсей, заговорил с нею, девушка вконец засмушалась, потупилась. Но потом преодолела смущение.

— Ой, Петя, а смогу я? Не забоюсь?

Блестящими, испуганными, но радостными глазами Люся смотрела на Корнева, не зная, что ему ответить.

— Еще чего! — с негодованием отверг предположение крановщик. — Ты ж технику уважаешь. А раз уважаешь — чего ж ее бояться?

Пете девушка верила больше, чем самой себе. И как ни страшно было стоять под падающей на нее бадьей с бетоном, все же она выстояла смену.

А через неделю новая работа так полюбилась Люсе, что она просто поражалась: надо ж — столько времени потерять на дурацкой должности учетчицы! Сиди, как тумба, считай самосвалы с бетоном да ставь галочки...

Теперь Люся работала в самом центре новостройки, в блоках плотины.

Когда бадья спускалась из своей подоблачной выси и повисала, тихонько колыхаясь над блоком, рослые бетонщики освобождали затвор, и зеленоватая зернистая масса с сытым шорохом вытекала из бадьи, грузно оплывала широким конусом. Бадья уносилась вверх, а бетонщики хватали вибраторы и вонзали их жала в податливое тесто. Конус быстро таял, бетон заполнял все закоулки арматуры, а рабочие снова и снова кидались на него в атаку, по колено увязая в жирной густой массе.

Со стороны казалось, что работа бетонщиков не так уж и трудна. Но когда однажды Люся влезла для пробы в резиновые сапоги и взяла в руки двухпудовый вибратор, она едва смогла воткнуть его в бетон. Вытаскивали вибратор из чмокающего зеленовато-серого теста уже рабочие.

— Мало каши ела, Люсенька! — дружелюбно пошутили бетонщики.

Они тоже знали историю ее неудачной любви, жалели и берегли девушку. Иногда Люсе случалось в свободные минуты задуматься о пережитом ею несчастье; на больших серых глазах навертывались невольные слезы. Заметив это, бетонщики всегда находили себе занятие в дальнем углу блока: перетаскивали компрессор, выправляли прутья арматуры, чистили вибраторы.

Прошло четыре месяца, и однажды, по пути в котлован, в автобусе, Люся совершенно отчетливо почувствовала, как внутри у нее осторожно ворохнулся, как будто потянулся кто-то. Ее уже давно позывало на кислое и острое, она с жадностью ела соленые огурцы, квашеную капусту.

Теперь сомнений не оставалось. Люсе предстояло стать матерью.

Надо было решать, что делать.

В целом мире у Люси был только один человек, которому она могла все сказать о себе, — Петя Корнев. Товарки по общежитию попались неподходящие: гулены, сплетницы, грубиянки. И после смены Люся подстерегла Корнева у спуска с эстакады.

Хотя они работали на одном кране, Люся уже полмесяца не видала Петю и не разговаривала с ним. Корнев по крайней мере видел сверху крохотную девчушку с алой капелькой-флажком в руке, тогда как Люся ничего не могла различить на такой высоте за стеклами кабины.

Первые минуты разговор не вязался. Потом, когда крановщики ушли далеко вперед, Люся набралась смелости.

— Петь, беременная... На пятом месяце.

— Да? Так это же здорово! — шумно обрадовался Корнев, энергически двигая угольно-черными бровями. И сразу притих, подозрительно заглянул Люсе в глаза. — А ты как сама думаешь об этом?

— Даже и не знаю... Ребеночка жалко, а родить боюсь, — тихо призналась Люся, перебирая кончики косынки, глядя в сторону.

— Боишься? — удивился Корнев. Даже плечи вздернул, оттопырил губы в изумлении. — Вот те на! Ты ж у нас смелая! Вон как под бадьей стоишь, будто десять лет оператором работала. А может, в другом сомневаешься, как жить будешь? Опять же зря! Сама говорила, можно твою маму из деревни вызвать. А нет — в яслях местечко выхлопочем.

Корнев говорил еще долго, с большим жаром. Рассказал, какой замечательный родильный дом на новостройке, какие в нем опытные врачи, из лучших москов-

ских клиник. А обезболивание? Да теперь родить — раз плюнуть!

— Прямо! Ты уж наговоришь! — Смех разбирал девушку. От ее уныния не осталось и следа. — Слушай, а откуда ты все это так здорово знаешь? «Говорит, словно сам когда-то рожал».

— Ты же главной моей новости не знаешь — Катя приехала! А она у меня — медицинская сестра.

— Да что ты? — поразилась Люся. — Поздравляю, Петя, поздравляю. На свадьбу-то позовешь?

— Спрашиваешь!

Когда Люсе подошло время рожать, Петя вместе с Катей — тоненькой улыбчивой шатенкой — приехал на такси, по хрустящему свежему снежку отвез своего оператора в родильный дом.

Простились на крыльце. Петя и Катя ободряли Люсю, а она, подурневшая, с коричневыми пятнами на лице, выпирающим животом, жалко улыбалась и торопливо, невпопад лепетала, поминутно одергивая платье:

— Да уж чего там... я и сама... кто его знает...

Ночью на Люсю вдруг напала смертная тоска, глухая и неотступная, как удушье. На потолке передвигались световые зайчики от фар проходящих машин. Изредка в окнах звякали стекла — в левобережной траншее рвали породу. Гигантская стройка жила своей всегдашней напряженной жизнью. И никому-то во всем свете не было дела до обманутой глупой девчонки, которая одиноко лежала здесь в палате и со страхом ждала родов.

Комкая простыню, Люся вцепилась зубами в подушку и горько, но беззвучно зарыдала. Переживет ли она роды? А если и не умрет, никогда уже в ее жизни не будет больше радостей. Кому она нужна такая, с чужим ребенком на руках, ни девушка ни вдова?..

Роды шли трудно. Люсе давали кислород, впрыскивали камфору. Но все кончилось благополучно.

— Вот какой богатырь вылупился! — с гордостью сказала медсестра, тетешкая на руке орущий красный комочек с редкими волосиками. — Четыре восемьсот! Немного до пяти килограммов не дотянул. Ори, ори громче!

Люся дала младенцу грудь, но он не сразу взял ее, сердито отпихивался ручкой, все еще бунтуя; потом за-

тих, зачмокал губами, потешно суча пухлыми ножонками, словно перевязанными у колен ниткой.

— Ишь, характерный какой! Вояка, — удивилась медсестра. — В отца, наверное?

Люся ничего не ответила. От жалости и нежности к крохотному человечку, который лежал на ее груди, у нее перехватило голос. «Сыночек мой! Крохотулечка!»

Подошел день выписки. Люся увязала в пеленку все свои нехитрые вещички, распрощалась с врачами, нянечками и спустилась в вестибюль с ватным конвертиком, из которого торчали носик и колечко соски. «Как-то еще до общежития дошагаю?» Но в вестибюле навстречу ей встала вся бригада: Петя Корнев с Катенькой, Андрей Друщенко, Вася Мотыль...

— Ой, ребята!..

— Поздравляем, Люся! С сыном!

Ей хотелось сказать очень многое. О том, как она рада видеть всех ребят; как ей приятно, что ее не забыли; как она счастлива, что не ошиблась в них... Но нужных слов не нашлось и она только еще раз сказала: «Ой, ребята!» и заплакала.

Такси уже ждало у подъезда. Люсю посадили рядом с шофером, а на заднее сиденье втиснулись Петя, Катенька, Андрей и Вася Мотыль. Машина лихо пронеслась по улице Гидростроителей, завернула в квартал, где стояло Люсино общежитие, но не остановилась возле него, а промчалось дальше.

— Куда ж мы, Петя? — удивилась она.

— Сейчас увидишь, — торжествующе подмигнул Корнев и улыбнулся широко, во весь рот.

Остановились напротив восьмиквартирного стандартного дома. Ребята помогли Люсе подняться по скрипучей деревянной лестнице, распахнули перед ней дверь, и она увидела свою мать, по-крестьянски повязанную беленьким платочком в горошек, с таким знакомым клеенчатым передником в крупную клетку...

И тогда Люся снова заплакала, второй раз за день. Но это были уже совсем не те слезы, которыми она исходила в глухую ночь перед родами.

НА РЕКЕ АНГАРЕ

1.

Кержаки — деревня невеликая. Несколько десятков изб, крытых тесом и дранью, разбежались по склону сопки. В центре — сельмаг, почта, сельсовет. На отшибе — колхозная животноводческая ферма. Еще подальше, за околицей, на берегу Ангары — посадочная площадка для легких самолетов. Полосатая «колбаса» на высоком, шесте в зависимости от погоды то безжизненно свисает, то бурно мотается в воздухе. Где-то в тайге бродят

геологи, охотоведы, изыскатели. Вот ради них на поскотине и огородили посадочную площадку. Стрекозиные ЯКи забрасывают экспедициям муку, соль, буры, солярку. В ведро ЯКи летят напрямик, в ненастье — садятся на этом промежуточном аэродромчике.

Авиация появилась в здешних краях всего год назад. Раньше добирались до железной дороги только по реке, через пороги. Случалось, топили груз, тонули и сами. Зимой сидели в Кержаках безвылазно. Но семилетка достала и до этих, даже по сибирским понятиям, дремучих мест. Зароились в тайге экспедиции. За Лосиным распадом обосновался леспромхоз. Под Девьим мысом забелели палатки топографов. Прошел даже слух: собираются тянуть сюда автомобильную дорогу. Нашли-де нефть, железную руду и олово впридачу. О лесе и толковать нечего. Здешняя сосна вся — струна к струне, мачтовый лес, звонкий, как песня. Леспромхоз гонит его вниз, к Игарке. Там иностранные корабли мошкаррой толкуются, наперехват ангарскую сосну грузят. Только давай! Но что один леспромхоз сплавит, да еще модем? Слезы! Вот если автодорога проляжет, тогда другой разговор, можно и десяток их в тайге посадить. Сейчас-то и одному леспромхозу грузы через пороги доставлять накладно. То трелевочник утопят, то электропилы на дно пустят.

Старикам, положим, эти перемены ни к чему. Не по сердцу шум, многолюдство. Как бы хуже не стало... Кержаки — деревня древняя. Как, когда сюда из России первые переселенцы добрались, про то уж самые ветхие деды не помнят. Давно было. А все ж добрались мужики, срубили добротные избы, поселились оседло. Топором, огнем потеснили тайгу, вспахали деляны. Пшеничку, понятное дело, бесполезно было сеять, но кой-какой злак уродил. Хорошо принялась картошка, капуста. А уж скотине и вовсе раздолье: по пояс травы. Одна забота, чтоб какой зверь не задрал коровенку.

Началась Советская власть, пошли всюду колхозы. Сколотился колхоз и в Кержаках. «Красный пахарь». Но колхоз, это так, чтоб власть шибко не вязалась, а жить в те годы продолжали со своих хозяйств. У каждого скотина, птица, огород немеряный. Да еще в лесу, на потайной полянке, кое-чего посажено. Колхозную «палочку» кусать не будешь. А брюхо — злодей, старого добра не помнит, ему каждый день еду подавай.

Правду сказать, в этих благодатных краях развѣ только ленивый харч себе не промыслит. В Ангаре и хариус, и осетры, и пудовые таймени. В тайге и лоси, и медведи, и косули. А белка, а соболь? Живые деньги! Стреляй только, ставь сети!

И стреляли, и ставили.

О промысловиках и толковать нечего. Простые колхозники-хлеборобы — и те до сотни белок, до десятка соболей в сезон брали. Рыбу пудами ловили. В бочках засаливали, коптили, в ледники закладывали.

Одно худо — со сбытом трудно. Пушнину, ту еще приемщикам всегда сбавить можно. Это такой товар — не гниет, не тухнет. А вот с рыбой куда деваться? Односельчанам не продать, в каждом дворе своя лодка, сети. Через пороги везти — десять раз затылок почешешь. Да и времени пропасть нужно.

Приходилось умерять прыть, вылавливать рыбы столько, сколько семья осилит съесть.

Другая торговлишка пошла, когда леспромхоз построился. Лосиный распадок вон он — рукой подать. А рабочему человеку рыбка в охотку. Придается одно мяско.

Некоторые колхозники, кто побойчей, посмекалистей, чуть не целиком переключились на рыбу. Медведя, того, поди-ка, выследи еще! Велика тайга. А рыба в Ангаре круглый год под боком. Особенно весной, в нерест.

Наладился сбыт — пошла погоня за моторками. Хороший движок — на вес золота. Далеко ль на Ангаре на веслах выгребешь? А на моторке сам себе хозяин-барин. Что за водой, что вверх, против течения. Сельмагу один заказ: вези лодочные моторы. А прежде всего — «Москву». Богатый движок: легкий, безотказный, а главное — сильный. Поди, угонись за ним — десять лошадиных сил! Не шутка. С таким мотором любому инспектору рыбоохраны корму покажешь. Особо такому, как Лысина.

Лысина — участковый инспектор рыбоохраны Главрыбвода, пожилой, пухлый, как женщина, с заплывшими маленькими глазками. И голос у инспектора бабий — тонкий, пронзительный. Но самое примечательное в нем — большая, круглая и совершенно лысая голова. Голая, как арбуз. Она-то и подала мысль назвать инспектора Лысиной. Кличка приклеилась, как пластырь, теперь

никто в Кержаках уже и не помнит, как фамилия инспектора.

По-настоящему-то должность у Лысины грозная. Права у него большие. Не то, что сельсовету, он и району не подчинен. Но браконьеры Кержаков ни в грош не ставят инспектора. Другой раз даже похваляются ему своим уловом:

— Знатного я сегодня тайменя подвалил. Пуда, однако, на полтора. Заходи вечером, пол-литра под уху раздавим.

И Лысина является, пьет за здоровье хозяев, за удачу, восхищается их ребятишками, пошучивает с бабами.

Бывает и так: в самый нерест наловит браконьер корзину хариусов, надерет из самок икры, а инспектора не зовет. Тогда Лысина сам приходит во двор к нарушителю запрета.

— Чего надо?

— Ты, говорят, рыбешки взял малость? Икорки подсоллил?

— А твое какое дело?

— Так ведь я, это самое... хи-хи... вроде бы по охране рыбы, — униженно хихикает и потирает мягкие руки Лысина.

— По охране... Скажи — выпить захотел?

— И это есть. Поднесешь — отказываться не буду.

— Ну, черт с тобой, иди в избу. Глашка нальет.

На реке Лысина показывался редко, да и то не для того, чтоб задержать браконьеров, — куда ему, он даже нагана с собой не брал! — а чтоб помнили: есть все-таки в Кержаках инспектор рыбоохраны, в случае чего может протокол составить, неприятностей наделать. Дешевле водкой откупиться.

От водки Лысина и сгорел. В марте, перед самым ледоходом, на Ангаре.

Думали, долго нового инспектора не будет. Ан нет, через неделю прилетел на Яке. Небольшого росточка, но жилистый. Черная борода клинышком. Лицо не то в оспинах, не то в каких-то шрамах. Один зуб золотой. На спине рюкзак, в руках чемодан.

На квартиру к какой-нибудь вдовушке инспектор не пошел. Занял казенную избу, что осталась после Лысины, у самого уреза воды. И сразу же застучал топором, чего-то ладить принялся.

Новостей в Кержаках мало. У кривой Анфиски бычок ногу сломал, пришлось прирезать. Ребятишки Семена Сизых потерялись. Зашли в тайгу удилиц нарезать, и пропали. Аж на другой день отыскали их. Ночь у костра просидели. Никола Гаранин двух собак забил — перестали, черти, белку облаивать. Унты вышли что надо, еще и на рукавицы кусок шкуры остался.

Приезд нового человека, да еще инспектора рыбоохраны, взбулгачил всю деревню. Как ни крути, а правато у инспектора ой-ой... Новая метла всегда чисто метет. Ну, как возьмется порядок наводить? Вызнать бы думки приезжего, как он располагает с народом жить...

Для начала отрядили Серегу Бережных, старшего сына самого завязатого рыбака деревни Ивана Трофимовича. Всего три избы в Кержаках под железом: сельсовет, сельмаг, а третья — изба Ивана Бережных. И ничем другим, одной рыбой человек поднялся. Как выедет на моторке с двумя сынами, так и сплавными сетями берет, и с самоловов сымает, и целиком ручьи да проточки неводом перегораживает. Ловись, рыбка, большая и малая! Что покрупней — в леспромхоз, на продажу, помельче — для домашнего употребления.

Серёга парень из себя видный, кучерявый. Первый гармонист в деревне. И за словом в карман не лезет. Всякое обхождение знает, на все может ответ дать. По этой причине его для разговора и выбрали. Младший брательник, Кешка, тот еще простоват, застенчив. В остроте ума, находчивости Кешке с Серёгой не тягаться.

Отправляясь к инспектору, Серёга Бережных приоделся, в карманы брюк сунул две поллитровки. Время выбрал к вечерку, чтоб с Ангары холодком потянуло, скорей хозяина в избу загнало. Такой разговор всегда лучше за столом, не на улице вяжется.

Несмотря на вечернюю пору, инспектор еще копошился во дворе — смолил перевернутую лодку, густо промазывал разохшиеся пазы.

— Здорово, сосед!

— Здравствуй.

Инспектор оторвался от работы, выпрямился, сунул лохматый квач в ведро с кипящей смолой.

— Сергей Бережных, здешний житель, — предста-

вился рыбак, уважительно протянул твердую, как дощечка, руку. — Будем знакомы.

— Осетров.

Про себя Бережных отметил, что голос у инспектора резкий, командирский, голубые глаза смотрят не мигая, и весь он какой-то угловатый, неуютный.

— Фамилия у тебя, друг, подходящая, — осторожно посмеялся Бережных. — Самая рыбацкая. В аккурат к должности подходит.

Осетров шутку принял, не обиделся. Но улыбнулся как-то чудно: одним уголком рта, быстро, будто щекой дернул.

Бережных присел на толстую колоду, всю иссеченную топором, Лысина всегда колот на ней дрова.

— Нашей, сибирской масти будешь или из других краев?

— Приезжий.

Разговор не вязался. Осетров продолжал стоять, в избу не приглашал. Отвечал коротко.

— К сезону готовишься? — кивнул Бережных на лодку. — Нашего брата, рыбака, ловить?

— Браконьеров, — уточнил инспектор. — А ты что, тоже из их числа?

В первый раз с начала разговора что-то вроде любопытства промелькнуло в холодных глазах инспектора.

— Ну-у... скажешь тоже! — преувеличенно сконфузился Бережных, скромно опустил взгляд, зачертил щепкой по сырой земле. — Понятно, рыбачу помаленьку. Так у нас испокон веку вся деревня рыбачит. По воде ходить да не замочиться?

— Рыбалка рыбалке рознь, — твердо отрубил Осетров. — В положенное время, разрешенной снастью — пожалуйста. Но не в нерест, и не сетями.

— Неуж с удочкой на Ангаре сидеть? — насмешливо скривился Бережных. — Вместе с детишками? Смеху подобно! Или рыбы в реке убудет, ежели сеть забросить?

— Об этом за нас с тобой закон рассудил.

— Зако-он... У нас, знаешь, как говорят? Тайга — закон, медведь — прокурор. Наши места вольные, нам никто не указчик. И чем с народом собачиться, куда лучше в дружбе жить. К слову пришлось: давай за дружбу выпьем! А?

Бережных вытащил из кармана бутылку, пощелкал по этикетке ногтем:

— «Столичная»! К празднику завезли.

— За угощение спасибо, но пить не буду.

— Что так?

— Доктора запретили.

— Доктора-а?..

Бережных даже растерялся. Черт-те что! Мужик, а — не пьет! Врет, поди? Слыханное ли дело, чтоб мужик водку не пил! Да ее бабы, и те в лучшем виде хлобыщут!

— Шутишь, друг?

— Какие шутки? В танке горел. Пищевод повредило. И вот... — Осетров бегло коснулся своего лица, изрытого шрамами.

Со двора инспектора рыбоохраны Сергей Бережных ушел в глубоком раздумье. Рушилась главная надежда рыбаков деревни: спoitь инспектора не удастся, водочка ему ни к чему.

Отчет сына Иван Трофимович выслушал в угрюмом молчании.

— Дурак! Что-нибудь ты ему не к месту ляпнул. Вот он и закобенился.

— Сами сходите, папаша, удостоверьтесь, — обидчиво возразил Серега.

— И схожу.

Для приличия Иван Трофимович выждал пару дней. Влез во двор через узкую калитку, кряжистый, плотный, огладил черную, с проседью, окладистую бороду, хозяйственно осмотрелся вокруг.

— Почтеньице начальству! — Кинул к фуражке два пальца, солидно крякнул, еще раз огладил бороду, задержал в кулаке. — Обустроился на новом месте? Как звать-величать-то тебя?

— Виктор Николаевич.

— Хорошее имя. У меня внучонка Витькой кличут. Пострел малый! А где ж хозяйка твоя, Виктор Николаич? Ай нет ее у тебя, бобылем живешь?

— В июле прилетит.

— И ребята есть?

— Двое.

— Славно. Без детей дом сирота. А пока холостякуешь, выходит?

— Выходит, так.

— Задача! Ну, сготовить, это, положим, не вещь. Самому можно. Чего проще. А бельишко постирать? Починить что из одежды? Трудно без бабы! Ты вот что, паря, пока твоей хозяйки нет, бельишко моей старухе таскай. В лучшем виде стирает. Еще и погладит, и подштопает.

Иван Трофимович говорил, благожелательно улыбаясь, самым задушевым голосом. Но в черных зрачках все билась острая искорка, беспокойный взгляд пыливо ощупывал инспектора.

— Если вашу жену это не стеснит...

— Какое может быть стеснение? Чай, соседи! Бога теперь не стало, а все одно: человек человеку брат. Вот и в Программе так писано... Я к тебе по-хорошему, и ты ко мне с добром. Верно? К примеру, может, ты с деньгами сейчас подбился — переезд, то, се... — так ты не стесняйся, скажи. Много не могу, а сотенку всегда займу. Ваше-то жалованьишко известное...

— Занять — не штука. А чем отдавать?

— Ну, как ни то обернешься. На каком другом деле подзаработашь.

— Нет уж, лучше на свою зарплату рассчитывать. По одежке протягивать ножки, — скупое усмехнулся Осетров.

— Гляди, дело твое, — насупился Иван Трофимович. — Тебе жить. Я ведь по-дружески, не как-нибудь.

— Понимаю...

Помолчали.

— А что это ты, Виктор Николаич, бороду отпустил? — переменял тему разговора Иван Трофимович, опускаясь на бревно. — Эхе-хе, нет правды в ногах... Теперь старики — и те бреют. Мне-то простительно, седьмой десяток распочал, а тебе едва ль сорок стукнуло?

— Сорок один. В танке горел. Лицо опалило. Вот шрамы и закрываю бородой. Все поприличней.

— А-а... Танкист, значит. А я думал — из-за моды, под вид кубинца. Выходит, верно люди бают: через это ранение тебе и пить нельзя?

— Верно.

— Це-це-це... — сочувственно поцокал языком Иван Трофимович. — Скажи, жалость какая! Ну, на фронте — танкистом, а в гражданке кем? По рыбному-то делу давно?

— Третий год. Вообще-то я механик, автомобилист.

— Зря прежнюю работу бросил. Зря! — строго сказал Иван Трофимович. Даже пристукнул кулаком по коленке.

— Это почему же?

— Очень уж должность твоя щекотливая. С одной стороны — казна требует, с другой — народ обижается. Вот тут и сообрази. А народ обижать нельзя. Не-ет, нельзя! Сам-то ты городской или сельский житель?

— Городской.

— Вот видишь... Слушай, Виктор Николаич, я тебя, брат, остеречь хочу. — Иван Трофимович потянул Осетрова за пуговицу пиджака, заставил сесть рядом с собой на бревно. В голосе зазвучала почти родственная ласка. — Наша деревня глухая, таежная. Сказано — Кержаки! Старики бают: раскольники сюда бежали, от царя скрывались. Ну, понятно, всякий народец подобрался. Вольница. Есть такие ухари — свою-то жизнь в копейку не ставят, а чужую и подавно. Охотники, сплошь с оружием... Тут долго ли до греха? Не дай бог, возьмешь круто, осерчает народ, что будет? Лодку не просверлят, так из-за сосны пулю впелят. А там — камень на шею и в Ангару, налимам на обед. Как говорится — концы в воду... Смекаешь? А милиционер аж в райцентре. Ближе нет. Двести километров бездорожья. Пока доберется, Ангара тебя уже в Енисей сволокет. Чего хорошего? Осмотрись, голубок, богом прошу, не зарывайся! Чтоб через рыбу эту жизни лишаться?

Осетров слушал внимательно, не перебивая. Но по его лицу Иван Трофимович не мог понять ничего. Губы плотно сжаты, голубые глаза смотрят в упор, почти не мигая. «Сучий глаз! — озлобленно подумал старик. — Ишь, гляделки вылупил! Втемяшил я ему что в башку, ай нет? Вот уж чадушко свалилось на нашу голову. Как спокойно с Лысиной было!»

— Вы мне таких страстей тут наговорили, что я теперь ночь не усну, — разомкнул наконец сжатые губы Осетров. — Откровенная издевка прозвучала в его голосе. — Или в Кержаках и Советской власти нет, одни браконьеры правят? А коммунисты, а комсомольцы? Кто посмеет родную природу губить — всех скрутим!

Иван Трофимович хотел что-то возразить, но Осетров не дал ему заговорить, поднялся с бревна, стал на-против старика, качаясь на носках, пружинистый, гибкий.

— Запомните сами, папаша, и тем, кто вас послал, тоже скажите — кончился разбой на Ангаре!

— Так, значит? — тоже поднялся с бревна Иван Трофимович, распрямил спину, держась за поясницу.

— Значит, так.

— Ну, гляди, танкист, — недобро усмехнулся Иван Трофимович, яростно сжимая и разжимая кулаки. — Гляди... Против общества идешь?

— Против браконьеров. Фашистам хребет сломали, а уж с этими хищниками как-нибудь справимся.

Пролезая боком в калитку, Иван Трофимович еще что-то гудел, но инспектор уже не слушал его; засучив рукава, залез в нутро лодочного мотора, вытащил оттуда какие-то стальные кишочки, бережно опустил их в керосин.

3.

В воскресенье Осетров выступил в клубе перед началом киносеанса. В передние ряды густо набилась ребятня. Средние скамейки заняла молодежь. Сзади уселись степенные колхозники, почтенные отцы семейств. Среди них полскамейки заняла и семья Бережных: сам Иван Трофимович с женой, дочка Дуняша и сыновья Сергей и Кешка. Братья задирали сидящих впереди девок, дурашливо зубоскалили меж собой:

— Сейчас инспектор толкнет нам речугу. Дескать, нехорошо рыбок забижать.

В рядах зафыркали. Ох уж, этот Серега! И скажет же!

Никто из рыбаков деревни не ждал ничего существенного от выступления инспектора рыбоохраны. Ну что он им может наболтать? Что скоро начнется нерест, запрещен будет вылов рыбы всеми способами? Стара песня! Каждый год запрещают, а толку? Вся деревня садится в лодки и ставит самоловы, глушит рыбу взрывчаткой, бьет острогой. А Иван Бережных, тот вовсе исхитрился, говорят: электрический разряд динамой делает, вся рыба кверху пузом всплывает. Во, мужик! Голова! Технику, язви его, приспособил...

А может, насчет рыб пояснить чего инспектор собрался? Обратно ж чепуха! Учи ученого... В Кержаках последний малец и тот до тонкости рыбы повадки знает. Где на перекате хариус на зорьке играет, в каких ямах

таймень днем стоит, чем ленок кормится, куда прочая рыба после нереста уходит...

Все же клуб заполнился до отказа. Пришли даже те, кого вовсе не интересовали ни Бабетта, ни ее похождения среди гестаповцев. Надо ж на нового инспектора поглядеть? Что за человек? Любопытно. Лысина, тот и не просыхал от водки. А этот, толкуют, в рот не берет. Бороду, как у кубинца, отрастил. Чего-то с лодкой мастрячит...

Начал Осетров негромко, и сначала возня ребятишек, взвизгивания девок, смешки парней наполовину заглушали его голос. Но уже через несколько минут зал затих в напряженном внимании. Открывались диковины, о которых самые опытные рыбаки Кержаков понятия не имели.

— Рыба все больше кормит человечество, — приятным, хотя и резковатым баритоном спокойно рассказывал Осетров. Инспектор стоял перед тяжелым малиновым занавесом, высоко подняв голову, сцепив пальцы рук за спиной, и выпуклая, бочонком, грудь еще больше выдавалась вперед, придавая воинственность всему облику лектора. — Обитает она всюду. Приспособляемость ее поразительна. Обнаружены глубоководные рыбы, обитающие ниже шести тысяч метров от уровня воды. Они испытывают давление свыше шестисот атмосфер. Такого давления не выдержит даже новейшая атомная подводная лодка.

Шепот удивления прокатился по залу.

— Рыбы живут в промерзающих до дна озерах и болотах Крайнего Севера, в горячих ключах Калифорнии и Туниса, — продолжал Осетров. — В самых верхних слоях воды и на такой глубине, где царит вечный мрак, глаза бесполезны и поэтому атрофируются, зарастают непрозрачной кожей. В водах Индии, Бирмы, Зондских островов живет рыбка анабас. Местные жители зовут ее «древолозom», потому что она взбирается на стволы прибрежных пальм; эта рыбка по пять суток обходится без воды. Есть рыбы прилипалы. Жители Кубы пользуются ими для ловли черепах: пускают прилипал на веревке вдогонку за черепахами, дают им присосаться и тогда вытаскивают черепах как на аркане. В Бразилии есть электрический угорь. Он дает разряд такой силы, что мгновенно, как молнией, убивает и оглушает

всех рыб и даже мелких животных вокруг себя.

— Во, батя! Нам бы парочку таких угрей для рыбалки, — смешливо сказал Серега отцу.

— Тише, ты! — свирепо цыкнул на него Семен Сизых. Колхозник сидел неподалеку и слушал с таким вниманием, что даже приоткрыл рот.

Сереге очень хотелось съязвить: «Ты лучше свое ботало прикрой!», но из осторожности он смолчал. С Семеном накладно вздорить. Не дай бог осерчает: приварит плюху, неделю будешь к фельдшеру ходить. Бугай, не человек!

А Осетров вел все дальше свой рассказ о диковинных рыбах в разных морях и океанах. Слушатели чуть не ахали. Надо же! Сколько чудес на белом свете! Одна южноамериканская пиранья чего стоит. Настоящая пиратка! Сунь в реку пальцы — в момент откусит. У быков, у лошадей мясо кусками выстригает. Если стая напала, а до берега шагов тридцать — каюк! Спасенья нет. Не успеет бык на берег выскочить, как до костей объедят. А уж о человеке и толковать нечего. В секунду прикончат. Да что человек! На крокодила нападают!

А меч-рыба? Страшилище!

— В Британском музее хранится часть судна, выпиленная из китобойщика «Фортуна», — рассказывал Осетров. — В нем сидит обломленный меч этой рыбы. Он пробил медную обшивку судна толщиной в два сантиметра, доску под ней толщиной восемь сантиметров, крепкое дубовое бревно в тридцать сантиметров и еще пронзил дно бочки с ворванью. Меч-рыба пробивает оба борта дубовой лодки и человека между ними с легкостью, как яичную скорлупу.

Снова гул изумления прошел по рядам.

Прочно завладев вниманием слушателей, Осетров незаметно перешел к другой теме.

— Рыбы обладают огромной воспроизводительностью. Но у них очень много врагов. Мальков из миллиардов икринок выходит в тысячи раз меньше, а из миллиардов мальков лишь ничтожный процент доживает до взрослого состояния. Рыб истребляют хищные рыбы, амфибии, птицы, млекопитающие. Все больше вылавливается рыбы человеком. Вон уже китов бьют в водах Антарктиды! И только человек может спасти многие ценные породы рыб от полного уничтожения. Здесь сидят

и старики. Пусть они скажут, как раньше ловилась рыба в Ангаре?

— Куда лучше! — вразнобой зашумели старики, польщенные обращением к ним за справкой. — Сравнения нету! Тогда осетра на пять-шесть пудов запросто брали. Хариус кишел...

— Слышите? — подхватил Осетров. — А почему? Да потому, что рубим сук, на котором сами сидим, не думаем о наших детях, не щадим рыбу даже в период нереста. А ведь дети спросят с отцов, что они им в наследство оставили! Крепко спросят!

Выступление инспектора рыбоохраны расшевелило многих. Пока не погас свет, не застрекотал киноаппарат, в разных углах клуба ожесточенно спорили:

— Подумаешь, страсти-мордасти... Хватит рыбы на наш век, еще и детям останется.

— А по-моему, дело человек говорит. Укоротить надо таких, как дед Бережных! Этот всю молодежь в распыл пустит, абы кубышку потуже набить.

Когда кончилось кино, народ хлынул на улицу, Семен Сизых тронул инспектора за плечо.

— На минуточку вас можно? Неуж правда, что вы нам говорили?

— Что именно?

Осетров с любопытством оглядел плечистого, рослого колхозника. В каждом его неторопливом движении угадывалась богатырская сила. Белокурые усы прикрывали улыбчивый рот. В чертах широкого лица сквозили добродушие и юмор.

— Да вот, будто говорит рыба? — пояснил свой вопрос богатырь.

— Ну, не говорит, положим, — улыбнулся Осетров, — а издавать звуки может. Это наукой установлено точно. Даже предупреждать друг друга об опасности, об изобилии корма. Человеческое ухо просто не слышит звуков такой частоты.

Тот факт, что рыба вовсе не немое существо, как он был убежден раньше, почему-то особенно взволновал Семена. Выходило, что рыбы, которые попадали в его сети и на крючки, пронзительно кричали там, под водой, стонали на свой лад, может быть, даже звали на помощь! Думать об этом было странно и неприятно.

Пока дошли до избы инспектора, Осетров успел еще

кое-что рассказать Семену о повадках, особенностях и удивительных качествах рыб разных пород. Получалось совсем чудно: всю жизнь Семен прожил на Ангаре, тридцать лет рыбачил, а не знал многого даже о сибирских рыбах. Ну кто б мог подумать, что форель даже не ближайшая родственница, а всего-навсего мелкая разновидность морского тайменя! Ученые вывели рыбок из икры форели, пустили их в море, и те превратились в самого настоящего тайменя!

— Тьфу, провалиться б тебе! — возбужденно сплюнул Семен. — Вот уж истинно: век живи, век учись, а дураком помрешь!

Колхозники давно уже разошлись по избам, в окнах начал гаснуть свет, а Сизых все еще расспрашивал Осетрова.

— Да, а что ж это я тебя у калитки держу? — спохватился инспектор. — Давай заходи. Гостем будешь.

Любознательный деревенский силач все больше нравился Осетрову. «Вот бы такого помощника себе залучить!»

В избе инспектор нарезал колбасы, вскипятил чай. Потрогал горло, смущенно улыбнулся:

— Извиняй за угощение, Семен, но некому сготовить. Хозяйки еще нет, одним чайком побалуемся. Водку пить мне фронтовое ранение не позволяет.

Сизых подсел к столу, придвинул к себе стакан.

— А я, признаться, небольшой охотник до водочки. Не одного она в беду завела. Помню, жил через двор от меня мужик. Всем взял — силой, сноровкой; из себя видный. А начал попивать, куда все делось?..

Полчаса спустя Осетров горячо убеждал Семена:

— Ты, я вижу, человек с душой, неравнодушный к природе. Так помоги же мне! Ну что я один, без общественных инспекторов, сделаю? В пустой след на моторке мотаться? Каждую протоку обшаривать? Поди поймай браконьера! У меня один ход, у него тысяча!

— Эт точно. Промеж наших островов днем-то заплутаешься, — густым басом подтверждал Семен. — Обрат-но ж места надо знать. Где рыба играет, где нерестится. Ангара велика, всю не облазишь.

— Вот видишь! Сам же говоришь, — наседал Осет-

ров. Лицо у него разгорелось от волнения. Шрамы обозначились отчетливей.

— Эк тебя, брат, война покалечила! — тихо сказал вдруг Семен. Совестьливо добавил, потупясь: — А я вот и пороху фронтового не нюхал... — Положил тяжелую руку на плечо Осетрова, с неуклюжей лаской потрепал по спине. — Хлебнул горюшка по ноздри, танкист? И обратно вроде как на фронт угодил! У нас ведь всякие душегубы есть. Пальнуть даже могут...

— Волков бояться — в лес не ходить. А вот где их, волков этих, искать, ты мне это, Сеня, подскажи!

Сизых неожиданно сконфузился, поднял глаза к потолку, с преувеличенным вниманием начал разглядывать стены избы.

— Это что у тебя на картинке обозначено?

— Брось ты эту картинку, — улыбнулся Осетров. Великан все сильнее привлекал его к себе. «Цены нет парню. Только б согласился мне помогать».

— Так ведь я тоже... это самое... — с трудом заговорил Семен после долгой, мучительной паузы, откашливаясь, облизывая толстые губы.

— Что? — поощрительно, помогая, спросил Осетров.

— Ну... рыбкой балуюсь, — с отчаянием, словно бросаясь с кручи, договорил Семен. — Не так, понятно, как дед Иван Бережных или другой кто, не на продажу, а семейству. Но тоже, случалось, и сетенку закинешь, и самолет поставишь...

Осетров с трудом сдержал смех. Было что-то необыкновенно привлекательное в этом бесхитростном человеке, в том, как он сокрушенно признавался в своем браконьерстве, освященном давностью деревенских традиций.

— Быль молодцу не укор, — мягко сказал Осетров. — Кто в деревне рыбу не ловит? Но уже то важно, что ты не на продажу ловил, как другие, не зверствовал над рыбой, не губил взрывчаткой, электротоком. А теперь, раз не хочешь Ангару обезрыбить, будешь и запрет соблюдать, на время нереста. Будешь ведь?

— Буду, — с усилием сглотнул какой-то комок в горле Сизых. — Слово!

— Ну и чудесно. Значит, договорились мы с тобой?

— Об чем? — испугался Сизых.

— Что я тебя общественным инспектором рыбоохра-

ны выдвигаю? Утвердят, выдадут тебе значок, удостоверение...

— Погоди, Виктор Николаич, погоди, брат! — взмолился Сизых. Утер рукавом пот со лба, смешно надул щеки. — Как ты все это сразу... Ну какой из меня инспектор? Сам рассуди, что мне односельчане-то скажут: «Вчера сам, гнида, с нами рыбалил, а нынче инспектором, язви его, заделался!»

С минуту Осетров молча смотрел на растерянного богатыря.

— Ну хорошо. Давай тогда так: значок, бумагу мы тебе пока подождем давать. И что общественным инспектором зачислили, помолчим. А ездить будем вдвоем. Познакомишь меня с рекой: протоками, островами, отмелями, нерестилищами. Только и всего. Согласен? «Дойдет до стычки с браконьерами, сам, дядя, не удержишь в лодке!»

— Это другой коленкор, — сразу повеселел Сизых. — По рукам.

И так хлопнул своей мозолистой ручищей по ладони инспектора, что Осетров едва не охнул от боли.

4.

Отлажена лодка: тщательно просмолены все пазы, очищено днище, заменены проржавевшие уключины. Заново перебран мотор, двенадцатисильный Л-12 (вот когдагодились навыки автомеханика!). Пришлось не только подтянуть подшипники, счистить нагар, отрегулировать магнето, но и сменить поршневые колечки, свечи, кое-какие прокладки. Лысина довел мотор до ручки. Как, впрочем, и все рыбоохранное хозяйство.

Теперь многодневные хлопоты позади. Сизых сидит на носу лодки, Осетров управляет рулем. На коленях у него раскрытый блокнот. Легкими штрихами в нем набросан эскиз Ангары: очертания берегов, острова, приметные мысы; условными значками помечены мелководья, перекаты, песчаные отмели. Идет глазомерная съемка реки.

Нос лодки с силой рассекает воду. По обе стороны его кипят белые бурунчики. Ровно стрекочет мотор. Сизый дымок растекается по воде, приклеивается к ней, подолгу стоит на месте, не исчезая. От Ангары тянет хо-

лодом. Солнце греет и светит исправно, но по берегам все еще дотаивают метровые льдины, остатки ледохода.

Местами Ангара растекается вширь, блестит на перекатах до того, что глазам больно. Сплошная сосновая грива по берегам отступает дальше. Тогда становится особенно понятно, какая это огромная, полноводная река. А иногда высокие мысы, сложенные из крепчайших сибирских траппов, сродни базальтам, теснят в каменных щеках Ангору, и она, свивая свои тугие водяные мускулы, сразу набирает скорость, грозно ревет и одновременно злобно всхлипывает у подножья скал, полная ярости на них. Лодка сразу замедляет ход, с трудом движется вперед в беспорядочной водяной толчее.

— Не дай бог в таком месте кувырнуться, — опасно говорит Семен, глядя на белые гребешки скачущих волн. — Нипочем не выплыть.

— Я думаю, из Ангара в любом месте мудрено выплыть, — замечает Осетров, опуская руку в воду. Вода сразу студенит ее. Уже через несколько секунд рука немеет, ее ломит от холода.

— Пожалуй, — с довольным видом соглашается Семен. Ему приятно, что инспектор уважительно отзывается о реке, на которой он, Семен Сизых, родился и вырос.

— Смотри, смотри, это что? — удивленно кричит вдруг Осетров.

По прибрежной гальке шустро бежит какой-то зверек, вроде крысы, мокрый с головы до ног. Шерсть слиплась на нем косичками. Но вместо того чтобы скрыться в лесу, зверек лезет под льдину, истекающую струйками воды.

— Ондатра. Американская мускусная крыса, — с самодовольной улыбкой объясняет Семен. Ага, значит, не все знает Виктор. Кое-чего и ему пояснить нужно. — Ее тут сила. Завезли, выпустили, вот она и прижилась.

Через километр пути — новое диво. Целая стена на берегу выложена из циклопических правильной формы каменных блоков. Неужели это слепой случай, игра природы? Уму непостижимо! Осетрова мучит любопытство, но неловко задавать такой дикий вопрос Семену. Ну, кто же кроме самой природы мог возвести в этой глухой тайге такой каменный бастион? Но до чего же правильная кладка! Вон даже швы видно...

Сомнение оставляет Осетрова только тогда, когда

лодка подходит совсем близко. Теперь отчетливо видно, что блоки образованы трещинами в монолитной каменной стене, что не все они прямоугольны и одинаковы, в швах нет и в помине следов цементного раствора. Но иллюзия поразительна!

Час спустя впереди открываются три лесистых острова. Они стоят «немецкой свиньей». Осетров вспоминает, что уже видел их с воздуха, подлетая к Кержакам. Тогда они напомнили ему танки, идущие клиновидным строем.

— Лосята! — кивает на острова Семен, и Осетров восхищенно крутит головой.

До чего же метки русские народные прозвища! И впрямь — лоси! Щетина молодых сосенок по скалистому гребню напоминает загривок могучего лося, а вот и его характерная вытянутая морда, жадно припавшая к воде. Чем не лоси, забредшие в Ангару, чтоб утолить жажду?

— Метко схвачено!

— Народ ска-ажет, — с гордостью отзывается Семен.

Воздух над Ангарой так чист и прозрачен, так напоен смолистым ароматом, доносящимся даже сюда, на середину реки, мягкие очертания дальних лесистых холмов, глубокое синее небо над головой с легкими перистыми облачками в зените, живой плеск воды так будоражат душу, что невольный восторг овладевает Осетровым. Что за красота! Что за дивная природа!

— Ангара ты моя, Ангара, — вслух произносит Осетров. Ему хочется сложить песню о красавице реке. Кажется, еще немного, еще чуть-чуть — и сами собой повернутся рифмы, с языка потечет вдохновенная песня о сибирской любимице, своенравной дочери седого Байкала, нареченной льдистого Енисея...

Но Семен разбивает поэтический порыв:

— Чего бормочешь, Николаич?

— Эх, перебил! — с досадой восклицает Осетров. — Тут песню хотелось сложить, а он... Вот тебе за это, вот!

Осетров бьет Семена в чугунный заслон груди. Сизых возвращает толчок, умеряя силу, чтобы не выбросить инспектора из лодки. Расшалившись, как малые ребята, они хохочут, плещутся водой, возятся... Лодка качается с борта на борт, того и гляди перевернется, потом описывает широкую дугу и, никем не управляемая,

идет к берегу. Крупный серо-зеленый хариус, стремительный, как торпеда, проносится подо дном лодки и ко-со уходит в мерцающую глубину.

5.

За три дня до вступления в силу весеннего запрета на ловлю рыбы, на самом видном месте крохотной бухточки, где отстаивалось большинство лодок деревни. Осетров вкопал прочный столб и укрепил на нем фанерный лист с текстом предупреждения. А наутро увидел: фанера перечеркнута жирным крестом: внизу, тоже дегтем, печатными буквами выведено: «А... не хочешь?» Браконьеры бросали прямой вызов инспектору рыбоохраны.

В тот же вечер к Осетрову пришел Семен, привел с собой зверовидного кобеля, черно-пегого, с яркими желтыми пятнами у маленьких свирепых глаз.

— Держи, Виктор Николаич. Привяжешь у своей лодки, чтобы ночью какой гад мотор не покалечил. Не головку разобьют, так песку в цилиндры подсыпят. А Ураган никого и близко не подпустит. Враз раскатает. Он у меня медведя на зад сажает.

— Спасибо, Сеня! — от души поблагодарил Осетров. — Я, признаться, и сам подумывал: как мотор уберечь? Будь он навесной, домой бы на ночь утаскивал. А такую дуру куда денешь? Стационар. Полтора ста килограммов. Только как мне самому-то к Урагану приступить?

— Это запросто. Он у меня смекалистый пес. Умственный. Только что говорить не может. Ураган! Смотри сюда. Хозяин. Понял? Хо-зя-ин, — раздельно, по слогам, повторил Семен, похлопывая инспектора по плечу. И передал ему конец цепи. — Веди.

Не без опаски Осетров шагнул вперед, нерешительно потянул за собой цепь. Но Ураган действительно послушно пошел следом.

Минуло трое суток.

В первый запретный день Осетров выехал еще затемно. Над Ангарой стоял туман. Лишь кое-где в разрывах слабо мерцали рассветные звезды.

Очертания берегов, островки, мысы скрывались в тумане. Но не даром весь последний месяц Осетров провел на реке. Каждый ее изгиб, протока, отмель прочно

отпечатались в памяти. Уверенно ворочая рулем, он направлял лодку к Щучьей косе, излюбленному нерестилищу хариусов.

Радостное возбуждение владело Осетровым. Сегодня он даст первый бой хищникам, губителям живой природы.

Осетров ненавидел браконьеров. В этой ненависти к нарушителям закона, интересов государства, примешивалось и свое, личное.

Давным-давно, еще мальчонкой, живя в Донбассе, близ химического завода, Витька Осетров увидел однажды, как сотни ельцов, голавлей, щук вдруг полезли на берег степной речушки, постоянной утехы шахтерских ребятишек. Задыхаясь, беззвучно разевая рты в предсмертной муке, рыбы все же выбрасывались вон из воды — завод сбросил в речку отходы фенола. В тот день весь берег усеялся белыми трупиками. Витька и помыслить не мог, что их мелководная речушка так богата рыбой. Бродячие псы и кошки попиروвали на славу.

Картина массового самоубийства беззащитных существ потрясла мальчика, навсегда врезалась в память.

Насмотрелся паренек, переехав с отцом-сталеваром на Урал, и на браконьеров. Видел, как они швыряют в воду аммональные шашки с запалом, а после собирают всплывших рыб, тех, что покрупнее, отшвыривая погибшую молодежь; жадно суют добычу в жестяные ведра, а потом продают ее на рынке, пересчитывая замусоленные пятерки грубыми толстыми пальцами. Осклизлые тушки с белесыми глазами на оцинкованном прилавке ничем не напоминали тех красивых и ловких рыбок, которые так весело сновали вокруг Витьки, когда он купался и брызгался в прохладной заводи, подныривал под таинственные лохматые коряги.

Сердце вдумчивого, не по годам серьезного паренька, щемило при виде всякого разбоя, надругательства над родной природой. Он швырял камнями в пьяных, ломавших стволы молоденьких березок. Мешал мальчишкам разорять гнезда птиц, лесные муравейники, мучить животных, попавших к ним в руки. С годами любовь к живой природе стала второй натурой Виктора. Он чувствовал себя в ответе за всю меньшую братию, что доверчиво порхала вокруг него в воздухе, шуршала в травах, колалась в земле.

Должность инспектора рыбоохраны явилась для Осетрова логическим завершением его давних устремлений.

Небо на востоке порозовело. Туман поредел, колыхаясь, оторвался от воды, поднялся кверху. Впереди открылась Щучья коса. Возле нее две моторки медленно сплывали по течению. Осетров вскинул бинокль. Восьмикратные линзы приблизили браконьеров вплотную. «Егор Даниленко и Серега Бережных. Сплавными сетями работают, подлецы!»

Поворот регулятора — и мотор сразу прибавил обороты. Лодка прыгнула вперед. Резкий звук выхлопа усилился.

Осетров отчетливо видел в бинокль, как оба браконьера разом оглянулись на звук, кинулись к моторам. Минута-две — и сети выбраны, брошены на дно лодок, а сами лодки стремительно набирают ход. Осетров повернул регулятор до отказа. Пенистые буруны у носа его лодки поднялись еще выше. Какое-то время инспектору казалось, что он нагоняет браконьеров. Но исход гонки определился очень быстро: не его тихоходному мотору было тягаться с «Москвой»! Браконьерские лодки неслись, как глиссеры, наполовину высунувшись из воды, оставляя позади расходящиеся водяные усы. С каждой секундой расстояние между браконьерами и их преследователями увеличивалось.

— Э-эй! Буксир не надо? — донесся с лодок издевательский окрик. Бережных и Даниленко дружно ржали, потешаясь над бессилием инспектора рыбоохраны.

У Осетрова потемнело в глазах. Он выхватил из кобуры наган. Холодящая тяжесть привычно скользнула в ладонь.

— К берегу! Иначе стреляю! Раз...

Но браконьеры и не думали подчиняться приказу. Они прекрасно знали, что инспектор имеет право стрелять только при самообороне. Ни один суд не оправдает Осетрова, вздумай он сейчас пустить в них пулю. Да и попробуй попасть за полтора метра из пляшущей моторки да еще из нагана! Плевали они на его пукалку!

Браконьеры не ошиблись. Осетров не дал даже предупредительного выстрела в воздух; опомнясь, сунул наган в кобуру. «Ушли, сволочи!» Потом пнул сапогом

мотор. «Дохлядь чертова! Покойников на тебе возить...»

Утренняя неудача оказалась первой, но не последней. Весь день Осетров метался по Ангаре в тщетной попытке задержать хоть одного браконьера. Куда там! Хищники шутя уходили от него на своих быстроходных моторках, не подпуская даже на выстрел.

Иногда инспектор находил впопыхах обрезанные саомолы. На уцелевших крючках еще бились, замирая, израненные самки хариусов. Переполненные икрой белые брюшки рыб судорожно сокращались. Самки не успели исполнить извечный закон природы — принести обильное потомство. А сколько их сорвалось полуживыми с этих ужасных крючков, ушло, оставив на них куски своего мяса, чтобы вскоре же погибнуть от ран!

Стиснув зубы, Осетров бережно освобождал и выпускал самок. «Пусть хоть умрут на свободе». Вяло мотнув хвостом, рыбы ныряли под днище, растворялись в зеленоватой воде.

Солнце зашло за Девий мыс. Вечерние тени легли на реку. Стало холодно.

А погоня все продолжалась.

Дважды, выключив мотор, прячась в густеющей тени прибрежного тальника, Осетрову удавалось близко подкрасться к браконьеру. Так близко, что у того уже не оставалось времени выбрать сеть. Но и тут разница в скорости выручала хищника: бросив сеть, вдоволь попетляв между островами, он уходил-таки от погони.

Ночью преследование стало и вовсе бесцельным. Шум инспекторского мотора разносился по воде на добрых три километра. Вдобавок он отличался по звуку от выхлопа подвесных моторов «Москва». Инспектор сам оповещал браконьеров о своем приближении! Все без исключения их лодки были оснащены только моторами «Москва». Получалось что-то вроде игры, когда человек с завязанными глазами пытается поймать зрячих...

Голодный, измученный до предела, Осетров вернулся домой только под утро. Долгое нервное напряжение истощило силы. Едва замкнув лодку, оставив ее под охраной Урагана, даже не поев, повалился на кровать. Но и во сне поминутно дергался, глухо вскрикивал, шарил вокруг себя: переживал заново события бурного дня.

Разбудил Осетрова Семен Сизых. Входя в сенцы, за-

цепил плечом железное корыто, оставшееся еще от Лысины, с грохотом обрушил его на пол.

Принагнувшись в низких дверях, богатырь вошел в избу, сел в ногах у инспектора на кровати.

— Худо, Николаич?

Осетров вздохнул, с силой провел ладонью по лицу сверху вниз, словно умываясь после сна, пригладил всклокоченные волосы.

— Худо, Сеня. Надо бы хуже, да не бывает!

— Нд-а-а... Бают на деревне: мы-де инспектора вокруг пальца обведем, — озабоченно сообщил Сизых. — Под носом всю рыбу повыловим. Куда ему на своей стукалке за нами угнаться!

— Похоже на то. Понадеялся я на свой мотор, а выходит, зря.

— А куда ж власть смотрит? — с обидой в голосе спросил Семен. — Что ж она сама себя конфузит? Да у тебя наипервейшая лодка должна быть! Чтоб всем прочим сто очков вперед давала. Чтоб духу твоего боялись! А это что ж за насмешка получается?

— Да, нет еще у рыбоохраны нужной техники. Нет ее и у автоинспекции. Я на автобазе работал, насмотрелся. Лихач на новенькой «Волге» сто тридцать выжимает, а автоинспектор за ним на разболтанной лайбе гонится.

— Так почему ж в Москву не напишешь? Чего молчишь?

— Время не ждет. Пока мы переписку будем вести, на Ангаре все нерестилища очистят.

Во второй рейд Осетров вышел вместе с Сизых. Но и это не помогло. Да и чем мог помочь инспектору Семен, сидя в его лодке? Своей моторки Сизых еще не завел, обходился пока веслами.

Один раз Осетров вцепился в браконьера мертвой хваткой: отжал его от островов, погнал вниз по реке, к деревне. Но тот набрал полную скорость и, пока инспектор доплыл до Кержаков, браконьерская лодка уже стояла на причале в стае других лодок, улов исчез, на чисто вымытом дне не нашлось ни чешуйки. А хозяин лодки стоял тут же и с самым незаинтересованным видом щелкал кедровые орешки в куче парней.

— Замаскировался? — с недоброй улыбкой спросил Осетров, обнажая золотой зуб. — Куда рыбу дел?

— Чиво-о? Да я сегодня и на реку-то не выходил! —

окрысился наглец. — Весь день лодка на замке. Вон Серега, Кешка, Тимка не дадут соврать.

— Точно! — дружно поддакнули парни.

Сизых только руками всплеснул при виде такого нахальства. Но ему не дали даже рта раскрыть:

— Ты еще тут, продажная душа! Начальству пятки лижешь?

Пошел было Осетров по дворам. Но хозяева замкнули шатровые саженой высоты ворота, спустили с цепи собак. Сунься! Да и ни к чему во двор рваться, с собаками воевать. Хоть и найдешь спрятанную рыбу, хозяин всегда отпрется: «Купил». — «Где?» — «На нижнем плесе какой-то мужик продавал. Задешево. Я и взял. Или уж и купить рыбы нельзя?» Не зря ж говорится: не пойман — не вор.

Толкнулся инспектор за помощью в сельсовет. Пусть все же разрешат обыск. И тут неудача. Председатель сельсовета, заросший дремучей щетиной инвалид на деревянной ноге, сочувственно почмокал губами, изобразил на лице соболезнование:

— Рад бы, но не могу. Права не имею. Только с санкции прокурора. Конституция... неприкосновенность жилища граждан...

Уже уходя, Осетров заметил под пестрядинным половиком, наспех собранным в углу, хвост большого тайменя. С порога презрительно бросил:

— Браконьеры лучше тебя концы хоронят. Блюститель!..

6.

В бесплодных метаньях по Ангаре истекла неделя. Осетров зарос до самых глаз, похудел, спал урывками, по три-четыре часа в сутки, днем, в самую жару, когда рыба переставала играть. Все остальное время он гонялся за браконьерами. «Хоть карты им путать, с нерестилищ спугивать буду. Пусть настороже держатся».

За целую неделю удалось завладеть лишь тремя потопленными сетями да парочкой брошенных самоловов. Скучная добыча! Осетров отлично понимал, что для браконьеров это булавочный укол. У каждого запасные сети — капроновые, а то так и из «жилки», которую рыба не видит в воде, идет в нее даже днем. Нет, поставить

лодку на прикол, конфисковать на все время нереста мотор — вот это удар! Хищников надо бить рублем. Ссадить их на берег, лишить орудий разбоя!

Конечно, можно было составлять протоколы, передавать их в правление колхоза. Оснований предостаточно: Осетров уже знал в лицо и поименно всех браконьеров деревни, которых он гонял по Ангаре, заставлял с поличным на незаконном лове. Но что толку? Это не горожане, с которых бухгалтерия в бесспорном порядке взыщет десять—пятьдесят рублей штрафа, а колхозники. Чихали они на трудодни! Один улов вдесятеро перекроет убыток. Рыбка-то в цене, килограмм идет у топографов и лесозаготовителей по два рубля. А икра? Сумей только засолить, а там вези ее хоть в Братск, хоть в Иркутск. Самолетом. Любой расход оправдается.

«Поторопился я, расхвастался перед старым волком, — с горечью вспоминал Осетров свой разговор с Иваном Трофимовичем. — «Фашистам хребет сломали, а уж с этими хищниками как-нибудь справимся». А вот и не справился, на всю Ангару опозорился».

Одна неотступная мысль сверлила голову: что делать? Как найти выход из тупика? Сменить лодку? Но никакой другой у рыбоохраны нет. Форсировать двигатель? Но Осетров и так уже снял с мотора ограничитель, рискуя разносом двигателя.

Оставалось одно: сменить мотор, поставить другой более мощный. Но в сельпо запись на лодочные моторы «Москва» уже втрое превысила годовой лимит магазина. Слетать в Братск, в Иркутск, походить по магазинам спорттоваров? Там и зимой-то лодочные моторы не лежат, а сейчас, в разгар сезона, их вовсе из рук рвут. Да и денег нет у рыбоохраны на такой расход. Двести с лишком рублей!

Надоумил все тот же Семен Сизых. Он болезненно переживал неудачу инспектора рыбоохраны, тоже много думал о том, как выйти из положения.

И надумал.

— Что я тебя, Николаич, спрошу. У тебя движок постоянный, не подвесной. Один черт его с лодки не сыпать. Так, может, какой автомобильный можно заместо этого слабака присобачить? Как ни то воткнуть в лодку? Ты ж сам механик, танкист! Или не пойдет дело?

— Автомобильный? — протянул Осетров. — Пожа-

луй, это идея. Мудрено, но попробовать можно. Только тогда и винт надо менять. В крайнем случае другие лопасти наклепать, побольше. Но где такой двигатель раздобыть? Откуда такую кучу денег взять?

— Не знаю, — сокрушенно почесал широкий затылок Семен. — Чего не знаю, того не знаю. Это уж ты сам, братка, пораскинь мозгами.

Толчок был дан. И мысль Осетрова заработала в нужном направлении. Надо связаться с районной автоинспекцией. Не подскажут ли там чего? А вдруг найдется — еще лучше! — списанный автомобильный двигатель? Старенький, завалящий, но мощный?

Назавтра Осетров вылетел в районный центр. А к вечеру того же дня стоял перед директором Лосинопадского леспромхоза Дементьевым.

— Выручите рыбоохрану! По данным автоинспекции, у вас еще с прошлого года стоит аварийный «Москвич». Мне бы только двигатель с него...

— Зачем?

— Поставить на свою лодку. Браконьеры распоясались. Грабят нерестилище.

— Хм! — Дементьев вытер обветренное жирное лицо платком, с хитрецей прищурил выпученные мутные глаза. Двойной подбородок лег на грудь, большая стриженная голова бодливо кивнула. — На аферу подбиваешь, инспектор? Машина-то списана. Нельзя с нее ничего брать. В утиль пойдет, в металлолом. Вот так.

— В металлолом? Еще лучше! Тогда давайте меняться: вы мне — москвичевский мотор, а я вам — свой Л-12. Вес, примерно, одинаковый.

— Хитрый Митрий... А не сумеешь отремонтировать мотор, тогда что? Опять прибежишь? Обратно меняться? Он ведь наполовину разукомплектован.

Как многие хозяйственники в подобных случаях, Дементьев не торопился расставаться со своим добром. Не то чтоб ему нужен был этот изувеченный мотор или он надеялся как-то приспособить его к делу, вовсе нет. Но и отдать так, за здорово живешь, казалось досадным.

— Уже раскулачить успели? — неодобрительно сжал губы Осетров. — Еще год подержите, так и вовсе ничего не останется. «Собака на сене: самому не нужен, и мне не отдает».

Торг продолжался долго.

Все же, переночевав в леспромхозе, Осетров добился своего. Под конец Дементьев даже расщедрился: дал грузовик довезти двигатель до Кержаков:

— Только уговор: всю конфискованную рыбу сдавай в нашу столовую, — напутствовал Дементьев инспектора. Сунув руки за желтый ремень, выпятив мягкий живот, директор стоял на крыльце конторы, массивный, как тумба. — Вот так.

— Всю не всю, а привозить буду, — пообещал Осетров, легко перебрасывая через борт сухощавое жилистое тело. Он так дорожил сохранностью добытого мотора, что даже не сел в кабину, устроился в кузове, чтоб придерживать на толчках драгоценный груз.

До поры до времени никто в Кержаках, кроме Семёна Сизых, не должен был знать о сюрпризе, ожидавшем браконьеров. И вблизи деревни Осетров замаскировал двигатель ветками; к дому подъехал боковой улочкой, заставил шофера подать машину задом во двор. Заодно грузовик затянул на тросе во двор и лодку. Только здесь, под защитой высокого забора и Урагана, можно было надеяться скрытно отремонтировать и поставить мотор «Москвича».

К счастью, ни один важный агрегат с двигателя в леспромхозе снять не успели. За двое суток бешеной работы, с помощью Семёна, Осетров перебрал и установил двигатель.

— Ночью опробую, перед утренней зорькой. Поедешь со мной, Сеня?

Чумазые, с головы до ног перепачканные автолом, но веселые и бодрые, Осетров и Сизых сидели рядышком на борту моторки.

— А то? Охота ж поглядеть, как ты им теперь фитиляставишь!

7.

Ах, как пошла старенькая моторка! Нет, не пошла даже — полетела! Будто невидимые крылья вдруг выросли у нее за кормой.

«Бу-бу-бу!» — глухо ударяла вода в днище лодки. Она уже не плыла, а рвалась, скакала по гребням волн, вся выносясь из воды в своем стремительном беге, одной лишь кормой удерживаясь в родной стихии. Двадцать

три лошадиные силы нещадно гнали ее вперед, вздувая серебряные усы бурунов выше бортов.

Осетров засмеялся, потом запел. Без слов, одними модуляциями голоса. Радость распирала грудь. Семен лежал животом на носу лодки, морщась от водяных брызг, часто оборачиваясь назад, отдуваясь, подмигивая инспектору. Красная рубаха на его спине вздулась пузырем. Лодка шла так, что ветер бил в лицо, мешал дышать.

Первую браконьерскую лодку заметили у Щучьей косы. Налетели коршуном. Егор Даниленко, костлявый, нескладный мужик, не успел даже выбросить рыбу из лодки, завести мотор. Так, растерянного, с сетью в руках, Осетров и сфотографировал его своим «фэдом». Протокол — протоколом, а фотоснимок — документ!

— Здорово, приятель! — зло приветствовал браконьера инспектор. — Опять пиратствуешь?

— Верь совести, Виктор Николаич, семейству хотел только на ушицу наловить, — пролепетал Даниленко. — Десяток-два хвостов.

— Богатая у тебя уха намечалась, — едва сдерживаясь, сказал Осетров. На дне лодки горкой лежали снулые хариусы и ленки. Несколько самок, со вспоротым брюхом, валялись отдельно. — С икрой. А ну, сматывай сеть, снимай мотор!

— Да как же я тогда до дому доберусь? Непорядок это, Виктор Николаич. Самочинство!

— А ты выруби жердь подлиньше да и пихайся ею на здоровье повдоль бережка, где не глыбко, — издевательски посоветовал Семен. — Так и сплывешь.

— Сетенку бы хоть оставили, Виктор Николаич! — униженно клянчил браконьер, не достаивая ответом односельчанина. — Капрон ведь. Одна она у меня...

Как не похож был сейчас Даниленко на того, прежнего, нагло хохотавшего над незадачливым инспектором! Согнутая спина, заискивающая улыбка...

— Ни к чему она будет теперь, Даниленко. Не плавать тебе до конца запрета. Сеть сожжем, а мотор конфискуем. Принесешь квитанцию на уплату штрафа — вернем. Но только после нереста. Веры тебе нет. Будешь пока сушить весла на берегу.

К исходу дня инспекторская лодка заполнилась отобранными подвесными моторами.

— Лихо мы им дрозда даем! — восхитился Семен. — Раз, два, три... восемь движков прибрали к рукам!

При встречах с браконьерами одно лишь присутствие Семена Сизых помогало Осетрову лучше всякого оружия. Самые заядлые буяны только отводили душу в бессильной ругани. Никто не рисковал померяться силой с инспектором, за спиной которого молча, но многозначительно маячил Семен. Вооружившись заводной ручкой, он задумчиво покачивал ею, словно не замечая злобных взглядов и ругани односельчан.

Второй день принес куда более скромные трофеи: десяток самолетов и сетей, два лодочных мотора. Как видно, известие о новом маневре инспектора облетело всех браконьеров не только Кержаков, но и ближних деревень.

— Убей меня бог, ежели мы их не заставим с удочками на берегу сидеть! — давясь от смеха, сказал Сизых.

Богатыря страшно смешила возможность подобной ситуации. Чтоб закоренелые браконьеры, вроде деда Ивана, спокон веку орудующие взрывчаткой, острогой, сетями, перегораживающие целые ручьи и речонки, смиренно сидели на берегу с удочками! Да ради одного этого стоило не спать, носиться по всей Ангаре с Николаичем!

— Отставить смешки! — по-военному строго скомандовал Осетров, но не выдержал тона, сам расхохотался. До кашля, до колик в боку. Действительно, — картина, достойная богов: браконьерские зубры в роли любителей-спиннингистов!

Преследование продолжалось. Один из конфискованных моторов Осетров отдал Семену Сизых, и теперь уже две лодки патрулировали по Ангаре, обшаривали все протоки, устья речонки, отмели. Если браконьер успевал своевременно заметить опасность, моторки рыбоохраны вдвоем брали его в клещи, отжимали к берегу, отрезали всякую дорогу к спасению. Семен окончательно вошел во вкус, все свободное время проводил на Ангаре.

— Эх, и клянут же меня на деревне! — лучезарно сияя, рассказывал он инспектору. — Каб могли, просто живьем бы съели, с сапогами!

Вскоре Осетров еще усовершенствовал свою мотор-

ку. Выхлоп мощного двигателя в тихую погоду разносился слишком далеко, спугивая хищников. Инспектор склепал из жести преогромный глушитель, надел его на выхлопную трубу, и моторка стала ходить почти бесшумно.

— Как кошка за мышом крадется, — определил Сизых.

Первые успехи радовали обоих друзей, но не вскружили им голов. Днем теперь почти никто не рисковал сунуться на Ангару, но ночами, особенно когда луна скрывалась в облаках, браконьеры все же разбойничали. Только не нагло, как прежде, а со всеми предосторожностями.

— Дед Иван, почитай, каждую ночь шакалит. С сынами — Серегой и Кешкой, — озабоченно докладывал Семен. — И взять его не просто: вторую «Москву», паразит, на свою лодку поставил! Ракета! А взять надо. Он давний закоперщик по этим делам. Вся деревня по нему равняется. Кончим деда Ивана — кончится грабеж на Ангаре.

Сизых не преувеличивал. Семейство Бережных задавало тон всем окрестным браконьерам. Им восхищались, ему подражали. Стало известно, что еще одна лодка начала ходить на двух моторах. Тут уж не мог помочь и «Москвич»! Надо было действовать решительно и быстро, пока не перевооружились все браконьеры.

8.

Ночью в окно тихонько постучали. Осетров спал, но так чутко, что сейчас же соскочил с кровати, приник к окну, сясь разглядеть ночного посетителя. Во дворе стоял Семен, сплуснув нос о стекло, делая какие-то таинственные знаки, манил к себе инспектора.

Как был, в одном белье, босиком, Осетров выскочил на крыльцо.

— Собирайся, Николаич. Моментом! Старик к Девьему мысу выходит.

Пояснений не требовалось. Наконец-то Семену удалось разузнать маршрут самого заклятого браконьера! До сих пор все попытки накрыть врасплох Ивана Бережных кончались неудачей. Старик был хитер, осторожен и чуток, как бес. При одном лишь признаке опасности он включал оба мотора и мгновенно развивал, как мрачно

шутил Осетров, «третью космическую скорость». Оставалась одна возможность изловить матерого хищника: устроить ему засаду.

— Аниська бабам сболтнула: «Наши сегодня на тайменя собираются, к Девьему мысу», — рассказывал Семен Осетрову, пока моторка выбиралась на фарватер. — А бабы — моей хозяйке. Я и почал следить. Глаз с ихней избы не свожу! Только Кешка за лодкой вышел, я — р-раз через заплот и к тебе.

Посоветовались, решили: полным ходом идти вверх; потом правой протокой подобраться к тайменьям ямам напротив Девьего мыса и там затаиться в тальниках.

— Успеем ли только опередить Бережных? — волновался Осетров. — Если он услышит нас впереди, повернет обратно.

— А глушитель? — возражал Семен. — Ни черта нас не слышно. Да и Кешка долго за лодкой проходит. Она далеко у них от дому. И Кешка копун. Верняк полчаса время убьет. Ты об другом моли бога, Николаич, чтоб месяц не высунулся, не спутал наши козыри.

Место для засады выбрали чуть повыше ям, чтоб обеспечить себе свободу маневра; в самой густой черноте, вплотную к берегу.

— Не передумают? Придут? — почему-то шепотом спросил Осетров, чувствуя, как от волнения у него потеют ладони.

— Приду-ут! Куда они денутся, — приглушенным баском уверенно ответил Семен. — Да вон они, слышишь? Легки на помине.

Осетров напряг слух. Теперь и он различил в мертвой тишине далекий комариный зуд: снизу поднималась лодка.

— Сразу будем брать или погода? — спросил Сизых. По голосу своего помощника Осетров понял, что Семен тоже волнуется. — Серега у них сильно отчаянный. Этот и пальнуть не задумается. А ружье, слышно, всегда при них.

— Нет. С рыбой накроём. Чтоб прокурор не придрался.

Рядом всплеснулась какая-то крупная рыба. В тальниках осторожно прошелестел ветерок. И опять все стихло. Комариный зуд близился.

Ничто на этой величаво спокойной ночной реке не на-

поминало о фронте. Но в памяти Осетрова внезапно всплыла ночь, когда он стоял со своим танком в засаде. Вот так же тихо было вокруг. Так же далеко-далеко, едва слышно звенели, приближаясь, немецкие танковые моторы. Осетрову предстояло подбить головную машину фашистской колонны, не дать колонне развернуться. Никакой надежды уйти, остаться в живых после того, как он обнаружит себя, у Осетрова не было. Он знал, что обречен на смерть. Но страха не было. Все поглощалось одним огромным желанием — выполнить приказ командира.

Что ж, он и сейчас выполнил свой долг. Даже если ему суждено получить бандитскую пулю.

Комариный зуд постепенно перешел в двойное стрекотание моторов. Пригнувшись, Осетров различил в лодке на фоне ночного неба три силуэта.

— Вся троица тут, — прошелестел над самым ухом голос Семена.

Не отвечая, Осетров слегка пожал руку друга. «Молчи, Сеня. Будь готов».

С минуту казалось, что лодка Бережных пройдет мимо. Моторы не сбавляли оборотов. Но в последний момент браконьеры, как будто кто их окликнул с берега, круто переложили руль и направили моторку прямо к прибрежным тальникам, в которых спрятались Осетров и Сизых.

Глухо стукнула о борт крестовина — «наплав». Прошуршала сеть. Моторы заглохли. Ловля началась.

Медленно сплывая по течению, лодка Бережных почти поравнялась с засадой, когда Иван Трофимович вдруг засуетился, привстал на коленях:

— Есть! Серега, выбирай сеть. Кешка — давай к берегу.

Браконьеры работали быстро.

Минута — и нос лодки с шорохом врезается в сырой песок. Еще немного — и все трое склоняются над вытященной сетью. Сеть прыгает, шевелится: несколько тайменей бьются в ней, силясь освободиться из смертного плена. «Пора!» — крепко сжимает локоть Семена инспектор, одним прыжком перелетает из моторки на берег.

— Всем стоять! — громовым разрядом звучит повелительная команда.

Свет электрического фонаря выхватывает из мрака

ночи три остолбенелые фигуры. Но уже через секунду одна из них с кошачьим проворством кидается к лодке. В руках Сереги — ружье. Ствол направлен на человека с фонариком.

— Бросай ружье! Стреляю!

Крик Осетрова, два выстрела сливаются вместе. Гаснет фонарь, в темноте ничего нельзя разобрать. Кто-то стонет. Кто-то свирепо ругается.

Свет вспыхивает снова. Теперь видно, что Осетров стоит на ногах, зажимая ладонью плечо. Кровь быстро смачивает пальцы. Серега лежит на земле и стонет. Иван Трофимович в ужасе смотрит на сына. Кешка неподвижен, как соляной столб. Сизых держит фонарь и ругается сверхъестественными словами. Он вне себя.

— Оглоед седой! Зараза паршивая! Чего натворил, а? За рыбий хвост человека чуть не убили! Все-то тебе мало, ненасытная утроба, в три горла жрать готов!

Сизых поднимает ружье, хряпает его о колено и швыряет обломки наземь. Он ищет, на чем еще сорвать зло. Ярости нужна разрядка. Но Серега лежит раненый, дед Иван убито молчит. И тогда богатырь одной затрепщиной сбивает Кешку с ног. Все-таки легче!

Через полчаса вниз по Ангаре трогается кортеж. В передней лодке за рулем — Семен Сизых. В носу лежит, постанывая, Серега. Рана не опасна для жизни — пуля пробила мякоть руки, лишь слегка повредив кость, — но болезненна. Осетров сидит рядом с Семеном на корме. Плечо ноет, кровоточит под самодельным бинтом, но удача ночной вылазки подбадривает инспектора. Вырван самый опасный зуб!

Позади, на буксире, покорно влечется знаменитая, неуловимая лодка Бережных. Оба ее мотора сняты, лежат на дне. Иван Трофимович понуро свесил голову. Ему есть о чем поразмыслить. Что-то ждет теперь Серегу? Вооруженное сопротивление власти, покушение на убийство... Загонят парня на Колыму. Лет на пять. Остался Витька без отца. Пропади она пропадом и рыба эта! Сам виноват — не надо было Сереге ружье давать. Горячая голова, кипятик. Кешка вот посмирнее, не пальнул, зато и цел останется. Рука Ивана Трофимовича находит голову младшего сына, с непривычной лаской проводит по волосам. Эх, дети, дети, не думалось, что так оно все повернется...

Худые времена настали на Ангаре для браконьеров Кержаков и ближних деревенек! Уже не одна, не две, а восемь лодок общественных инспекторов рыбоохраны, комсомольцев, патрулируют на реке. Ночное происшествие всколыхнуло колхозников, пробудило совесть у многих. То, что раньше рисовалось своеобразным занятным состязанием в ловкости и хитрости, окружалось каким-то ореолом героизма, теперь предстало в своем подлинном свете: разбоя на родной реке, прямого бандитизма.

После ночной перестрелки Сергей Бережных угодил в тюрьму, а Ивана Трофимовича будто подменили. Даже конфискация моторки, сетей, крупный денежный штраф не вывели его из равнодушия, с которым он принимал отныне все удары судьбы. Когда-то самый дерзкий, опытный и удачливый браконьер во всей округе, он теперь выходил на Ангару вместе с внучонком и целыми часами безучастно смотрел в воду. Витька играл «кремушками», а дед, не шевелясь, не меняя позы, как истукан, весь день маячил на берегу. Что-то надломилось в сильной натуре старика.

Несколько раз Осетров натыкался у реки на Ивана Трофимовича, но тот словно и не видел своего врага. Все же, к большому своему изумлению, Осетров заметил, что во взгляде старика нет ненависти. «Владеет так собой, выдержка железная, или в самом деле смирился?»

В Кержаках инспектора теперь уважали. Однако уважение это было основано прежде всего на страхе. Настоящее признание пришло после стычки с директором Лосинопадского леспромхоза.

До Осетрова давно уже доходили слухи о том, что Дементьев изредка пошаливает на Ангаре, пренебрегая запретом, надеясь на свое положение и связи в районе.

— Оно и понятно — начальник, едрена вошь, — с ехидцей говорили колхозники рыбаки Осетрову. — Шишка на ровном месте. Член бюро райкома. Не нам, вахлакам, чета.

Предстояло проверить слухи и или развеять их, или призвать Дементьева к порядку.

Случай представился скоро.

Патрулируя по Ангаре, Осетров заметил на маленьком островке дым костра. Вокруг стояли люди. Шестеро. Валежник горел жарко. Пламя поднималось на добрый метр. «Кто бы это мог быть? Еще как бы пожару не наделажи. Придется пристать».

Веселое пламя, пляшущее на фоне яркой белой бересты, сочная зелень травы, толстые розовые свечи иван-чая настроили Осетрова на радостный лад. Улыбаясь погожему дню, он спрыгнул на влажный песок, похлестывая себя прутиком по сапогу, подошел к костру.

И сразу помрачнел.

На огне, в объемистом чугунном котле варилась уха. Еще с десятков серебристо-серых хариусов валялось на траве. Морщась от жара, прикрывая лицо полой пиджака, Дементьев приправлял уху лавровым листом. Все остальные рыбаки были незнакомы Осетрову.

— Пируем? — не здороваясь, скучным голосом спросил Осетров.

— А-а, инспектор пожаловал! К самой ухе. Знает, шельма, когда подъехать! Садись, гостем будешь, прохрипел директор. — Горло, понимаешь, заложило. Простыл где-то...

Дементьев старался говорить начальственным тоном, сделал даже попытку покровительственно потрепать Осетрова по плечу, но в голосе проскальзывала растерянность. Слух о крутом инспекторе достиг и его ушей.

— Раз уж заварили уху, сами ее и похлебаετε. А эту рыбу я у вас заберу, — кивнул Осетров на кучку хариусов. — И протокол составлю. Ответите по всей строгости закона.

— Да ты что, очумел, парень? — побагровел директор. Оба подбородка пришли в движение, толстый живот заколыхался. — Ты с кем говоришь? С браконьерами, что ли?

— А кто ж вы еще? Самые настоящие.

— Нет, вы только посмотрите на него! — Ища сочувствия, Дементьев повернулся к своим товарищам, показал пальцем на инспектора. — Полгода в районе, а людей не знает. Каков? Позабыл, что ли, как мотор у меня просил? Дементьев я. Понял? Де-мен-тьев! Директор леспромхоза, член бюро райкома. Вот так. А это секретарь нашего партбюро, это главный механик леспромхоза, вот товарищ — плановик из совнархоза...

— Меня-то вы сюда не припутывайте, Валерьян Игнатьич, — поспешно запротестовал сухопарый плановик. — Я рыбалкой не занимаюсь, просто составил вам компанию в выходной день.

— Подпишите протокол, — сухо сказал Осетров, протягивая заполненный бланк Дементьеву.

— Какой еще там протокол? И не подумаю. Ты коммунист? Так вот я тебя, друг ситный, вызову на бюро райкома, там мы с тобой и поговорим. Отчитаешься в своей работе, скажешь, какая помощь нужна. Вот так. А сейчас иди с богом, не зудь над ухом. За полгода раз отдохнуть собрался, так и тут, понимаешь, покоя нет...

— Подписывайте протокол. Не будете? Это вам не поможет. Собирайте рыбу, гражданин Дементьев, несите ее в мою лодку. А вас, товарищи, попрошу предъявить документы! — официально предложил Осетров.

Пятеро покорно полезли в карманы.

— Вот паспорт.

— Профбилет.

— А у меня одно командировочное с собой. Ничего? Дементьев озадаченно хлопал глазами.

— Что же вы стоите? Я сказал — собирайте рыбу! — строго приказал Осетров. — Ах, не желаете ручки пачкать? Хорошо, я вам помогу.

Осетров шагнул к рыбе, но Дементьев загородил дорогу.

— Слушай, парень, ты не охальничай! Уходи подобру-поздорову, — задыхаясь, с трудом прохрипел директор. Багровая краска залила ему все лицо, шею, волосатую грудь. — А то...

— Что — «а то»? — презрительно спросил Осетров. — Успокойтесь. А то ненароком инфаркт схватите. С дороги!

Осетров оттолкнул Дементьева, пытаясь пройти.

— Так ты еще и драться? Рукоприкладством занимаешься?

Дементьев схватил инспектора за горло. Резким ударом снизу Осетров освободился, но Дементьев снова вцепился в него, навалился всей тушей. Оба упали, покатились по земле к костру.

— Валерьян Игнатьич, опомнитесь! Что вы делаете?! — по-птичьи заголосил плановик. Механик кинулся

разнимать борющихся. Но Осетров уже очутился наверху, придавил коленом Дементьева и вырвался из его рук.

Через минуту красный, весь взъерошенный, в золе и пыли Дементьев стоял против Осетрова и плачущим голосом кричал:

— Хулиган! Бандит! Я т-тебя... ты у меня за все расплатишься! Сейчас же к прокурору, в обком партии.

Все же рыбу Осетров забрал, снес в свою лодку. Уже выбравшись на стрежень, оглядел себя с юмористическим видом, покачал головой. Сорочка, разодранная сверху донизу, висела на одном ворота. Локти, колени были густо измазаны золой.

— Нечего сказать, недурная вылазка! Нет, но Дементьев-то каков! «Член бюро райкома»... Уверовал в свою безнаказанность, пьяный хам!

Финал происшествия оказался для Дементьева совершенно непредвиденным. Директор был убежден, что райком горой станет за него, в крайнем случае товарищи слегка, по-отечески пожурят его на бюро, а неудобно инспектора потребуют перевести в другое место. Это-то уж наверняка. Такой тип способен самого первого секретаря райкома схватить при случае за горло...

Дементьев уже был убежден, что это не он, а именно Осетров схватил его за горло.

Все получилось иначе. Райком партии вывел Дементьева из состава бюро и объявил строгий выговор. А совнархоз, по докладной плановика, снял Дементьева с должности директора леспромхоза, послал начальником отдаленного мастерского участка.

На заседание бюро райкома был вызван и Осетров. В перерыве Дементьев подошел к нему, обидчиво сказал:

— Таковский ты человек? Я тебя, можно сказать, из какой беды выручил, мотор дал, не пожалел. А ты меня, в благодарность, угробить собираешься?

— А вы этим мотором надеялись навечно от рыбоохраны откупиться? — насмешливо сощурился Осетров.

Дементьев только рукой махнул. Ничего больше не сказал. И после заседания бюро, ни с кем не прощаясь, тотчас уехал домой.

Вот и сбылось все, о чем говорил, посмеиваясь, сам не веря своим словам, Семен Сизых.

Рыбачьи сети мирно пылятся в чуланах. Бывшие браконьеры чинно сидят на бережку Ангары, провожая печальным взглядом вечерние закаты. Опустела водная гладь реки. Невозбранно нерестится рыба всех пород. Крепкий закон охраняет ее и всяческую рыбу молодь, чтоб густели косяки красавцев хариусов, чтоб множись стаи силачей тайменей, привольно нагуливали мясо и жир юнцы ленки. Нагуливали до поры до времени, на пользу людям. Никогда благодарная природа не останется в долгу у человека, всегда сторицей вознаградит его за заботу о мальчиках, будь то иглистая сосенка, несмышленный бельчонок или резвая рыбешка.

СОДЕРЖАНИЕ

Желтая операция	.	.	.	3
Особое задание	.	.	.	31
В дальнем рейсе			.	42
Северная Одиссея	.		.	62
Ценою жизни	.		.	88
Вровень с птицами	.	.	.	107
На реке Ангаре	.	.	.	129

Вячеслав Васильевич
Тычинин

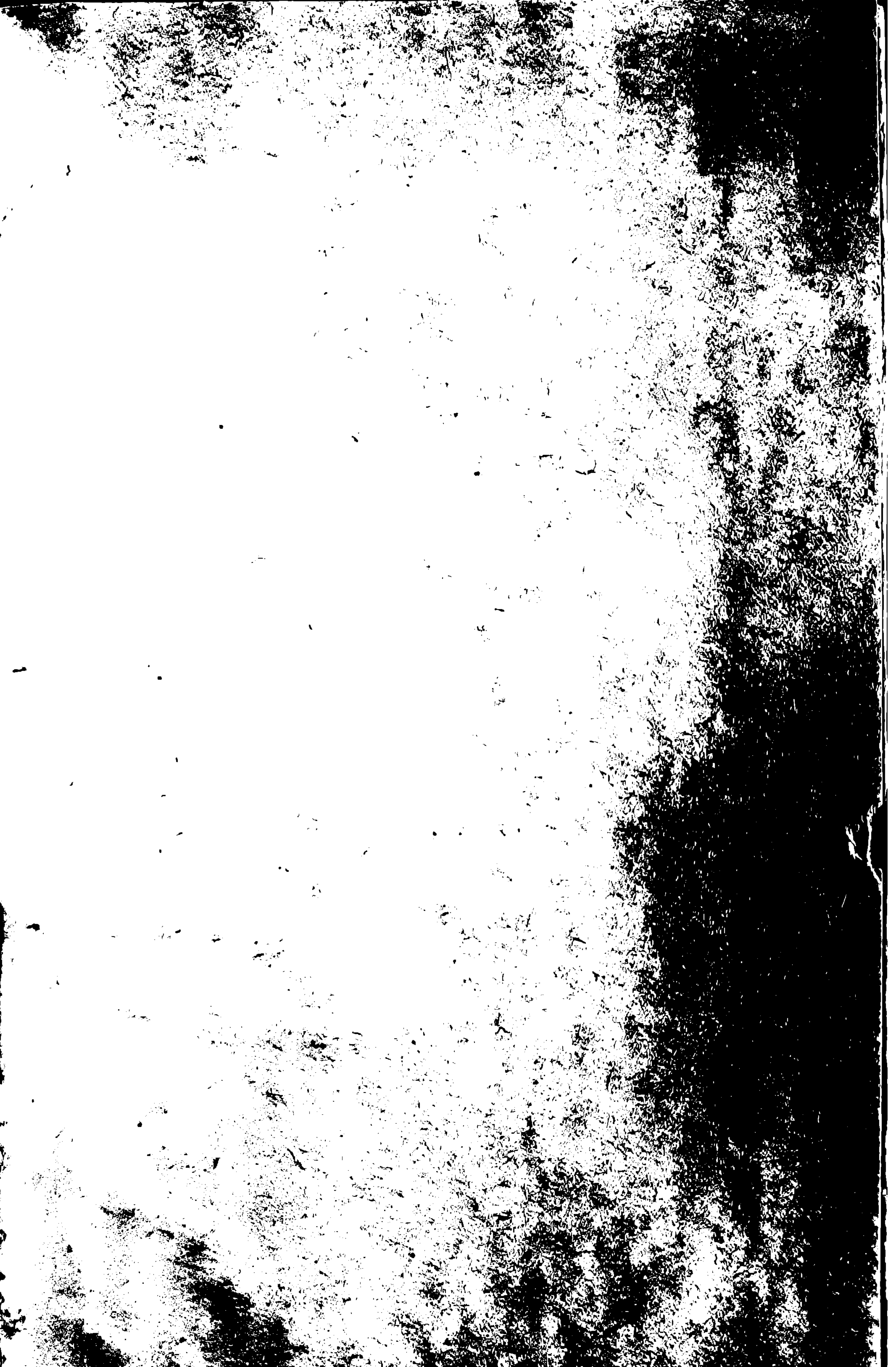
ЖЕЛТАЯ ОПЕРАЦИЯ

Редактор Л. П. Бахарева
Художник В. Прозаг
Худож. редактор С. Г. Ратмирова
Техн. редактор Н. И. Орлова
Корректор М. Г. Петрова

ИЕ 00441. Сдано в набор 13/1 1967 г. Подписано
в печать 15/IX 1967 г. Формат 84×108¹/₃₂. Усл. п. л.
8,82. Уч. изд. л. 8,93. Тираж 30000.
Цена 41 коп. Заказ № 399.

Центрально-Черноземное книжное издательство,
г. Воронеж, ул. Цюрупы, 34.

Типография газеты «Курская правда»,
г. Курск, ул. Ленина, 77.

41 коп.

